

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВА

**Дра
победителей**

Светлана Викторова

Эра победителей

«Издательские решения»

Викторова С.

Эра победителей / С. Викторова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504425-9

Единственная дочь Правителя государства, дерзкая и бесстрашная, отправляется на поиски украденной реликвии — священной Чаши. Но, оказавшись в смертельной опасности, понимает, что угодила в сети коварных планов Правителя враждебного государства, цель которого хитростью, вероломством и силой подчинить своей власти соседние земли, включая те, которыми правит ее отец. Девушка намерена выжить, чтобы разоблачить злодея.

ISBN 978-5-00-504425-9

© Викторова С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	13
Глава 3.	20
Глава 4.	26
Глава 5.	33
Глава 6.	38
Глава 7.	42
Глава 8.	48
Глава 9.	55
Глава 10.	61
Глава 11.	66
Глава 12.	73
Глава 13.	79
Глава 14.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Эра победителей

Светлана Викторова

© Светлана Викторова, 2019

ISBN 978-5-0050-4425-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Кое-что о прекрасной стране, ее Правителе и паре любящих сердец

Не было более завораживающего своим размахом и величием места во всей Флавестине. Редкий путник, преодолевая перевал через Бархатную Грядку, не пожелал бы остановиться здесь отдохнуть или просто задержаться, чтобы бросить мимолетный взгляд на эту удивительной красоты панораму, раскинувшуюся далеко внизу, где живописная равнина уступала место необъятной поверхности океана, простиравшегося до самого горизонта.

Вершина перевала сама представляла собой прекрасный уголок природы. Сюда не доносились никаких звуков, и тишину нарушало лишь пение птиц и тихое, еле слышное журчание воды.

Тропа пересекала поляну, окруженную с трех сторон деревьями с густой шевелюрой крупно-лиственной кроны. Они дарили усталому путнику прохладу в полуденный зной и великолепный привал под сенью сочной благоухающей зелени. С четвертой стороны поляну ограничивало ущелье, в этом месте рассекавшее Бархатную Грядку на две части.

В час, когда солнце уже клонилось к закату и природа постепенно замирала в предчувствии сумерек, затихали даже птичьи голоса и воздух становился почти неподвижным.

Неожиданно из чащи послышался шелест раздвигаемой листвы и поскрипывание грунта под ногами, и на поляну вышел запоздавший путник в запыленном дорожном плаще. Он сильно спешил: ему предстоял спуск, который необходимо преодолеть до темноты, а солнце уже коснулось деревьев.

Едва переведя дух после нелегкого подъема, он торопливо пересек поляну, направляясь к тому месту, где начинался спуск к городу. Здесь он остановился, не в силах отказать себе в удовольствии насладиться прекрасным видом, открывавшимся прямо перед ним отсюда, с восточного склона Бархатной Гряды.

В нескольких шагах влево от него находилось глубокое ущелье, на дне которого в бурлящем пенном потоке несла свои воды река, стиснутая с двух сторон каменными утесами. На краю обрыва кто-то заботливо уложил (и как-то притащил сюда!) огромные валуны, предупреждавшие об опасности.

Путник смотрел вдаль перед собой, и, хотя ущелье было сбоку от него, ему казалось, что река вытекает прямо у него из-под ног, торопливо проскочив это узкое место своего русла, чтобы далее, разлившись по просторной равнине и преодолев несколько миль, спокойно и величаво объединиться с водами великого океана, едва потревоженными мелкой серебристой рябью, и слиться с небом на кромке горизонта.

Далеко внизу, по левую сторону реки, размещались выполненные в форме геометрических фигур участки фруктовых садов, принадлежавшие монастырю, расположенному неподалеку.

Оба берега были усыпаны небольшими суденышками.

Посередине реки находились несколько живописных крошечных островков, покрытых буйной цветущей растительностью. Выше по течению, у самого ущелья, там, где русло было наиболее узким, через реку был переброшен мост в виде полукруглой каменной арки.

С правой стороны реки лежал как на ладони Флесил – столица Флавестины, вернее, северная часть города, видимая с этого места, со всеми многочисленными домами и постройками, улочками и переулками. Город удачно вписывался в природный ландшафт, располагаясь на равнинной местности между побережьем океана на востоке и Бархатной Грядой с западной стороны.

Путник, созерцавший внизу долину и раскинувшийся на берегу город, был молод, подтянут и высок. Выражение лица, слегка обветренного и загорелого, позволяло угадать в нем решительный и волевой характер, несмотря на явные признаки усталости во всем его облике.

Он с блаженством подставлял себя легкому ветерку, восходящему с низины, который приятно освежал лицо, поднимая вверх его волосы, заметно посветлевшие от продолжительного соприкосновения с солнцем.

Его взгляд задержался на прекрасной панораме, тонувшей в легких сумерках, а губ касалась легкая улыбка.

Сколько раз он видел свой город с этого места – и каждый раз его сердце восторженно замирало и наполнялось радостным волнением! Это был его дом...

Помедлив еще мгновение, путник начал торопливо спускаться по крутой горной тропинке. Сумерки были короткими, и темнота стремительно наступала.

Между тем, волнение, возникшее на вершине горы, вместо того чтобы угаснуть, всё больше возрастало. И он знал тому причину.

На окраине Флеси, в небольшом домике, его ждала прекрасная юная особа, о встрече с которой он грезил несколько последних дней.

Полная темнота окутала город, когда он ступил на его улицы. Несколько минут понадобилось, чтобы самой короткой дорогой добраться до цели своего путешествия – так хорошо знакомому ему дому. Он остановился возле ворот.

В это время двери распахнулись, и ему навстречу выбежала стройная белокурая девушка.

– Имакс! – она в радостном порыве бросилась ему на шею. – Как я рада видеть тебя! Ну, проходи же скорей... Я совсем не ждала тебя сегодня!

Она, смеясь, за руку увлекла его в дом. Нетвердой походкой, то ли от усталости, то ли от волнения, он вошел за девушкой в небольшую уютную гостиную со скромной городской обстановкой.

– Глоя, дорогая, я так спешил увидеть тебя... – сказал Имакс, обнимая девушку.

– Я случайно заметила тебя в окошко! Почему ты пешком?

– Я оставил лошадь у лодочника и добрался сюда через перевал. Утром мне необходимо быть у Верховного Правителя. Я успел бы к утру и в объезд Бархатной Гряды, но тогда я бы потерял возможность увидеть тебя. Ведь завтра же я возвращаюсь в Глариаду... И я сократил путь...

– Шел через перевал, через Бархатную Гряду?! – воскликнула Глоя. – Ты, наверное, падаешь от усталости!

Девушка попыталась освободиться, но Имакс удержал ее.

– Быть рядом с тобой стоит и большего...

Он посмотрел ей в глаза.

Глоя была удивительно красивая девушка. Ее лицо с мягкими чертами и нежной светлой кожей было обрамлено каскадом блестящих золотых волос, которые сейчас, будучи свободными от заколок, ниспадали пышными волнами на плечи. Синие глаза под тонкими изогнутыми бровями выражали вдумчивость и доброту.

Девушка была невысокого роста, но обладала точеной и изящной фигурой. У нее были плавные движения и очень женственные манеры, и со стороны она казалась хрупкой и даже по-детски беззащитной.

Кроме того, в ее поведении присутствовала одна уникальная особенность, только ей присущая: в разговоре с собеседником, взглянув на него, она каким-то удивительным образом, непостижимо трогательно поворачивала голову, чуть склонив ее вперед и слегка вытянув шею.

Имакс был уверен, что, когда увидел ее впервые, был очарован ею именно в один из таких моментов...

– Ну, что же ты, хозяйка, не приглашаешь гостя к столу?

На пороге появился отец девушки, среднего роста, благородного вида пожилой человек с аккуратно постриженной бородкой и такой же безукоризненной прической.

Он тепло приветствовал гостя и пригласил его пройти в столовую.

– Конечно, Имакс! – спохватилась Глоя. – Я подам тебе ужин – за столом ты мне расскажешь обо всем, а потом сможешь отдохнуть: завтра тебя ждут в Палате Управления!

Чуть забрезжил рассвет, Имакс направился к Верховному Правителю.

Прощаясь с Глоей, он сказал:

– Я давно мечтаю сделать тебе небольшой сюрприз. Как только я справлюсь со служебными делами и у меня появится время, мы с тобой устроим праздник, – он загадочно подмигнул ей, – жди меня.

Он направился к центру города, где располагалась резиденция Верховного Правителя. Имакс работал в его штате и являлся представителем Флавестины в Глариаде – соседнем, очень дружественном государстве, территория которого начиналась не так далеко от равнины, примыкавшей к Бархатной Гряде с запада, а на севере выходила к океану по соседству с Флавестинией.

В обязанности Имакса входило поддерживать связь между двумя резиденциями, выполняя множество поручений своего Правителя. Он много времени проводил в Глариаде и успел узнать и полюбить ее так же, как и свою Флавестину.

Среди узких улочек Имакс выбрал самую короткую дорогу. С того места, откуда он вчера с восторгом наблюдал окрестности Флесиля, из-за густых зарослей Бархатной Гряды не было видно его центральной части – самого значительного и оживленного района города.

В центре Флесида на небольшой возвышенности располагалась площадь Рассвета. С разных сторон, как лучи солнца, к площади примыкало множество улиц, и только с востока был крутой спуск, по центру выложенный мраморными ступенями, ведущими к берегу моря. Всю площадь украшали деревья и очень красивые клумбы ярких и душистых цветов.

В центре площади, как гигантский исполин, возвышалось грандиозное архитектурное сооружение – Дворец Единства. Он был выполнен из белого мрамора и в плане представлял собой совершенный круг. По всему периметру снаружи здания его опоясывали 54 колонны, которые поддерживали основание полусферического купола, венчавшего Дворец и выполненного из прозрачного материала. Ступени обрамляли подножие Дворца замкнутыми кольцами и вели к парадным входам в него, которых было три.

Несмотря на то, что снаружи здание выглядело единым, как это и отражало его название, изнутри оно было разделено на три равных сектора, геометрически безупречных – от центра по 120 градусов.

Итак, первый сектор Дворца Единства назывался Палатой Управления. В этом секторе располагались резиденция Верховного Правителя, рабочие места членов его палаты, отвечавших за развитие всех областей хозяйства, зал для заседаний Палаты. Верховный Судья и его Совет, а также служба внутреннего порядка, следившая за исполнением законов, располагались здесь же.

Второй сектор назывался Научный Центр и представлял собой средоточие кабинетов и лабораторий, в которых проводились все научные разработки. Часть сферического купола крыши занимала обсерватория.

В этом же секторе помещались Центральный Университет различных областей знаний, главная библиотека и хранилище научной информации.

И, наконец, третий сектор представлял собой Храм Солнца. Именно он располагался так, что был обращен к востоку, в сторону морского побережья.

Издавна здесь поклонялись одному Богу, которого называли Бог Солнца, и горожане в определенные часы собирались в Храме, чтобы воздать хвалу и поучаствовать в песнопениях в Его честь.

Каждый день на восходе проводился ритуал приветствия Солнцу, которое неизменно во всем своем величии выплывало из морских глубин, озаряя вначале поверхность воды и кайму горизонта, а затем весь небосвод самыми различными, в зависимости от времени года, погоды и еще чего-то только ему ведомому, красками и оттенками.

Конечно, поклонение людей простиралось далеко за пределы самого светила и всей солнечной системы. Оно достигало Великого Духовного Солнца – Творца всей Жизни – скрытого от глаз, но наполнявшего своим духовным светом пространство всех вселенных и их собственные миры, одухотворявшего все живое во всем необъятном космосе.

И физическое солнце на небосводе олицетворяло для людей материальное проявление этого Великого Духовного Света от самого источника Жизни, которому они служили и который воспевали.

В утреннем ритуале могли принять участие все желающие, они стекались сюда еще до рассвета со всех улочек города и в назначенный час вместе с Верховным Жрецом пели песни и возносили молитвы Великому Солнцу всей жизни, расположившись не только в Храме, но и прямо на ступенях, ведущих к берегу.

Излишне уточнять, что Дворец Единства представлял собой центр государственной, научной и духовной жизни не только самого Флесида, но и всей Флавестины.

Легкой уверенной походкой Имакс пересекал уже довольно людную в столь ранний час площадь и приближался к Дворцу.

Он очень любил это состояние раннего утра с его уникальным настроением. В воздухе витало радостное предчувствие предстоящего дня, на который были уже спланированы заботы

и свершения, и который, верно, сам приготовил каждому свой подарок, а, может быть, испытание, о котором не дано знать заранее.

И горожане готовились принять этот день, неповторимый и быстротечный, который не только принесет кому – радость, кому – проблемы, но и подарит великую возможность принять и приумножить эту радость или осознать и преодолеть эти проблемы.

И это чувство предвкушения нового дня было знакомо не только Имаксу. Не было горожанина, который бы не испытывал его в этот час. Именно поэтому они радостно приветствовали друг друга на улицах, стремились к рукопожатию с теми, кто нуждался сегодня в поддержке, дарили друг другу теплые взгляды в полном понимании магии этого незаурядного явления – начала нового дня, в котором все старое, привычное могло вдруг обернуться новым и неведомым; в котором непостижимым образом рождалась и сама проблема, и ее решение, но всегда это был дар возможности, которую необходимо было использовать сегодня, ибо завтра придет новый день, который сверкнет уже другой гранью своей неповторимой магии. И опоздавшие могут обнаружить, что все еще находятся во вчерашнем дне, пропитанном духом пустых надежд, уныния и застоя.

И поэтому люди, чем бы они ни занимались, были очень внимательны к своей жизни. Они пристально всматривались в каждое явление своего дня, каждый поворот событий, анализировали свои поступки и их мотивы, и это было личной внутренней работой каждого, которая никогда не выносилась на обсуждение.

Итак, воздав приветствие Солнцу, они с радостью принимали новый день в свою жизнь и, как ребенок вкладывает новые фишки в пустые ячейки мозаики, формировали день за днем неповторимый мистический узор своей простой и обычной, на первый взгляд, жизни.

Дворец был уже совсем близко. Он был виден с любого места в городе, а вблизи просто поражал воображение своей мощью.

Поднявшись по внешним ступеням, Имакс вошел в Палату Управления.

Охранник улыбнулся ему как старому знакомому. Он, скорее, исполнял роль привратника, так как во Дворец мог войти любой желающий.

Каждый посетитель, переступив порог входной двери и пройдя по длинному коридору, попадал в огромный колонный зал, освещенный через прозрачный купол свода. Этот зал на всю высоту здания занимал меньшую часть площади сектора и находился ближе к общему центру.

Далее по одной из двух парадных лестниц можно было попасть на любой из пяти этажей Палаты, каждый из которых выдавался большим балконом внутрь колонного зала. Множество коридоров, ведущих к разным кабинетам и помещениям на этажах, лучами расходились от балконов по всему сектору.

Имакс поднялся на второй этаж, привычным путем достиг приемной Верховного Правителя, и его тут же пригласили войти.

Из-за стола вышел коренастый невысокий человек с добродушной улыбкой и цепким пристальным взглядом. Это был Крафт.

Имакс почтительно приветствовал его.

Он ответил на приветствие, по-отечески обнял Имакса и предложил ему присесть.

Кабинет был обставлен без излишеств. Кроме стола и ряда полок, заваленных служебными бумагами, в нем находилось несколько кресел и небольшой столик в углу кабинета, на котором стояли некоторые подарки, переданные Крафту как правителю великого государства в знак дружбы и партнерского сотрудничества от представителей других стран, которые часто посещали гостеприимную Флавестину.

Устроившись напротив, Крафт взглянул на Имакса и почувствовал его озабоченность. За те месяцы, что они знали друг друга, служебная официальность в их общении давно была вытеснена доверительным товарищеским взаимодействием.

– Как поживает благословенная Глариада? – поинтересовался Крафт.

Имакс встал, достал пакет и протянул его Верховному Правителю. Тот привычным движением вскрыл конверт и несколько раз внимательно прочел вложенное в него письмо Правителя Глариады – Шегиза.

Имакс молча наблюдал за Крафтом. На лице Правителя отразилось беспокойство.

Имаксу было известно, что Нурон – государство, соседствующее с Глариадой и Флавестиной, – в лице его правителя Кабуфула в последнее время уже совершенно открыто ведет военную подготовку своей армии, созданной не так давно.

Окончив читать, Крафт сложил письмо и задумчиво произнес:

– Шегиз обеспокоен поведением Кабуфула. Он побывал в Нуроне с официальным визитом, и там ему дали понять, что отношения добрососедства и мира с Глариадой под большой угрозой. Кабуфул откровенно демонстрировал ему свои военные достижения и вел себя почти вызывающе.

– Да, по мнению Шегиза, Нурон очень изменился. И меняется тем сильнее, чем больше крепнет его армия, – согласился Имакс.

– Похоже, этот визит очень впечатлил Шегиза.

– В том числе кухня, – подтвердил Имакс.

– Что ты имеешь в виду?

– Он сказал, они едят мясо животных.

– Мясо животных? – переспросил Крафт. – Он сам это видел?

– К сожалению.

– Да, отвратительно...

Крафт встал с кресла и начал прохаживаться по кабинету.

– Шегиза интересует, сможет ли Флавестина поддержать Глариаду, если дело дойдет до военного конфликта. Как бы постараться его не допустить... – озадаченно произнес он.

Затем он обернулся к своему собеседнику:

– Спасибо, Имакс, ты свободен. Я составлю официальное письмо Кабуфулу, и мой Военный Советник сам нанесет ему визит. А сейчас тебя ждут в Палате Управления для решения некоторых вопросов...

Имакс покинул кабинет.

Крафт в раздумьях вернулся за стол.

Он очень любил свою страну, гордился ее людьми и законами. Власть Верховного Правителя была передана ему его предшественником, и он был наделен ею уже много лет.

Крафт был удовлетворен: его государство процветало, а плодородные земли неизменно приносили хороший урожай. Особенно успешно Флавестина торговала тканями и зерном. В стране поддерживались мелкие частные предприятия и поощрялось земледелие. Любой, кто обладал достаточными начальными знаниями, мог стать студентом Университета и получить образование в интересующей его сфере, а затем открыть свою практику или предложить квалифицированные услуги там, где они требуются.

Разумная система налогов позволяла в достаточной мере пополнять государственную казну, откуда финансировались те проекты, которые требовали вложений в интересах государства. Эффект тесного взаимодействия Научного Центра с Палатой Управления позволял получать быстрые и значительные результаты в реализации достижений и научных разработок в различных сферах хозяйства страны, что неизменно отражалось на общем благосостоянии.

Крафт опять вышел из-за стола и стал неторопливо прохаживаться по кабинету, скрестив за спиной руки.

Ситуация, которая сложилась на сегодня в соседнем государстве, беспокоила его все больше и больше.

Как многое изменилось с тех пор, когда много лет назад в Нуроне стал править предшественник нынешнего правителя, который начал свою деятельность с того, что упразднил из храмов жрецов и, по сути, объявил материальные блага абсолютной ценностью!

Последующие деструктивные изменения в государстве охватили почти все сферы жизни, стали приобретать все большее распространение и теперь не только находят поддержку в лице нынешнего Правителя Нуруна, но и, похоже, получили развитие в самом опасном направлении.

Когда Кабуфул сначала тайно, потом все более открыто начал готовить свою армию, Флавестина и Глариада заключили общий союз и вынуждены были предпринять ответные меры.

Крафт задумался над тем, как это удастся одному государству распространять свое нездоровое влияние на весь континент?

Флавестина осуществляет воспитание и образование своей молодежи на тех же принципах, что и раньше, в тех же ценностях и традициях, что были доступны их предкам. Тогда почему так возросло количество правонарушений, посягательств на свободу и собственность, не говоря уже о множественных случаях бессердечности в отношениях среди людей?

Это удивительно, но даже дикие животные ожесточились. Они стали нападать на человека. Теперь их используют в качестве надежных охранников.

Что же от такого соседства ожидать впереди? Трудно было предположить, что именно, но очевидно было одно – конфликт неизбежен.

Глава 2.

О красавице-пантере и об искусстве.

А также о великолепном жеребце и о дружбе

Игрит вышла из прекрасного дома, который утопал в зарослях плетущихся растений, буйно цветущих в это время года. У нее было приподнятое настроение, всегда сопровождавшее ее, когда она шла на занятия в школу Искусств, где обучалась уже второй год.

Игрит была единственной дочерью Верховного Правителя. Она была красива, как ее мать, темноволосая и высокая, со стремительной легкой походкой и живым огоньком внимательных карих глаз. Решительный и независимый характер ей достался от отца, а его изобретательность нашла в ней отражение в качестве неумной и безгранично развитой фантазии.

Крафт считал, что именно благодаря этому, последнему, качеству ей удалось поступить в школу Искусств, выполнив очень сложное контрольное задание так, что ее результат Учитель счел одним из лучших.

Будучи чрезвычайно строгим с учениками, он был скуп на похвалы, и осознать удовольствие учиться у него смог только тот, кто принял его метод обучения не по подсказкам и копированию чужого стиля, а особым способом.

Используя глубокий опыт своей практики, Учитель считал главным помочь ученику отыскать свой собственный канал внутреннего знания, которым каждый, по его убеждению, непременно обладает и который поведет безошибочно, являя чудеса интуиции, к созданию неповторимого и непревзойденного, чем всегда и является результат настоящего искусства.

Сам Учитель был необычайно именитым художником, он содержал школу и участвовал во многих художественных проектах города и страны; учиться у него почиталось за честь.

При этом он очень просто относился к своему таланту, не считая его чем-то особенным, позволяющим ему выделяться среди других людей.

Свою первую лекцию для учеников он начал со слов:

– Бездарных людей не бывает.

После того как стихла волна изумления, прокатившаяся по аудитории, он продолжил:

– Есть только те, кто не хочет или не может раскрыть свой собственный дар. Помочь вам в этом – единственная моя задача. Так что не ждите от меня обучения волшебным приемам живописи и скульптуры, ибо, напротив, вам предстоит учиться у самих себя использованию того дара, который живет в каждом из вас.

Игрит тогда показалось, что она понимает, о чем говорит Учитель. Она знала по собственному опыту, что иногда к ее творчеству подключалась неведомая сила, которой не было объяснения, но которую она ясно ощущала через трепет собственного сердца и которая не исходила ни от ума, ни от мастерства, а имела какой-то другой источник, хотя и неотделимый от нее самой. Она была уверена, что приход этой поддержки, которую она традиционно называла вдохновением, был неизменным залогом полного и неоспоримого успеха того дела, которым она занималась.

Игрит прониклась глубоким уважением к Учителю с того дня, как начала у него обучаться, несмотря на то, что именно к ней он был чрезмерно строг и придирчив.

Он никогда не рассматривал внимательно ее картины, что, честно говоря, ее слегка задевало, а лишь бросал беглый взгляд на результат ее творчества – и с этого момента, будьте уверены, оценка уже бесповоротно назначена. А их у Учителя было лишь две: работа либо принималась, либо – нет. В глубине души Игрит всегда знала, какую из них она получит за то или иное задание.

Перед сдачей картины или скульптуры она, рассматривая свое новое произведение пристально и внимательно, как бы со стороны, подобно тому, как это делает беспристрастный ценитель искусства, отмечала достоинства своего творения, его сильные стороны, как аргументы для общей суммы баллов в его пользу, просчитывая в уме, какую оценку ей ожидать.

Но жил в ней самой неутомимый бесстрастный арбитр, которого не обхитрить, не подкупить. Он-то всегда точно знал, чего на самом деле стоит ее произведение, сколько бы баллов оно ни «заслуживало». И самое удивительное было в том, что вердикт Учителя никогда не расходился с оценкой этого внутреннего неподкупного арбитра.

Сегодня Игрит готовилась получить новое задание по скульптуре.

Школа была еще далеко, и она прибавила шаг. Игривой пружинистой походкой она достигла пересечения с улицей, идущей лучом от площади Рассвета, и направилась по ней знакомым путем в сторону окраины.

Ее внимание привлекла следовавшая ей навстречу процессия из четырех повозок. В первой, возглавлявшей шествие, на высоких сиденьях под матерчатым тентом с ярким красивым узором ехали два человека, в одном из которых она узнала Опула – хорошего знакомого ее отца.

Она издали приветствовала его. Он кивнул ей в ответ и улыбнулся.

Повозки остановились возле скважины, и несколько человек, ехавшие позади, сошли набрать воды.

Игрит подошла к самым последним повозкам, на которых стояли клетки. Одна из них была пустой, а в другой сидела, с интересом поглядывая по сторонам, великолепного вида пантера весьма внушительных размеров.

Седоватый мужчина в рабочей одежде наливал воду из ведра в поилку.

Игрит не удержалась:

– Какое прекрасное животное! Просто королева!

– Это Подружка – гордость питомника. У нее действительно королевская кровь. Ее детеныши – нарасхват, всегда здоровые и очень способные.

Животные были напоены, и процессия двинулась дальше. Игрит помахала вслед красавице-пантере и продолжила свой путь.

Опул, человек, который ехал на первой повозке и которому принадлежали эти хищники, содержал питомник животных на южной окраине Флесила. Взрослых зверей он предлагал зоопаркам, а малышей из их приплода брали цирковые труппы для дрессировки.

Кроме того, хищники очень широко использовались в качестве охранников там, где это было целесообразно. Обученных животных вечером выпускали в специально огороженный для этой цели дворик, опоясывающий место или здание, которое подлежало охране, а днем возвращали обратно в вольеры. Это было как надежно, так и удобно.

Игрит приближалась к школе.

У самых дверей она увидела знакомую фигуру. Ее ждал Флайд. Они знали друг друга с детства, когда вместе бегали в горы и на море, вместе делили свои детские заботы, играли и шалили. Их родители много лет были хорошими друзьями.

Сейчас, повзрослев, Игрит почувствовала, что их отношения перестали быть детскими. Последнее время ей казалось, что Флайд проявляет к ней больше внимания и интереса, чем это предусматривает обычная дружба. Их родители уже открыто одобряли возможность их взаимного союза.

Флайд был молод, статен, обладал хорошими манерами, обучался в Университете Научного Центра, был напорист и инициативен, и любое, даже бесполезное действие предпочитал пустому бездействию.

Со стороны они с Игрит были красивой и подходящей парой, но она всегда рассматривала их отношения как добрые, участливые, но исключительно дружеские.

– Здравствуй, Флайд, что ты здесь делаешь? Ты ведь должен быть на занятиях.

– Я жду тебя. Мы все время с тобой заняты, и ты, и я. А мне очень нужно поговорить с тобой...

– Что ж, говори.

– Не здесь, Игрит, и не сейчас. Ты ведь спешишь. Если ты не против, давай встретимся сегодня после занятий на набережной. Это не займет много времени.

– Хорошо, встретимся, – ответила Игрит.

Войдя в школу, она продолжала размышлять, чем могло быть вызвано столь непредвиденное свидание, но начавшийся урок прервал ее раздумья.

Она совсем забыла об этой мимолетной встрече, полностью переключив свое внимание на Учителя. Занятие было индивидуальным, и она пыталась не пропустить ни одного его слова.

В конце урока Учитель сказал:

– Задание по скульптуре на этот раз ты можешь выбрать сама. Это может быть изображение птицы или животного, на твое усмотрение.

– Пантера! – воскликнула Игрит запальчиво и, спохватившись, добавила: – Если вы не против, Учитель.

– Я рад, что ты выбрала себе непростое задание.

Выйдя из школы, Игрит вспомнила о предстоящей встрече с Флайдом на набережной и неторопливо направилась в сторону площади Рассвета.

Она не сомневалась, что у Флайда есть серьезная причина для этого свидания. Но какая?

Она хорошо знала его семью, они часто бывали друг у друга. Особенно дружны были их отцы. Когда-то в молодости они вдвоем, вместе сложив свои сбережения, начинали совместную деятельность на земледельческом поприще.

Сейчас отец Флайда владел землями в Солнечной Долине и выращивал культуры для ткацкой промышленности. Флайд обучался в Университете на агронома и собирался продолжить дело своего отца, которое приносило хороший и стабильный доход.

Игрит вышла на площадь, и Дворец Единства предстал перед ней в своем грандиозном великолепии. Солнце уже наполовину скрылось за Бархатной Грядой и освещало лишь купол Дворца ярким желто-оранжевым светом.

Пройдя через площадь, она начала спускаться к набережной, где ее уже ждал Флайд.

Несколько шагов они прошли в полном молчании. Флайд выглядел задумчивым и серьезным.

Наконец он остановился, повернулся к своей спутнице и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

– Игрит, мы давным-давно знаем друг друга, и нет нужды в длинных речах. Я пригласил тебя, чтобы сделать предложение. Я прошу тебя стать моей женой.

Игрит от неожиданности промолчала. Флайд продолжал:

– Мои родители будут только рады, твои, я думаю, тоже. И мне необходимо лишь твое согласие.

Она, наконец, произнесла:

– Флайд, это так неожиданно. Честно говоря, я занята сейчас учебой, да и ты тоже. И... я просто еще не думала об этом.

– Пойми, Игрит, мне важно знать твой ответ, и, если ты согласишься, я готов ждать сколько потребуется, даже пока ты выучишься.

– Ты тоже пойми меня. Это очень серьезный вопрос. Единственное, что я могу пообещать тебе прямо сейчас, – это то, что я подумаю...

Они опять зашагали по набережной. Стремительно темнело, и уже кое-где были зажжены фонари.

– Подумай. У нас может быть замечательная семья, я понимаю тебя с полуслова и мы очень подходим друг другу. Я ведь тоже долго думал об этом. Жаль, что ты ничего не замечала...

– Я замечала. Но давай не будем пока об этом говорить.

– Хорошо. Я провожу тебя?

– Нет, Флайд, я хочу еще погулять здесь. Такой прекрасный вечер.

– Я могу составить тебе компанию, если хочешь.

– Нет, не сегодня. Я должна побыть одна, ты меня понимаешь?

– Конечно, Игрит. Пока.

Она осталась одна. Среди гуляющих по набережной стали преобладать молодые пары, которые, взявшись за руки, проходили мимо неё, шутя и смеясь.

Игрит спустилась к самой воде. Она была несколько взволнованна и испытывала смятение чувств.

Созерцание неизмеримости океана уравнивало мысли и помогало успокоиться. Первый раз в жизни ей предстояло принять решение, которое способно повлиять не только на ее судьбу, но и на судьбу другого, далеко не чужого ей человека.

Пришло время взглянуть правде в глаза. Она, безусловно, любила его. Но не так, как она мечтала любить своего избранника.

Игрит вздохнула. При мысли о том, чтобы ответить Флайду отказом, она почувствовала себя виноватой.

Она не отрицала, что он был близок ей, умен и привлекателен, молод и энергичен, внимателен и надежен. Ее родители, к тому же, воспринимали его, как родного. Следует ли из этого, что он должен стать ее мужем?

Ах, как всё неожиданно усложнилось! Флайд горд и самолюбив, и ему трудно будет принять отказ. Ни за что на свете Игрит не хотела бы огорчать его, но и совершать ошибку она не желала.

– Флайд, Флайд, зачем ты затеял это?

Она вспомнила их совместное детство.

Флайд был обычно заводилой, но развитие игры всегда брала на себя Игрит. Она придумывала новые и новые фокусы, и вдвоем они тут же воплощали их в жизнь. Многократно терпели наказания за свои шалости, но это не смиряло их. Даже наказания были предвиденной частью их захватывающих детских приключений.

Девушка присела и, взяв влажный камень у кромки прибоя, бросила его в воду. Кругов, которые разошлись от него, почти не было видно на темной поверхности, и она лишь услышала звук нырнувшего камня.

Один из самых запомнившихся случаев вдруг ожил в ее памяти.

Это произошло не менее восьми лет назад. В тот день в доме у Крафта был Шегиз – совсем молодой тогда Правитель Глариады. Этот визит не был официальным, и оба правителя непринужденно общались в атмосфере уютной домашней обстановки.

Проходя через гостиную, Игрит случайно услышала отрывок разговора, в котором их гость рассказывал, что на днях ему посчастливилось приобрести великолепную скаковую лошадь, равной которой, как он уверял, нет не только в Глариаде, но и во всей Флавестине.

На что Крафт ответил, что мог бы поверить в это, если бы ей удалось обогнать его Рябчика.

Рябчик был молодой жеребец яркой рыже-коричневой масти, с серой отметиной на лбу, обладавший прекрасными физическими данными, необыкновенно выносливый и столь же покладистый. Крафт считал его гордостью своих конюшен.

Его настоящее имя, отражавшее всю замысловатую цепочку знаменитой династии, было громким и вычурным, которое теперь уже никто не мог бы и вспомнить. С легкой руки Игрит

к нему стихийно приклеилось простое и трогательное имя – Рябчик, которое, судя по всему, пришлось по вкусу и ему самому.

Крафт считал жеребца непревзойдённым в скорости и непобедимым в духе.

Шегиз, едва скрывая охватившее его возбуждение, сообщил, что нет никаких препятствий для состязания, ибо сегодня он прибыл на этой лошади и Крафт может взглянуть на нее прямо сейчас.

Мужчины поднялись со своих мест и отправились смотреть лошадей. Так как речь шла о Рябчике, Игрит украдкой пошла за ними понаблюдать, что будет дальше.

Дело в том, что она очень любила Рябчика. И это не имело отношения ни к чистоте породы, ни к его масти или физическим данным. Она любила его за добродушный нрав, теплый взгляд и радостное приветливое ржание. Именно к Рябчику она частенько приходила рассказать о своих детских проблемах и огорчениях, он внимательно слушал ее и все понимал...

Особые отношения установились между ними еще с тех пор, когда Рябчик был веселым шаловливым жеребенком. Он быстро проникся доверием к Игрит, всегда благодарно принимал ее угощения и с готовностью подыгрывал ей.

Нетерпеливо ждал ее и, когда она подходила к вольеру и приветствовала его, в ответ наклонял голову и слегка стучал передним копытом в перегородку, что приводило Игрит в восторг.

Однажды, когда отец случайно оказался свидетелем их взаимного приветствия, он строго запретил этот трюк, опасаясь, что, повзрослев, жеребец ненароком разломает вольер.

Но это не помешало крепнувшей дружбе – они виделись с Рябчиком почти каждый день, Игрит с удовольствием совершала частые, хотя и недалекие – в пределах усадьбы – прогулки верхом.

Итак, Игрит была очень заинтересована разговором и, последовав за отцом и его гостем, слышала, как Крафт похвалил лошадь Шегиза, оценив по достоинству, но, тем не менее, настаивал, что Рябчика ей не обогнать.

Решено было устроить состязание, после которого проигравший отдаст свою лошадь победителю.

Игрит была огорчена несказанно. Хорошо, если Рябчик выигрывает, а если – нет? Им придется навсегда расстаться!

Можно сказать, она была просто сражена таким поворотом событий. Оставалось лишь надеяться на судьбу.

Но Игрит подумала, что в данный момент судьба определенно нуждается в содействии.

Как раз в это время к ним пришел Флайд.

– Ты когда-нибудь видел, чтоб делали ставку на друга? – едва не плача, сказала Игрит.

Флайд что-то прожевал, а затем неопределенно произнес:

– Взрослые иногда ведут себя странно... – он протянул ей пару фиников.

Игрит раздраженно отклонила угощение:

– Флайд, ты же знаешь прекрасно, что меня тошнит от фиников... Лучше подскажи что-нибудь!

Он пожал плечами:

– Тут ничего не поделаешь...

– Зря ты так думаешь, – произнесла Игрит, и по блеснувшим огонькам в ее глазах Флайд и сам понял, что зря.

В это время Крафт с Шегизом прошли мимо, не обращая на них никакого внимания и обсуждая детали поединка.

– Флайд, мне кое-что нужно... Ты понял? – шепнула Игрит ему в самое ухо и посмотрела вопросительно.

Флайд понял, иначе он не был бы Флайдом. В то же мгновение он исчез.

Появился он с кухонным ножом внушительных размеров.

Приготовления к забегу были уже закончены. Пряча нож в складки своего платья, Игрит незаметно подошла к лошади Шегиза и осторожно в нескольких местах, для верности, надрезала сбрую.

Для забега был выбран участок пустынной дороги, которая проходила сразу за усадьбой их дома, ибо в то время здесь была почти окраина города. Все домочадцы собрались на это увлекательное зрелище и болели за Рябчика.

Игрит с Флайдом стояли не дыша.

Лишь только начался забег, как Шегиз тут же свалился с лошади, едва привстав в стременах. Он кубарем покатился по траве, но, к счастью, не пострадал.

В результате короткого расследования, проведенного Крафтом, надрезанная сбруя была обнаружена и Игрит полностью изобличена.

Отец был вне себя. Она до сих пор помнила, как у него мелко подрагивал подбородок, когда он, мобилизовав всю свою выдержку, разговаривал с ней. Салидея, ее мать, стояла рядом и, не имея слов, только качала головой.

Сейчас-то она понимала, что ее легкомысленный поступок мог очень дорого обойтись Шегизу, упади он с лошади в разгар скачек. Это было чрезвычайно опасно. Но тогда его двигало единственное желание сохранить Рябчика.

Самое удивительное, что Шегиз не рассердился. Возможно, в силу своего природного благородства, он придал большее значение мотиву, который обнаружился за этим ее поступком, чем его последствиям и всячески пытался смягчить конфликт, переходя от Крафта к Салидее, успокаивая обоих. Игрит была благодарна ему.

Он даже предложил отложить скачки, но Крафт настоял на том, чтобы они непременно состоялись сейчас.

Но, то ли Рябчик испытывал неоправданное чувство вины, то ли его наездник – оправданное негодование по поводу всего, что произошло, их состояние отразилось на результате забега крайне неблагоприятно.

Признанным фактом оказалась полная победа Шегиза и его новой лошадки.

Из всех участников этой истории, как ни странно, более всех повезло Рябчику. Было очевидно, что он очарован своей новой знакомой – великолепной кобылкой – и с явным удовольствием перешел в руки Шегиза.

Необыкновенно отчетливо, во всех подробностях запомнился Игрит тот далекий день ее детства.

Она продолжала прогуливаться вдоль берега, ступая по шуршащей под ногами гальке. С набережной доносились голоса, но они не отвлекали ее.

В тот раз отец был рассержен крайне и более всего по поводу поведения его дочери. По его распоряжению Игрит предстояло суровое родительское наказание. Она была отправлена на задний двор и заперта под замок в одной из хозяйственных построек, заваленной старой домашней утварью и другим запыленным хламом. Мать тогда пыталась мягко заступиться за неё, но Крафт был непреклонен: сидеть будет до утра и никаких свиданий.

Так как был уже вечер, а Игрит – под арестом, Флайд был отправлен к себе домой. Перед тем как ему уйти, Салидея, опасаясь лично нарушать запрет, попросила его зайти к запертой подруге и узнать у нее через дверь, как она там и не нужно ли ей чего.

При этих ее словах Флайду едва удалось скрыть свою радость, когда он понял, что подвернулась возможность поспособствовать спасению Игрит и настал час действовать. Согласившись, он незаметно захватил длинный отрезок веревки и со смиренным выражением лица направился на задний двор.

Постройка была невысокой, под самой крышей находилось единственное маленькое окошко, куда Флайд намеревался спустить веревку для пленницы. Для этого надо было только попасть на крышу.

Оценив обстановку, он увидел, что с боковой стороны к постройке примыкает низенький сарайчик, по которому можно было добраться почти до крыши.

С присущей ему решительностью, Флайд тут же приступил к осуществлению созревшего плана.

Когда он в потемках влез на самый верх и, стараясь не производить лишнего шума, направился по крыше к тому месту, где находилось окошко, старые доски перекрытия не выдержали нагрузки – и он с грохотом провалился вовнутрь вместе с куском крыши, подняв столб пыли и сбив с ног Игрит, с нетерпением ожидавшую внизу своего освобождения.

К счастью, Флайд ничего не повредил, только сильно ударился лбом. Так, в мгновение ока, он из отважного спасателя превратился в сокамерника, к нескрываемой радости своей подруги.

Флайда никто не хватился. Салидея решила, что, проведав Игрит, он ушел домой, а Грizza, его мать, ничего не зная о случившемся, считала, что он остался, как это часто бывало, в доме Крафта.

Утром, чуть свет, Салидея, торопясь освободить дочь, открыла замок – и трудно вообразить ее удивление, когда первое, на что она наткнулась, был лежащий у порога заспанный Флайд с лиловой шишкой на лбу.

Игрит развеселил этот случай даже сейчас, когда много лет спустя она вспомнила о нем.

Да, они были близки по духу и прекрасно дополняли друг друга. Их союз на деле мог бы оказаться весьма жизнеспособным и успешным.

Она очень высоко ценила их дружбу, в ее глазах Флайд обладал множеством прекрасных человеческих и чисто мужских качеств, включая ум, благородство, целеустремленность, силу и напористость. К тому же, он был честолюбив и амбициозен, что, несомненно, в совокупности с хорошим образованием поможет ему добиться в жизни большого успеха.

«Для любой девушки такой муж, как Флайд, – это сказочная удача», – совершенно искренне подумала Игрит, но почему-то ей стало совсем грустно.

Глава 3.

О том, где скрывается истина. И о том, как свидание может превратиться в свидетельство

Весь следующий день Игрит ваяла пантеру, выполняя задание. Потратив немало сил, так и не дождавшись спасительного вдохновения, она к концу дня, наконец, бросила бесполезную работу.

Выйдя в сад, она разыскала там Салидею, прогуливавшуюся среди роскошных цветов, за которыми та сама ухаживала.

Игрит попыталась поговорить с ней о Флайде, хотя и не призналась, что он вчера сделал ей предложение. Из нескольких фраз она убедилась, что ее мать совершенно уверена в том, что ее брак с Флайдом – это лишь дело времени, и она не представляет для Игрит более подходящего варианта.

Предупредив мать, что идет прогуляться, девушка вышла на улицу и направилась к площади Рассвета.

Навстречу ей шли возвращавшиеся домой горожане. Многие оживленно беседовали, делились новостями и шутили друг с другом. Одни были соседями Игрит, другие – знакомыми, и она то и дело посылала приветствия или отвечала на них.

Выйдя к Дворцу Единства, она направилась в Храм Солнца. В это время здесь уже не было слишкомлюдно.

Переступив порог Храма, Игрит сразу ощутила его умиротворяющую атмосферу.

Изнутри Храм Солнца представлял собой огромный колонный зал, занимающий весь третий сектор Дворца. Сквозь свод купола, исполненный красочным витражом, весь Храм освещался солнечным светом и являл собою великолепное зрелище.

Отражаясь от стен, украшенных золотой лепкой, изображавшей лик Солнца, а также разнообразными картинами ежедневной жизни занятых работой людей, свет, искрясь и играя, заливал все внутреннее пространство.

Над алтарем была изображена сияющая огненно-белая сфера, которую окружали еще несколько концентрически расположенных сфер больших диаметров различных цветов с расходящимися во все стороны лучами.

У алтаря стояла гигантского размера золотая чаша.

Ее ножка была увита плетущейся золотой розой, усыпанной бутонами и цветами, а край чаши был украшен фигурками трех ангелов, которые в виде восхитительных статуэток сидели на ее буртике. Они зачарованно смотрели внутрь чаши и были явно счастливы тем, что видели там.

На двух площадках под самым куполом Храма располагался хор и оркестр, и в течение всего дня, благодаря идеальной акустике, Храм был наполнен волшебным звучанием прекрасной музыки.

Игрит подошла к самому алтарю и вслух произнесла молитву. Она просила о помощи в решении того нелегкого вопроса, который так неожиданно возник перед ней вчера. Игрит должна была принять прямо сейчас единственно верное решение. Она понимала, что ее ответ должен быть конкретным и однозначным: Флайда не устроят отговорки и замалчивания, которые помогли бы этому вопросу просто «застрять» на неопределенное время.

К тому же Игрит сама хотела быть предельно честной с ним и с собой. Она не мечтала об этом браке. Но у нее не было никаких веских причин, по которым она могла бы отклонить предложение Флайда. Или были?..

Трудно сказать, сколько времени Игрит провела в молитве. С последними лучами солнца Храм покинули и последние прихожане. Игрит повернулась к выходу.

В этот момент она увидела величественную фигуру, облаченную в белое, направлявшуюся прямо к ней через весь опустевший Храм. Это был Кашир – Верховный Жрец Храма Солнца.

Он был необычайно высокого роста, одетый в длинную, почти до самого пола, накидку, стянутую на поясе золотистым шнуром, имел красивую осанку и перемещался настолько легко, плавно и бесшумно, что казалось, будто он парил над полом. К тому же накидка на нем, слегка покачиваясь, полностью скрывала шаги.

На его годы указывали лишь длинные седые волосы и густая, такая же седая, борода. В совокупности с белой одеждой, весь его образ казался светящимся в сумерках.

Игрит склонилась в глубоком почтительном поклоне.

Кашир пользовался сказочной славой во всей Флавестине. Ни один человек после встречи с ним не оставался безутешным или разочарованным: Кашир мог оказать поддержку всякому, кто в ней нуждался.

Когда Игрит подняла голову, Верховный Жрец уже стоял прямо перед ней. В этот миг она окунулась в сияние его удивительных голубых глаз, излучавших столько тепла и света, что она почувствовала себя уютно и надежно, словно в объятиях матери.

Впервые она видела Кашира так близко. Лицо его было уверенным и спокойным, голову опоясывал неширокий обруч, по центру которого был помещен крупный красиво ограненный изумруд, игравший всеми оттенками зеленого цвета. Из-под обруча крупными волнами ниспадали на плечи белоснежные пряди волос.

Кашир жестом предложил ей пройти.

Они оказались в кабинете, где Верховный Жрец проводил частные беседы с горожанами. Здесь было уютно, стояло несколько кресел, полы были устланы мягкими коврами, на стене – изображение тех же концентрических сфер, что и в храме над алтарем.

Они расположились в креслах, и Кашир внимательно посмотрел на Игрит.

– Что беспокоит тебя, дитя?

– Флайд сделал мне предложение, – без предисловия сказала Игрит и поведала о событиях последних дней: о Флайде, о своих чувствах и сомнениях и о страхе совершить ошибку. Про себя она удивлялась, насколько легко оказалось выложить всё начистоту, безо всяких утаек, этому почти постороннему человеку, который внимательно слушал ее сейчас.

Завершив рассказ, она вздохнула, не зная, что еще добавить, и затихла.

В тишине прозвучал мягкий голос Кашира:

– О чем бы ты ни думала, какое бы решение ни готовилась принять, есть только один способ не ошибиться.

Игрит взглянула на Верховного Жреца. Его глаза по-прежнему излучали мягкий свет, и добрая улыбка еле заметно играла на губах.

– Всевышний хранит славную судьбу для каждого из нас. Чтобы мы помнили о ней, он поместил часть Себя в наши сердца. Твоя горящая звезда, чье сияние не видно, но неизменно присутствует в твоей груди, всегда знает ответы на любые вопросы жизни. Она поможет преодолеть ямы и ухабы на твоём пути, выведет из глухих непроходимых лабиринтов, подскажет решение любой неразрешимой задачи. Внемли голосу своего собственного солнца, которое было и остается частью Великого Солнца, – и ты всегда примешь верное решение.

Он умолк и перевел взгляд на изображение сияющих сфер.

Игрит нарушила тишину:

– Позвольте мне еще побыть в Храме.

– Ну, разумеется, дитя мое.

Игрит поблагодарила Верховного Жреца и вышла из кабинета, оказавшись вновь внутри Храма, который теперь ярко освещался свечами и в этом свете казался величаво хранящим какую-то незыблемую и славную тайну.

После разговора с Каширом она ощутила необычайную внутреннюю легкость. Она не знала, что произвело на нее такое воздействие: то ли слова, что он сказал ей, то ли его согревающий взгляд, то ли мягкий звук его спокойного голоса.

Подойдя к алтарю, Игрит закрыла глаза и, глубоко вдохнув, на несколько мгновений ощутила себя внутри собственного сердца.

И вдруг обнаружила, что там и нет никаких проблем – там светло, спокойно и ясно! Она почувствовала себя там, в глубине, свободным, никому ничем не обязанным и счастливым существом! И хотя среди других близких людей там все-таки был и Флайд, он по-прежнему занимал в ее сердце место лишь доброго и надежного друга.

«Боже мой, как все просто, – с изумлением и восторгом подумала Игрит, – как все ошеломляюще просто! Я ведь сама выдумала проблему и позволила ей влиять на себя! Как я могла допустить вероятность иного решения, кроме единственно возможного для нас обоих?! Неужели я могла бы принять предложение Флайда, неужели могла бы разрушить наши жизни, поддавшись всего лишь рациональному расчёту, выглядевшему со стороны столь убедительно?»

Она стояла у алтаря не шевелясь, стараясь удержать то состояние блаженства, которое постепенно заполняло ее.

Все было решено. Игрит почувствовала ликование радости в своем сердце. Это было освобождение от бремени, которое она носила в себе два дня. Она просила о помощи – и получила ее. Так было всегда.

И сейчас она испытывала переполнявшее ее чувство благодарности Солнцу, Каширу и самой жизни.

Глоя торговала в ювелирной лавке своего отца. У них было семейное дело и постоянные клиенты. Ей очень нравилось подбирать украшения для взыскательных покупателей, умевших ценить красоту и изящество. Они часто полагались на вкус Глои, делая свои заказы, и никогда не бывали разочарованы.

Отец Глои сам когда-то был ювелиром, и она многому научилась у него. Иногда она делала украшения своими руками, и это было ее любимым занятием.

Сегодня у нее было не много покупателей. Едва дождавшись сумерек, она закрыла лавку раньше обычного и, поспешно собравшись, вышла из дома.

Глоя шла по извилистым улочкам городской окраины, торопясь к реке.

Там, на берегу, ее ждал Имакс. Еще утром он заскочил к ней ненадолго и сказал лишь, что будет ждать ее у реки на закате, при этом он выглядел так, будто к этому времени собирался вступить в права, как минимум, Верховного Правителя.

Глоя догадывалась, что он хочет сделать для нее что-то приятное. Имакс давно обещал, что у них будет праздник, как только позволит время, но не открывал своих планов.

Она старалась идти не слишком быстро, но незаметно для себя постепенно прибавляла шаг. Ее собственные мысли мчались далеко впереди нее. Она перебирала догадки одну за другой, не находя ни одной подходящей.

Почему на реке? Может, он хочет просто покатать ее на лодке в вечерних сумерках? Это было бы очень здорово! А может, они переправятся на тот берег и прогуляются по вечернему саду?

«В конце концов, – думала Глоя, – что бы Имакс ни придумал, главное – мы целый вечер будем вместе, вдвоем, и не так уж важно, на лодке или на берегу».

Глоя вышла к реке и остановилась. Ей не хотелось выглядеть слишком взволнованной, и она перевела дух.

Солнце уже цепляло верхушки деревьев, покрывавших Бархатную Грядку, и небо было освещено ярким красно-багровым светом. Весь берег выше и ниже по течению пестрел от многочисленных лодок, причаленных здесь.

В одной из них стоял Имакс и махал рукой. Глоя уже не сбавляла шаг, она почти бежала к воде, размахивая руками в ответ.

– Имакс, мы выходим в плаванье? – задорно спросила она.

– Не совсем, – улыбаясь ответил Имакс, помогая девушке забраться в лодку.

Она больше ничего не стала спрашивать, предвкушая какой-то волнующий сюрприз. Они отчалили, и Глоя поняла, что они направляются к острову на середине реки.

Вода была спокойная и прозрачная, по-летнему теплая; Глоя плескалась в ней руками и, глядя на Имакса, который не переставал улыбаться, мечтала, чтобы этот вечер никогда не кончался.

В сумерках они добрались до острова. Имакс легко подхватил Глою на руки и высадил на берег. Затем он достал из кармана матерчатую повязку и, смеясь, сказал:

– Ты мне доверяешь? Тогда, позволь, я завяжу тебе глаза...

– Не так плотно, Имакс, – игриво капризничала Глоя, пытаясь подсунуть палец под повязку, – можно, я буду хотя бы подглядывать под ноги?

– Нет, Глоя, нет. Ты нарушаешь правила, – не уступал Имакс, плотно затягивая повязку.

Глоя оказалась в полной темноте.

Они двинулись вглубь острова. Имакс крепко держал ее за руку, раздвигая перед ней ветки деревьев. Глоя слышала, как ее юбка шуршит о листья кустарников, а ноги утопают в мягкой влажной траве. Воздух был наполнен чудесными ароматами цветущих растений, и они, потревоженные, благоухали еще сильнее.

Девушка испытывала пьянящее блаженство, ей казалось, она не идет, а парит в бескрайнем райском просторе, без времени и без границ – ни верха, ни низа, где существует только бесконечность, где можно было бы навсегда потеряться, если бы ни эта, самая надежная на земле рука, которая сейчас крепко и нежно держит ее...

Наконец они достигли места. Было уже почти темно.

Глоя остановилась, а Имакс подошел сзади и мягким движением снял с ее глаз повязку.

В полном изумлении, совершенно недвижимо Глоя несколько мгновений завороченно смотрела на представшую ее взору картину, не произнося ни слова.

Это был один из чудесных уголков природы, превращенный усилиями человека в необыкновенное сказочное место.

Изнутри оно напоминало небольшой шатер, роль стен в котором выполнял кустарник, увитый плющом и выросший по воле природы по незамкнутому кругу до того места, где сейчас стояла Глоя, находясь как бы «в дверях». Возле нее располагался ствол многолетнего раскидистого дерева, нижние ветки которого с одной стороны были приподняты и закреплены, образуя купол «шатра», а с внешней стороны по-прежнему ниспадали на землю, совмещаясь со стеной из кустарника.

«Пол» был усыпан мелкими сухими веточками, а по кругу вдоль всей зеленой стены стояло несколько изящных ваз с букетами прекрасных живых цветов. Некоторые цветы были вплетены прямо в зеленые ветки кустарника, образуя живой ковер.

Все это великолепие освещалось свечами, которые стояли на низком импровизированном столике по центру. Рядом находилось несколько маленьких подушечек, на которые было удобно присесть.

Столик был великолепно сервирован. На нем стояли два серебряных кувшина изящной формы, огромная ваза, до верху наполненная свежими сочными фруктами, и красивый расписной поднос с горкой самых изысканными лакомств на нем.

Имакс, затаив дыхание, наблюдал за Глоей. Он был счастлив, что его затея произвела на нее такое впечатление.

Он долго и тщательно готовил этот вечер и много раз представлял себе этот миг, когда он снимет повязку с ее глаз и увидит, как в них рождается и растет изумление и как, через несколько мгновений оторвавшись от увиденного, она, наконец, оглянется на него в своей трогательной манере – именно так, как сейчас...

Имакс вошел в «шатер» и подал руку очарованной девушке.

Они расположились у столика, ведя неисчерпаемую беседу за пределами реального времени, как это умеют делать только обладатели любящих сердец, вечно тоскующие друг по другу.

Имакс много шутил, угощая Глою, она смеялась, принимая ухаживания, и тоже шуточно подыгрывала ему.

Потом они долго гуляли по острову, сбивая росу с высокой густой травы, любовались серебром лунной дорожки, рассыпанным по воде, слушали трели ночных обитателей.

Они и не заметили, как подкрался рассвет.

Глоя предложила вернуться на берег, дабы с первыми лучами солнца засвидетельствовать ему свою любовь и великую благодарность за удивительные, незабываемые минуты, дарованные им сегодня, и за всё то прекрасное, что их, несомненно, ожидает впереди.

Переправившись обратно с острова, Имакс и Глоя шли вдоль реки, взявшись за руки и почти не разговаривая. Они наслаждались предрассветной прохладой и тихим сонным состоянием природы, еще не готовой к утреннему пробуждению, а также той безмятежностью, которая наполняла их самих.

Свернув вдоль морского побережья и миновав причалы, у которых стояли крупные торговые суда, они не стали взбираться на набережную, а так и продолжали идти по берегу.

Темнота казалась особенно плотной, как всегда бывает перед рассветом.

Но вот небо стало чуть заметно светлеть у самой кромки горизонта.

Они уже подходили к тому месту, где от берега шел подъем к Дворцу Единства.

Вдруг Глоя остановилась и замерла, чуть пожимая руку Имакса, как бы призывая его сделать то же самое.

Он тоже остановился и прислушался. В полной тишине они отчетливо услышали скрип колес повозки совсем близко. Глоя улыбнулась – кто-то едет, что тут особенного? Уже утро.

Они прошли еще несколько шагов, но далее вода подступала к самому фундаменту набережной, и, чтобы двигаться дальше, необходимо было подняться наверх.

Они подошли к ближайшим ступенькам, Имакс, поднявшись первым, вдруг пригнулся и подал Глою знак не шуметь.

В темноте почти ничего не было видно, однако они оба заметили фигуру человека с огромным свертком в руках, поспешно направлявшегося от дверей Храма к ожидавшей неподалеку повозке.

Уложив сверток, человек тут же проворно вскочил в повозку, и после короткой команды лошадь послушно тронулась.

Несколько мгновений спустя звук слегка поскрипывавших колес уже доносился со стороны поворота на боковую улицу.

– Что это было? – спросил, обернувшись, Имакс.

– Повозка и человек на ней, – улыбнулась Глоя.

– Но он что-то нес и торопился. В столь ранний час это не совсем обычно.

– Ну, что ты, Имакс? Храм всегда в безупречном порядке. Когда, ты думаешь, его убирают? Днем он полон прихожан до самой ночи. А утром все опять должно быть как новое. Что-то заменить или переделать можно только ночью. Вот-вот здесь уже будет полная площадь людей!

– Нет, Гляя, что-то было не так. Похоже, он старался быть незамеченным и как-то неоправданно спешил...

– Имакс, я не замечала раньше в тебе такой подозрительности, – опять улыбнулась Гляя.

– Это потому, что ты сама очень доверчивая и открытая душа, и я ценю это в тебе, – он поцеловал ее и еще раз посмотрел вслед скрывшейся повозке.

– Гляя, ты не обидишься, если я погляжу, куда она поехала, и вернусь за тобой?

– Не обижусь, если ты возьмешь меня с собой!

Они побежали за повозкой, ориентируясь на звук колес, который был отчетливо слышен в полной тишине предрассветного утра.

Имакс был серьезен, а Глюю эта затея веселила, но она старалась соответствовать его настроению. Так они пробежали несколько городских кварталов, стараясь не издавать лишнего шума.

Повозка, не останавливаясь и никуда не сворачивая, направилась в сторону южной окраины и двигалась всё быстрее. Имаксу с Глюей пришлось вначале отстать, а затем и вовсе прекратить преследование.

– Это дорога в Солнечную Долину, – запыхавшись, высказала предположение Гляя.

Имакс склонился, внимательно рассматривая следы от повозки. Они были очень характерными. Было очевидно, что правое заднее колесо сильно виляло.

– Не только...

Глава 4.

Как обрести выгодное партнерство. А также на что можно пойти ради искусства и не только...

На следующий день Флайд получил отказ. Принятое решение Игрит изложила очень деликатно и с искренним уважением к его чувствам, одновременно демонстрируя решительность и непреклонность, которые исключали любую двусмысленность в толковании ее слов.

Флайд был обескуражен. Стараясь сохранять невозмутимость при расставании с Игрит, он, тем не менее, чувствовал себя оскорбленным.

Не глядя по сторонам, он брел по улицам Флесила под тяжестью мрачных мыслей.

Он мог предположить, что Игрит не даст ему окончательный ответ сегодня и пожелает отложить разговор, но он не ожидал, что получит такой прямой и твердый отказ.

Надо сказать, Флайд вообще не переносил отказы. Он всегда добивался своего, даже если результат не оправдывал приложенных усилий.

Но сейчас он испытывал глубокую личную обиду. Игрит дала продуманный и взвешенный ответ. Это не было обычным женским кокетством, которое он давно научился легко распознавать.

Флайд обнаружил, что Игрит тем и нравилась ему, что была абсолютно лишена глупого жеманства и двусмысленности, к которым женщины зачастую прибегают в своих попытках очаровать мужчину.

Игрит имела свое, особое, очарование. Очарование уверенности, спокойствия и достоинства. И при этом она никогда не гордилась ни своим положением, ни своими успехами, находя всех людей в достаточной степени одаренными теми или иными талантами.

Себя он считал прекрасной партией для Игрит. Он был сильным, энергичным и деятельным. Он не любил и презирал слабость. И сейчас он особенно злился, потому что в этих обстоятельствах чувствовал свое полное бессилие.

Неторопливо шагая, глядя лишь себе под ноги, Флайд вышел на южную окраину Флесила, оказавшись на объездной дороге, ведущей в Глариаду.

С левой стороны были питомники Опула, справа – живописный восточный склон Бархатной Гряды, а прямо перед ним расстилалась утопающая в полуденных лучах Солнечная Долина.

Красота пейзажа не радовала Флайда: он снова и снова возвращался к разговору с Игрит, неизменно задаваясь одним и тем же вопросом – почему же «нет»?

Бесспорно, Игрит заслуживает для себя самой лучшей пары во всей Флавестине. Но почему этой парой не может стать он, Флайд?

Он был о себе высокого мнения и недоумевал, как другие могли не замечать его неоспоримых личных достоинств, не говоря уже о его высоком статусе наследника крупнейшего землевладения во Флесиле! К тому же, он любит ее, а она явно дала понять, что ей этого недостаточно.

Нет, решительно у нее не было никаких причин отказывать ему. Хотя, пожалуй, кроме одной...

Флайд задумался.

Ну, конечно, – это очевидно! И как ему сразу не пришло это в голову? Этой причиной вполне мог быть новый поклонник!

Флайд почти остановился. Он буквально был сражен неожиданной догадкой. Правда, она вызывала в нем некоторые сомнения. Он прекрасно знал Игрит и присущую ей прямоту, и довольно трудно было допустить, что она могла позволить себе хотя бы малейшую неискренность. Нет, это было совсем на неё не похоже.

Но это так идеально объясняло для Флайда ее поведение, что он решил не сбрасывать со счетов эту догадку. К тому же, он сам толком не знал, как к ней отнестись.

Если это подозрение окажется правдой, то этот факт только с одной стороны упрощает ситуацию, а с другой – усложняет ее.

А именно, если у него есть соперник, то все еще может наладиться для Флайда в том случае, если его не станет. Это то, что с одной стороны. Это обнадеживает.

С другой стороны, если он есть, то куда он денется? Хотя бывает, что люди расстаются, но этого ведь можно и не дожидаться...

Будучи человеком действия, Флайд незамедлительно начал разрабатывать план.

Первое. Предположение о сопернике необходимо проверить в ближайшее время.

Второе. Если...

Неожиданно Флайд услышал, как его кто-то громко и радостно окликнул.

Он совсем не хотел сейчас никого видеть, но ему пришлось заставить себя изобразить улыбку, напряженно растянув щеки к ушам.

На легкой повозке, ехавшей ему навстречу, сидел Патист и, улыбаясь во весь рот, махал ему рукой.

Это был его давний приятель, с которым они долгое время не виделись. Когда-то, в детстве, они дружили, будучи соседями, но потом их пути разошлись. Флайд отправился учиться в Университет, а Патист почему-то предпочел заниматься какими-то сомнительными делами. Чем именно, Флайд не знал, слышал только, что он не совсем в ладах с законом.

– Какая встреча! Как поживаешь, Флайд? И что ты делаешь за городом? – возбужденно приветствовал его Патист.

– Да, вышел прогуляться и не заметил, как оказался здесь. Подвезешь?

– Рад буду, садись. Кстати, именно ты мне и нужен.

Флайд забрался в повозку, и они медленно тронулись к городу.

– Я? Интересно...

Патист, приятельски хлопнув Флайда по плечу, продолжил:

– Подумал, сможешь мне помочь по старой дружбе...

Флайд промолчал. Ему не очень понравилось упоминание о старой дружбе. Он почувствовал, что, скорее всего, от него потребуется что-то не совсем приемлемое.

Патист тоже сделал паузу и посмотрел на Флайда испытывающе. Лицо его стало серьезным.

– Не совсем по дружбе. Можно неплохо заработать, а дел – пара пустяков. Так как?

Они уже въехали в город, и пейзаж по сторонам сменился. Теперь это были неширокие улочки, обставленные аккуратными, небольшими, похожими друг на друга домами.

Стайка детворы с гомоном и визгом промчалась за их повозкой вдоль дороги.

– Ладно, выкладывай.

– Речь об одной вещице. Так, ничего особенного. Просто довольно объемная... Эта вещь должна быть в Глариаде в ближайшее время. Ее хозяин уже там. Он один из известных торговцев. Нашел выгодных покупателей, а товар еще здесь. Ну, понятно, боится провалить сделку. Поэтому заплатит хорошо. Надо только перевезти вещицу, ну, понимаешь, без лишней волокиты... Твой отец ведь каждый день возит то ткани, то сырье. Его даже проверять никто не будет, так что и проблем – никаких.

– А что за вещица-то?

– Да какая разница? Ты в любом случае ни причем. А с остальным я разберусь... Ты не волнуйся, торговец – человек серьезный, пачкаться не станет. Ну, срочно надо, понимаешь? А сейчас время такое – в Глариаде беспокойно, начнут проверять, что да как – неделя пройдет...

– Я понимаю и рад бы помочь, но отец вряд ли согласится. Он очень щепетилен в этих вопросах.

– Флайд, ты все еще как ребенок, ей богу. Я что, твоему отцу предлагаю? Я тебе предлагаю. Зачем ему знать? Все упаковано, погрузить вместе с товаром – и все! Ты что, заработать не хочешь?

– Сколько он платит?

– Хорошо платит.

– А ты что с этого имеешь?

Патист усмехнулся:

– Не бойся, я своих не обижаю, Флайд, ты знаешь. Дело выгодное, глупо упускать.

– А я не боюсь. Только, кроме денег, за мое участие в этом деле, если я соглашусь, мне от тебя еще одна услуга понадобится.

– Да все что скажешь! – с готовностью воскликнул Патист.

Флайд наклонился поближе и сказал:

– Значит, слушай внимательно. Ты Игрит знаешь?

– Ну, еще бы не знать! Подружка твоя, дочь Верховного Правителя...

– Вот именно. Где живет – знаешь. Понаблюдай за нею. Ну, куда ходит, что делает, с кем встречается... Только каждый шаг, понял? И еще – не поручай это никому и языком не болтай. Ясно?

– Все понял. Будет сделано в лучшем виде! По первому требованию – полный отчет. Так когда будем грузить?

После долгих и кропотливых усилий у Игрит, наконец, получилась пантера. Она осмотрела свое произведение со всех сторон и, сочтя свою работу удавшейся, понесла ее в школу показать Учителю. Это была уже ее третья попытка.

Как обычно, он бросил на скульптуру лишь беглый взгляд, а затем, отвернувшись к окну, произнес:

– Ну, что ж, неплохо. Но это не то, что я ожидал от тебя.

– Что же не так, Учитель? Я переделала ей осанку и оскал. И она мне нравится....

– «Нравится» – это мало. Я жду от тебя искусства, а не копирования формы. Она похожа на пантеру – это самое большее, что я могу сказать о ней.

Игрит огорчилась. Она много трудилась, но, с другой стороны, она чувствовала, что ее внутренний арбитр также не очень доволен.

– Я в замешательстве, Учитель. Сейчас я даже не знаю, что в ней не так и над чем мне работать, – растерянно произнесла Игрит, глядя на скульптуру.

– Все не так, – Учитель повернулся к выходу, – просто ты не знаешь пантер. Единственный способ узнать ее – стать ею.

И он вышел.

Игрит продолжала неподвижно сидеть, пребывая в задумчивости. Стать ею? Что он имел в виду?

Внезапно ее осенило.

Вот оно что! Стать ею! Игрит чуть не подпрыгнула от радости. Как она не подумала об этом сама! Ну, конечно же, – стать *ею!*

Игрит вдруг вспомнила об одном из самых сокровенных переживаний своего детства.

Когда-то, еще будучи маленькой девочкой, она рисовала цветок, сидя прямо перед ним на траве. Это было в Солнечной Долине в прекрасный весенний день. Цветок был на высокой пушистой ножке с резными листьями и состоял из пяти фиолетовых лепестков вокруг тычинок, усыпанных желтым налетом пыльцы.

Игрит очень долго смотрела на цветок, пристально вглядываясь в каждую прожилку на лепестке, и глаза не уставали блуждать по этому совершенному творению.

Так прошло очень много времени. Она представляла, что могла бы чувствовать, если бы была совсем крошечной и лежала на тычинке в пуху золотой пыльцы, покачиваясь на ветру.

Затем ей казалось, что она начала ощущать движение соков в тончайших тканях лепестков настолько, что будто бы это движение было в ее собственных венах! Она тогда на какой-то момент совершенно сроднилась с этим цветком. Игрит взяла краски и очень быстро, в одном порыве, нарисовала его.

Ее отцу тогда очень понравился этот рисунок, и он повесил его в кабинете над своим столом, где он и оставался до сих пор.

Это был как раз тот случай, когда Игрит не могла бы сказать, что ей нравился этот рисунок, гораздо более – он был частью ее самой.

Итак, она знала, что делать. В порыве нетерпеливой решимости она направилась к питомнику Опула почти через весь город.

Добравшись, она встретила там смотрителя, того самого человека, который поил пантеру тогда, на дороге, когда Игрит впервые увидела Подружку.

Игрит попросила разрешения приходить в питомник наблюдать за пантерой, объяснив, что ей необходимо выполнить задание по скульптуре. Смотритель не возражал и пригласил ее пройти к клеткам, где содержались хищники.

– Пожалуйста, – попросила Игрит, – мне бы хотелось видеть именно Подружку.

– Боюсь, это невозможно. Подружка нездорова и вряд ли способна стать моделью.

Они подошли к ее клетке. Пантера лежала в дальнем углу на боку, вытянув лапы.

– Что с ней? – спросила Игрит.

– Что-то с лапой. Я выпускал их в открытый вольер. Потом гляжу – хромает. Я ее сюда забрал. Лежит, второй день не ест ничего. Сдохнет, наверное, хотя жаль ее.

– Может, еще не поздно что-то сделать?

– А что ты сделаешь хищнику? Тут уж как ему повезет... Да и на что она тебе? Вон, Атлет – красавец, с него и ваяй. А те, вон, двое, с прошлого помета, подрастают, так что есть и Подружке замена... Садись здесь. Только клетку не открывай ни в коем случае, они нападать обучены – это сторожевые, только меня признают. А я пойду, работы много.

Игрит посмотрела на Атлета. Да, красавец, шерсть блестит, глаза светятся, умные.

Но Подружка была особенно пластична, когда она видела ее здоровой, и воображение рисовало ей именно Подружку, когда она работала над скульптурой.

Игрит вновь подошла к лежащей в отдельной клетке пантере. Было видно, что распухла передняя лапа. Пантера открыла глаза, взглянула в недоумении на незваного гостя и снова их закрыла, не шевельнув даже головой.

Игрит вышла на улицу.

Питомник находился на самой окраине города, за ним на многие километры простиралась прекрасная Солнечная Долина, которая местами была размечена прямоугольниками возделанных земель, а кое-где покрыта островками живописных рощиц или невысокими холмами в зарослях буйно цветущей зелени. В оправдание своего названия, вся долина была залита ярким солнечным светом.

Девушка с удовольствием вдыхала благоухание полевых ароматов. Именно в этих местах, где-то недалеко отсюда, ей удалось создать свой первый художественный шедевр, в то время едва осознаваемый ею.

Несколько минут Игрит созерцала это великолепие загородной природы, затем быстро зашагала к городу. Она надеялась разыскать одного лекаря, который жил здесь неподалеку.

Игрит не знала этот район хорошо, но ей повезло быстро найти нужный дом, и, к счастью, она застала там и самого лекаря.

Это был очень энергичный и подвижный старичок, который, нетерпеливо выслушав историю о пантере, скороговоркой произнес:

– Нет, дорогая, мне очень жаль, но я не могу заниматься животными, когда во мне нуждаются люди... На севере Флесила в реке только что чуть не утонул мальчик. Опрокинулась лодка с сетями, и он вместе с ней пошел ко дну. Говорят, в сетях запутался... Какой-то смельчак вытащил его, но в каком состоянии парнишка – неизвестно. Мне необходимо срочно быть там и мне не до распухших лап... Извини, дорогая, не могу ничем помочь.

Игрит молча повернулась к выходу.

– Постой, – окликнул ее лекарь.

Он подошел к шкафу с множеством полок и принялся рыться среди многочисленных баночек и флаконов, стоявших там.

– Это редкий случай, судя по твоим словам. Как правило, кошки легко справляются с любого рода ранами и нагноениями самостоятельно, посредством обычной кошачьей гигиены... А, вот она!

Он извлек небольшую баночку и потянул Игрит.

– Возьми это. Я делал сам эту мазь. Пусть ей сделают перевязку и оставят на три дня. Если нет общего заражения, то это ей поможет.

– А если есть?

– Тогда она завтра умрет... Ну, беги, дорогая, мне пора идти, – он похлопал ее по плечу.

Игрит вышла на улицу. Она привычно произнесла короткую молитву за спасенного мальчика, попросив ангелов Солнца позаботиться о нем, и побежала обратно к питомнику. У нее тоже было важное дело.

«Только бы смотритель был на месте», – думала она. Но его там не оказалось. Она заглянула во все вольеры, но там были только животные, которые испуганно на нее тарасились.

Так и не найдя смотрителя, она отправилась прямо к Подружке.

Животное лежало в той же позе, на том же месте. Игрит вновь вышла на улицу в надежде увидеть смотрителя, затем она вернулась и еще несколько минут постояла у клетки, глядя на беспомощного зверя.

«Вряд ли она способна кого-нибудь загрызть сейчас», – подумала Игрит, еще раз оглянулась по сторонам и осторожно отодвинула задвижку. Пантера подняла голову, но тут же закрыла глаза и снова легла.

«Совсем плоха», – с жалостью подумала Игрит.

По-прежнему никого вокруг. Ей не было страшно, но она испытывала неудобство, оттого что делала что-то без спроса.

И все-таки она медленно открыла клетку и ступила внутрь. Дверца еле слышно скрипнула.

Пантера насторожилась. Она приподняла корпус и уже неотрывно следила за Игрит, которая шаг за шагом к ней приближалась.

Девушка прошла мимо поилки и куска свежего мяса. Почему-то вид нетронутой пищи придал ей уверенности.

– Не бойся, кошечка, – приговаривала Игрит, отчего ей самой становилось спокойнее, – все будет хорошо, вот увидишь, только надо потерпеть немного...

Пантера по-прежнему не сводила с нее глаз, но не делала никаких движений. Игрит приблизилась настолько, что ей было хорошо видно распухшую лапу, которая была глубоко порезана, но не кровоточила, а гноилась.

Пантера стала проявлять беспокойство. Она оскалилась, обнажив белые острые клыки. Игрит замерла.

Может, с ней надо поговорить? Она постаралась, чтобы ее голос звучал спокойно и ровно. – Подружка, девочка, я не желаю тебе зла, мы сделаем перевязку – и ты поправишься...

Не бойся, Подружка, – говорила она пантере.

«Не бойся, Игрит», – говорила она себе, делая при этом еще один шаг вперед.

Перед ней было крупное упитанное животное, наверняка, очень сильное. Животное, способное в один прыжок и следующее мгновение покончить со своей жертвой.

Игрит была так близко, что видела четкий рельеф мускулов под гладкой блестящей шерстью. Между ними было полшага расстояния.

Игрит затаила дыхание. Сейчас предстояло самое опасное. Нужно было не только дотронуться до больной лапы хищника, но и провести целую процедуру. Пантера спрятала клыки, но взгляд ее был внимательный и настороженный.

Девушка оглянулась на оставленную открытой дверь клетки. До этого момента у нее оставался шанс покинуть клетку, избежав неприятностей.

Она вновь посмотрела на хищника, пытаясь оценить степень его подвижности.

К удивлению Игрит, пантера, все это время напряженно за ней наблюдавшая, вдруг обесилена опустила голову на пол и закрыла глаза.

Игрит подумала: «Если я сейчас выйду, то зачем я тогда заходила?», – и медленно присела возле лапы пантеры.

Ее вдруг охватило необъяснимое спокойствие. Она уверенными движениями открыла баночку, указательным пальцем зачерпнула ее содержимое, другой рукой приподняла лапу над полом, провела процедуру от начала до конца и, сняв с себя широкий пояс, завернула лапу, которая показалась ей очень горячей.

Во время перевязки пантера иногда напрягала мышцы, вероятно, ей было больно, но оставалась по-прежнему неподвижной.

Когда все было сделано, Игрит очень медленно поднялась и, не сводя глаз с хищника, спиной вышла из клетки.

В этот момент, вздрогнув всем телом от только что пережитого напряжения, она почувствовала, как чьи-то сильные руки схватили ее за плечи.

– Ах, ты, вздорная избалованная девчонка! – перед ней стоял Опул и тряс ее за плечи. За его спиной стоял испуганный смотритель.

Лицо Опула было совершенно бескровно.

– Она видит тебя в первый раз, она могла просто испугаться, испугаться и броситься! Это что тебе – шерстяная игрушка?!

– Простите меня, – пролепетала Игрит.

Опул отпустил ее плечи и перевел дух.

– «Простите»?! А тебе хоть пришло в голову, что ты рисковала сейчас не только своей жизнью? Что было бы со смотрителем, со мной, случись что? Какая неслыханная вольность! Как ты посмела проигнорировать запрет? Почему не позвала смотрителя?

– Но никого не было, – пыталась защищаться Игрит, – никого. А для нее, – она кивнула на пантеру, – может быть, этот шанс – последний.

– Неужели?! Я своими руками лишил бы ее всяких шансов еще до того, как кто-нибудь, вроде тебя, попытался бы изображать лекаря у нее в клетке, если б знал, что такое возможно!

Опул постепенно приходил в себя. Более ровным голосом он продолжил:

– Сегодня же твоему отцу будет доложено о твоем поступке! Это должно быть наказано. И еще, я запрещаю тебе появляться у вольеров!

Он направился к выходу. Игрит попыталась остановить его:

– Я очень виновата перед вами. Я готова понести заслуженное наказание. Отец очень любит меня, но он строг, и мне придется отвечать за все, что произошло, я не стану отпираться... Но я вас очень прошу, если Подружка выздоровеет, позвольте мне навещать ее иногда. Она необычайно красива, это особенное животное, и мне хотелось бы ее еще увидеть...

Игрит умоляюще смотрела на Опула.

И он смягчился. Шок, который он испытал несколько минут назад, когда увидел Игрит в клетке с хищником, уже прошел, и в душе он не жаждал для нее наказания. Будучи человеком отходчивым, он уже был вполне доволен тем, что никто не пострадал.

«В конце концов, доброе и отважное сердце – это не так уж плохо», – подумал он.

Тем не менее, являясь противником попустительства, счел необходимым проявить разумную строгость:

– Вряд ли это возможно после всего, что случилось, – и удалился.

Глава 5.

Проигрыш даже в настольной игре – плохой знак. Но кое-что потрясающее тоже имеет место...

– Это довольно забавно – быть Военным Советником в таком государстве, как Флавестина, – фальшиво улыбаясь и растягивая слова, говорил Кабуфул.

Перед ним за партией настольной игры сидел Военный Советник Флавестины.

Он осуществлял официальный визит в Нурун по поручению Крафта с целью повлиять на ситуацию зреющего военного конфликта в Глариаде от имени нейтральной пока Флавестины.

– Почему же? – деланно удивился Дрейд.

Он сразу понял скрытую подоплеку этого, на первый взгляд, вполне непринужденного замечания.

Дело в том, что Флавестина никогда не воевала и весь регион населяли государства, никогда не конфликтовавшие друг с другом.

Должность Военного Советника была установлена с тех пор, как военное дело получило развитие на фоне отнюдь не миролюбивой политики соседнего Нуруна, а сам Дрейд, занявший этот пост, прошел специальное обучение.

Но проект военной подготовки государства финансировался скудно, как неактуальный, а курировать его входило в обязанности Военного Советника.

Военная наука, являясь прикладной, для своего развития требовала военных действий, хотя бы учебных, для которых необходимы участники – солдаты. Дрейд не раз обращался к Верховному Правителю с предложением создать армию, способную действовать в военных условиях, но Крафт тогда посчитал принятие такого решения преждевременным.

– Да потому, что воевода без войска – все равно что хищник без зубов, – откровенно насмешливо сказал Кабуфул.

Удар пришелся прямо в яблочко.

Дрейд умел контролировать себя, но в глубине души был весьма непримирим, амбициозен и честолюбив. Он всегда мечтал о влиятельном положении и громкой славе. Свой личный успех он измерял количеством власти, которой выпадало на его полномочия. Поэтому собственная карьера, выглядевшая на сегодняшний день исключительно формально, заставляла его испытывать неудовлетворенность и почти хроническое раздражение.

Военный Советник проглотил пилюлю, но сдержался. Стараясь говорить спокойно, он произнес, передвинув фигуру по клеткам:

– Флавестина – мирное государство, но достаточно сильное, если ей потребуются войска – у нее будут войска, будьте уверены.

С тех пор как агрессивные настроения Нуруна стали очевидны, Верховный Правитель Флавестины принял ряд мер по подготовке бригад специально обученных воинов.

Но Дрейд так и не получил абсолютных полномочий над этими бригадами. Крафт то ли выжидал время, то ли не доверял Военному Советнику.

Без сомнения, Дрейд был уязвлен этим фактом и воспринимал его почти как личную обиду. Но это было их внутренним делом.

– Не кипятитесь, мой друг. Похвальна ваша патриотичность, но не о Флавестине речь, – передвинув в свою очередь фигуру на доске, Кабуфул также протяжно продолжал: – Флавестина – мирное государство, вы правы, и ваши силы там так никогда и не будут востребованы. Я имею в виду вашу образованность, отвагу, ваш природный потенциал. Вы ведь в душе –

военный человек, себе-то вы можете признаться, кому горячка боя – как пища, победа – как воздух! Поверьте, я знаю таких... Ваш ход.

Кабуфул откинулся на спинку и внимательно посмотрел на Военного Советника.

Тот склонился над доской. Разговор принимал для него неожиданный оборот, и он ждал, что за этим последует.

– Вы думаете, мой друг, зачем я говорю вам это, – словно читая его мысли, произнес Кабуфул.

Он вдруг резко выдвинулся вперед и приблизился к самому лицу Дрейда. Затем, понизив голос, сказал:

– Глариада будет моей. Это вопрос трех-четырёх недель, – он снова расслабленно откинулся в кресле, – и мне нужен военачальник в Глариаде, решительный, сильный и талантливый. Как вы.

Военный Советник поднял глаза на Кабуфула. Его наглость изумляла.

– Флавестина – союзница Глариады, но не ваша. Именно поэтому я здесь. Цель моего визита – напомнить вам о том, что Флавестина прервет все связи между нашими государствами, если бесчинства в отношении Глариады не будут немедленно прекращены, – Дрейд встал из-за стола.

– Опять вы о Флавестине, – уныло поморщился Кабуфул, пропуская мимо ушей все сказанное, – там вы навсегда останетесь Военным Советником – распорядителем финансовых бумажек со своей подписью, наблюдающим со стороны, как неуклюжие парни на песчаной площадке машут палками перед носом друг у друга. Кстати, Военный Советник, вы проиграли...

Он резко толкнул с доски последнюю фигуру Дрейда и тоже вышел из-за стола.

– У вас еще есть время подумать над моим предложением. Конечно, от вас потребуются некоторые усилия, совсем незначительные, поверьте, дело стоит того...

– Боюсь, вам придется подыскать себе военачальника в другом месте.

– Что ж, на сегодня партия закончена. Не смею задерживать. Ах, да, цель визита. Передайте Верховному Правителю, что меня более не интересуют никакие дипломатические отношения с Флавестиной, – Кабуфул взял со стола пакет от Крафта, – здесь ваш Верховный Правитель грозит их порвать, что ж, извольте, можете считать их порванными.

Он артистичным движением разорвал пакет, с усмешкой глядя на Дрейда, и бросил на пол кусочки.

– Я надеюсь, что с вами, мой друг, мы еще встретимся, – фамильярно произнес Кабуфул вслед уходящему Военному Советнику.

К великому удивлению Опула и зрителя, Подружка поправилась. Опул не стал жаловаться Верховному Правителю на его дочь.

Ему нравилась эта своевольная отчаянная девчонка, и после некоторой проволочки в воспитательных целях он позволил ей приходить к вольерам.

При этом, учитывая инициативный характер Игрит, выдвинул массу условий, ограничивающих ее поведение у клеток. Если их суммировать, а затем вычестить из всех теоретически возможных действий, то в результате ей позволялось только одно – не вставая сидеть на стуле, который ей был установлен специально поодаль от Подружкиной клетки.

Тем не менее, Игрит была счастлива втройне.

Во-первых, ее красавица-пантера быстро возвращалась в прежнюю форму; во-вторых, благодаря великодушию Опула, ей удалось избежать наказания, к которому она была уже полностью готова; и, в-третьих, у нее, наконец, появилась возможность воплотить идею, которая, без сомнения, приведет к успеху в ее нерешенной творческой задаче.

Срок, который был отпущен ей Учителем на это задание, давно истек, но, на удивление Игрит, он как будто забыл о нем и ни о чем не спрашивал. Но она не собиралась сдаваться.

Каждый день после занятий Игрит отправлялась на другой конец города, к питомнику, и садилась на определенное ей место возле клетки. Ее никто не отвлекал.

Подружка быстро привыкла к новому человеку и не проявляла никакого беспокойства. Игрит даже казалось, что животное испытывает к ней какой-то почти дружеский интерес. Поведение пантеры выглядело вполне доверительным.

Игрит приветствовала Подружку каждый день, усаживалась на стул и несколько часов смотрела на пантеру, пытаясь сделать это единственным занятием для своего внимания. Она старалась разогнать посторонние роящиеся мысли, полностью концентрируясь на животном.

Опул и зритель про себя поразились ее упорству.

Бывали дни, когда ей совершенно не удавалось собраться, она постоянно отвлекалась и, просидев долгое время у клетки, в полном разочаровании возвращалась домой.

Но постепенно у нее стало получаться преодолевать суетливость мыслей и чувств и достигать все большей концентрации внимания.

«Стать ею, стать ею...», – вспоминала Игрит слова Учителя.

Она пыталась уловить выражение её глаз, пристально вглядывалась в игру ее мускулов при ходьбе, в каждую шерстинку на ее гибком пластичном теле. Она даже пыталась увидеть, что у нее внутри, и однажды ей удалось коснуться того состояния, которое она когда-то испытала в Солнечной Долине, изображая цветок.

Игрит почувствовала себя на верном пути и, вдохновленная, с неослабной настойчивостью продолжала свои упражнения у клетки. Она знала, что успех придет тогда, когда ей полностью удастся отождествиться через внутреннее чувство с объектом внимания – красавицей-Подружкой, ибо, как говорил Кашир, мы все – едины.

Потрясающее явление произошло совершенно неожиданно для Игрит, когда она совсем к нему не готовилась. В какой-то миг, находясь дома за своими обычными делами, она вдруг осознала, что способна ярко ощутить образ Подружки прямо здесь, на большом расстоянии от нее!

Игрит отчетливо увидела, как бы из угла клетки, деревянный пол с узкими щелями, наполненную свежим мясом миску и зрителя, закрывающего задвижку. Видение было настолько реальным, что Игрит испугалась и прогнала его.

Она не могла объяснить, как это произошло.

«Ты добивалась результата ценой невероятных усилий, – сказала она себе с растерянной усмешкой, – и так испугалась, когда он неожиданно появился!»

Игрит, не зная, как унять взбудораженные чувства, сделала несколько кругов по комнате.

Она может, может! Она не зря положила столько сил: то, что у нее получилось, превзошло все ожидания! Ведь она хотела лишь создать пантеру, а получила настоящий дар! А вдруг это случайность? Вдруг это больше не повторится?

Она взяла глину и, стараясь сохранять состояние, в котором оказалась, принялась за работу. Пантера у нее получилась легко и быстро, на едином дыхании, она не переделывала в ней ни одной линии – все удалось сразу.

Игрит изобразила пантеру на краю мощной надломленной ветки, ее тело было изогнуто и чуть подано назад, четыре сильных лапы почти вместе. Она балансировала при помощи хвоста, ее взгляд был устремлен вперед и вниз. Это были неуловимые мгновения начала прыжка – в каждой мышце угадывалось скрытое напряжение, готовое через доли секунды вытолкнуть это грациозное тело в головокружительный рывок.

Игрит подумала: было большим заблуждением считать, что все это долгое время она работала над пантерой, на самом деле, она, как выяснилось, работала над самой собой. И только поэтому у нее все получилось! И еще она подумала: если бы сейчас кто-то наблюдал со стороны, как она выполняла скульптуру, то наверняка сказал бы, что ей это не стоило никакого (!) труда.

Постепенно все чувства, обуревавшие Игрит, объединились в общее ощущение победного ликования. Вот, она стремилась, она искала что-то все это время, настойчиво и неутомимо, преодолевая лень и неверие, – и *оно* открылось ей!

Она знала, что это не случайность, это – закон, она много раз пользовалась этим знанием, которым обладала ее душа. Знанием, что любой искатель рано или поздно получает то, что ищет, и гораздо больше.

– Ну, что?

– Да ничего.

Сгорая от нетерпения быстрее узнать ответ на вопрос, единственно волновавший его последнее время, Флайд выслушивал отчет Патиста, встретившись с ним в условленном месте.

– Как – ничего?

– А так. Каждый день в школе.

– А вечером?

– А вечером до самой ночи отирается в питомнике Опула, ну, что на окраине, знаешь? Вот. Потом домой идет.

– И все? Ты уверен?

– Слушай, Флайд, ты меня за кого принимаешь? Я же не за спасибо всё это время за кучей звериного навоза присидел!

– И что она там делала, в питомнике?

– Откуда мне знать? Там кроме старика-смотрителя и зверей нет никого. Заглянул: сидит возле клетки и всё... Я уж думаю, все ли с ней в порядке?

– Это уже не твое дело. Ладно, ты свою работу выполнил... Я сам найду тебя, а пока иди. Известия, доставленные Патистом, вдохновили Флайда. Значит, еще не все потеряно.

Он подумал, что они с Игрит совсем немного времени проводят вместе, занятые учебой и личными делами, в отличие от тех дней, когда в детстве они могли беззаботно резвиться целыми днями в обществе друг друга, которое им никогда не наскучивало.

Ему пришла в голову идея заинтересовать Игрит каким-то стоящим делом, над которым они могли бы работать вместе, и таким образом восстановить былую близость и непринужденность отношений. Ведь они по-прежнему друзья. А там, возможно, что и получится...

Да вот только что придумать такого, чтобы вызвать интерес у Игрит, – нечто интригующее и неординарное, в меру сложное, в меру ответственное?

Каким может быть это дело, Флайда осенило внезапно.

Накануне весь Флесил был потрясен таинственным исчезновением золотой чаши из Храма Солнца и занят ее поисками!

Почему бы им с Игрит не поучаствовать в этом!

В тот день Игрит отправилась к питомнику.

Учитель принял ее скульптуру со скупыми словами одобрения и объявил, что по результатам выполненной работы Игрит переводится на следующий уровень индивидуального обучения. Это означало, что теперь в процессе учебы она будет работать на реальных заказах самого Учителя! По сути, ей предстояла подготовка к самостоятельному творчеству!

Игрит спешила разделить с Подружкой свою радость.

Приближаясь к окраине, она уже видела длинные постройки питомника и прибавила шаг. Подойдя совсем близко, Игрит ощутила необычное состояние вокруг, вызванное, как она вскоре поняла, некой унылой тишиной.

Она вошла во двор питомника и встретила там смотрителя, хлопотавшего по хозяйству. Он обернулся ей навстречу, – Игрит радостно приветствовала его.

– Здравствуй, красавица! Небось, Подружку проведать идешь? Опоздала, милая. Ни Подружки нет, ни Атлета, ни остальных – с грустной улыбкой сообщил смотритель.

– Никого? – удивилась Игрит. – Где же они?

– На хищников нынче спрос хороший. Опул заключил очень выгодную сделку. Теперь он поставляет животных для службы на различных объектах. Ну, охрана, все прочее...

– И Подружку продали?

– Нет, Подружка сбежала, плутовка. Она в вольере была, когда Атлета забирали. Ну, дверь не заперли случайно. Вот она и вышла. Да, поди, пострадает народ-то, пока поймают кто-нибудь. В лес-то она не уйдет: она к людям привыкла. Лишь бы не пострадал никто: хищник он и есть хищник, ему кормиться надо... Всю округу уже предупредили...

Вернувшись домой, Игрит нашла отца и мать в подавленном настроении.

Сегодня стало известно, что Нурон, поправ законы добрососедства, развязал военные действия против дружественной Глариады и вторгся на ее территорию со стороны западных границ.

Шегиз, ее Верховный Правитель, выступил во главе своих войск, чтобы сдержать натиск Кабуфула.

Глава 6.

По таинственному следу исчезнувшей реликвии или Ставка на сближение...

Операция по переброске груза значительно затянулась.

Сначала Флайд потребовал, чтобы Патист прежде исполнил свою часть обязательств. Затем произошла отсрочка в связи с началом вторжения нуронской армии в Глариаду. В течение многих дней у Патиста не было никакой возможности переправить «товар»: Гаяр, отец Флайда, временно приостановил поставку туда своего сырья.

В этих обстоятельствах Патисту пообещали удвоить сумму вознаграждения, и он решил честно поделиться с Флайдом.

Сегодня им удалось преодолеть самый трудный рубеж, и груз, никем не обнаруженный, оказался за пределами Флавестины.

Здесь, в Глариаде, с тщательно упакованной чашей, лежащей у него на повозке, Патист чувствовал себя гораздо увереннее: сейчас все зависело только от него. Ранее он испытывал беспокойство по поводу настроения Флайда и опасался, что тот откажет ему в самый последний момент. К счастью, Флайд сохранил уговор.

Патист все продумал и заранее подыскал место не слишком далеко от дороги, скрытое зарослями деревьев и кустарников, которых здесь было в изобилии, где до вечера собирался оставить свой драгоценный груз.

На его счастье дорога была пустынная, лишь неподалеку виднелся постоялый двор, где Патист намеревался провести остаток дня в ожидании условленного часа.

Никем не замеченный, он свернул с дороги и вскоре достиг тех самых зарослей, в которые еще предстояло въехать с повозкой. Его жеребец никак не мог постичь поставленную задачу и то и дело вопрошительно ржал, в недоумении оглядываясь на хозяина.

Патист одной рукой управлял лошадью, а другой пытался защищаться от веток, которые нещадно его хлестали. На лице остались припухшие царапины.

Наконец они остановились. Патист убедился, что укрытие надежное, выпряг жеребца и, оставив повозку, верхом направился к постоялому двору у дороги.

Здесь у него была назначена встреча с человеком, которому он должен был передать чашу. В запасе у него еще было достаточно времени.

Достигнув места, он передал жеребца в руки услужливого конюха, попросив накормить и напоить животное, а сам отправился в закусочную.

Она занимала первый этаж небольшой гостиницы, в зале было уютно, прохладно и пахло свежей пищей. Патист выбрал место за столиком в углу зала с видом на дорогу и заказал обед.

Ожидая заказ, он наблюдал из окна за дорогой, которая не была оживленной. В прежние времена, когда соседствующие государства активно торговали между собой, обменивались сырьем, товарами, предметами искусства, их жители заводили и поддерживали дружеские отношения и границы были для них чем-то условным.

Ещё совсем недавно дорога была переполнена повозками, тележками, всадниками и даже пешими странниками. В гостинице постоялого двора не всегда хватало места, а закусочную с утра до позднего вечера посещали и покидали люди; обедая, они приносили с собой каждый свои новости, которые тут же за столиками оживленно обсуждались, и помещение всегда было наполнено звучными голосами и смехом. И редко кто, зайдя сюда, не встретил бы среди посетителей хотя бы одно знакомое лицо.

Но с некоторых пор все изменилось. Редкий путник теперь проходил по дороге. Иногда передвигался строй воинов – дополнительные отряды обороны или же люди в повозках с домашней утварью. Лишенные крова искали приюта на пока еще более мирной земле...

Несмотря на то, что в этой части страны до сих пор было вполне спокойно, в самом воздухе витало неуловимое дыхание тревоги. Люди были скованны и немногословны. Никогда прежде на их земли не обрушивались столь жестокие испытания, и никто не знал, чего ожидать от будущего.

Люди молились лишь о том, чтобы их Правителю Шегизу, выступившему во главе своей армии, удалось остановить орды Кабуфула.

На столе Патиста появился дымящийся обед. Патист порядком проголодался и, не теряя времени, приступил было к трапезе, вооружившись столовыми принадлежностями. Он даже успел положить в рот первый кусок, как вдруг кое-что привлекло его внимание.

Изящная бричка, украшенная красной тесьмой и яркими узорами, остановилась у входа.

Статная темноволосая девушка ловко спрыгнула с повозки и торопливо вошла в зал, где сидел, повернувшись к окну, Патист. Он сразу узнал эту высокую стройную фигуру с рассыпанными по плечам тяжелыми каштановыми волосами.

«Гляди-ка ты, Игрит! Что она делает здесь? Сдается мне, это как раз тот случай, который так живо интересует Флайда!»

Патист старательно отвернулся к окну. В его отражении он видел, как Игрит заказала стакан холодного коктейля, наспех выпила его прямо у стойки и, расплатившись, вышла.

Патист забыл об обеде.

Он уже оставил, с позволения Флайда, наблюдение за Игрит, не обнаружив никакого компромата, как вдруг такая удача! Флайд здорово помог ему с чашей, и Патисту тоже не хотелось разочаровывать старого друга.

Как только бричка отъехала, Патист вскочил из-за стола и выбежал на улицу. Он направился к конюшне, быстрыми шагами пересекая двор.

За зданием гостиницы дорога делала развилку, и когда конюх вывел Патисту его лошадь, он спросил, поспешно усаживаясь верхом:

– По какой дороге она поехала?

– Кто, когда? – не понял тот.

– Эта роскошная бричка, минуту назад, – в нетерпении уточнил Патист.

– А-а, да, вот туда и поехала, – сказал конюх, указывая рукой в сторону дороги, что сворачивала к спуску.

Патист, не теряя ни минуты, отправился в том же направлении. Он вскоре увидел впереди знакомую бричку и, не слишком сокращая дистанцию, продолжал за ней следовать.

Проехав за Игрит довольно большое расстояние, Патист стал чувствовать беспокойство. Приближалось время его встречи с неизвестным на постоялом дворе, и туда нужно было вернуться вовремя.

Но ему сегодня определенно везло. Спустившись с пригорка и проехав небольшую ложбину, он увидел, как бричка замедлила ход у Родника, а затем остановилась у лошадиной поилки.

Далее он заметил, как из дверей торговой лавки, расположенной здесь же, появилась фигура и направилась ей навстречу.

«Ага, она с кем-то встречается здесь... – Патист почувствовал почти охотничий азарт. – Кажется, для Флайда есть новости...»

Он придержал лошадь, стараясь оставаться незамеченным.

Так и есть, чутье не обмануло его – ее кто-то встречает...

В следующий момент Патист ощутил опустошающее разочарование. Настолько глубокое, что ему захотелось выругаться. Он узнал Флайда. Она приехала к нему, всего-то навсего.

«Твое рвение, парень, оказалось чрезмерным и, более того, неуместным», – сказал самому себе раздосадованный Патист.

Он напрасно оставил на столе свой остывающий обед, напрасно гонял уставшего жеребца и сам напрасно трясся в седле, вместо того чтобы отдохнуть в приятной прохладе гостиницы. Хорошо еще, что не опоздал на встречу.

Он дал себе слово больше ни за что не связываться с этими полоумными влюбленными парочками, которые способны кому угодно заморочить голову.

Патист, не желая попадаться им на глаза, повернул обратно.

Он вернулся как раз вовремя. Едва ему удалось урегулировать проблему по поводу неоплаченного обеда и расположиться за столиком, как к нему подсел человек в длинном черном плаще.

Он передал Патисту емкий мешочек золота. Патист, украдкой взвесив его на руке, заглянул внутрь и остался доволен. Затем они оба вышли.

Патист отвел незнакомца к спрятанной в зарослях повозке с упакованным на ней бесценным грузом, и после этого они расстались, оба довольные сделкой.

Патист вернулся и остался на ночь на постоялом дворе.

Этим утром Игрит, направляющуюся на занятия, догнала красивая бричка и возничий передал ей записку от Флайда.

Её приятель сообщал ей, что намерен отыскать пропавшую из Храма Солнца золотую чашу и предлагал Игрит присоединиться к нему, если ей это интересно. Он заверил ее, что почти напал на след чаши в Глариаде и в данный момент находится на Роднике, куда она смогла бы добраться, используя его повозку, и, если она желает помочь ему, ей стоит поторопиться.

Родником, куда прибыла Игрит на встречу с Флайдом, называлось весьма популярное среди путешественников место на одном из перекрестков Глариады, где утомленный дорогой путник мог не только напиться родниковой воды, но также получить сытный обед, приют в непогоду и даже ночлег.

В этом месте всегда было очень оживленно, особенно в более благополучные времена, и объяснялось это не только тем, что здесь из-под земли бил источник всегда прохладной и очень приятной на вкус воды, которой можно было утолить жажду, напоить лошадей и даже взять с собой про запас, но особенно тем, что неподалеку находился перекресток из нескольких главных дорог, расходящихся в разные концы Глариады.

Над родником было возведено невысокое каменное сооружение, откуда вода отводилась двумя потоками. С одной стороны можно было наполнить водой бочку, флягу или просто ладони, а с другой стороны она подавалась в глубокий и протяженный желоб – поилку для лошадей, в конце которого вода стекала в землю, чем обеспечивалось ее непрерывное обновление.

По одну сторону родника находилась лавка, где желающие могли приобрести разного рода емкости для воды и другую дорожную утварь, по другую – возвышалось двухэтажное строение, где на втором этаже находилось несколько комнат для решивших остановиться здесь путников, а первый этаж представлял собой конюшню для их лошадей.

Еще дальше вдоль дороги стояла особняком закусовая, вход в которую располагался как раз напротив парадного крыльца двухэтажного здания, где останавливались постояльцы.

– Ну, и зачем ты меня сюда позвал? – спросила Игрит вышедшего ей навстречу Флайда, прыгивая с брички и направляясь к роднику.

Флайд взял лошадь под уздцы и отвел к поилкам, затем подошел к Игрит.

– Ты ведь получила письмо? Лично я намерен найти чашу. У меня есть отличный план и мне нужен помощник. Что скажешь?

– Я готова, коль скоро я здесь. Хотелось бы знать, что ты конкретно предлагаешь...

– Пойдем. Я снял комнату наверху – там и поговорим.

В этот момент Игрит увидела, как у поилок остановилась повозка, к которой был прикреплён прицеп с небольшой клеткой. Рядом никого не было.

– Пошли быстрее, Игрит, мы не можем терять время! – поторопил ее Флайд, оглядываясь.

– Да, иду...

В клетке находилась пантера. Сама повозка как будто показалась Игрит знакомой, но все ее внимание в тот момент было привлечено к животному, которое в неудобной позе, согнувшись, вынуждено было полулежать в неподходящей по размеру клетке.

Игрит показалось, что она узнала свою старую знакомую – сбежавшую из питомника Подружку и уже собралась подойти поближе, чтобы убедиться.

Но в это время ее опять окликнул Флайд:

– Ну, где ты там? Поторопись, пожалуйста...

Игрит догнала Флайда.

– Пошли, – он подтолкнул ее вперед, – нам надо еще подготовиться...

Когда они поднялись по скрипучей лестнице, Флайд сказал, входя в номер и приглашая Игрит:

– Это самая большая комната. Она в торце здания. Смотри сюда, – он подвел ее к окну, – отсюда хорошо виден выход из закуской. А вот в то окно, напротив, вид на родник. А теперь ответь мне, где останавливается первым делом человек, когда приезжает сюда?

– Ну, где? У родника, конечно...

– Верно. И что делает дальше?

– Пьет и ждет, пока лошадь напьется...

– Тоже верно. Только зачем ждать? В это время можно сходить куда-нибудь, например, в закусочную...

– Предположим. И что? – Игрит окинула Флайда вопросительным взглядом. Она по-прежнему ничего не понимала.

– А то, – он перешел к противоположному окну с видом на родник.

Игрит последовала за ним. Она увидела, что повозка с клеткой уже исчезла.

– Любую повозку, которая стоит у поилок, можно очень легко и незаметно осмотреть, определить, что в ней за груз, пока хозяина нет рядом. Чаша, как ты понимаешь, не иголка, поэтому при определенных усилиях вполне реально ее обнаружить...

Игрит глубоко вздохнула:

– Флайд, ты это серьезно? Тогда, может, вспомнишь, когда украли чашу? Во-первых, ее могли уже давным-давно увезти, а во-вторых, это что, единственная дорога в Глариаде? И сколько мы здесь просидим в засаде, обшаривая повозки, пока убедимся, что ловим собственную тень?

– Игрит, ты меня удивляешь. Я что, похож на пустомелю? Неужели я ввязался бы сам и втянул тебя в глупую детскую затею? До сегодняшнего дня чаша не могла покинуть Флесил. Только обещай не спрашивать, откуда я это знаю. Это точно. И это факт. Только сегодня у нас есть шанс ее не упустить. Что касается других дорог, это опять же, смотря откуда ехать. Но дело не только в этом. Дороги, что проходят здесь, наиболее оживленны, а значит, наименее опасны, чтобы перемещать такой ценный груз. Я уверен, что чаша проследует сегодня. И я уверен, что она проследует здесь, – завершил Флайд, решительно направив указательный палец в пол.

– Ладно, – Игрит сдалась, – сегодня можешь на меня рассчитывать. А завтра я возвращаюсь домой. Влетит же мне от отца за то, что сбежала, если чашу не найдем...

– Найдем, – без тени сомнения заверил ее Флайд.

– Если найдем – тоже...

Глава 7.

О том, как оправданная бдительность может оказаться бесполезной.

И о том, как обида побеждает благоразумие

Было около полудня, когда Имакс верхом на своем жеребце приближался к Флесилу.

Внезапно нечто интересное на дороге привлекло его внимание. Он резко натянул поводья, и его конь, взметнувшись на дыбы, возмущенно заржал.

Имакс спрыгнул, примирительно похлопал жеребца по холке и присел у обочины, внимательно разглядывая следы, оставленные проехавшей повозкой. Четкий отпечаток явно указывал на то, что заднее колесо справа значительно виляло, а также и на то, что «провиляло» оно здесь совсем недавно.

Имакс не стал медлить. Он был уверен, что догонит повозку, и, ловко вскочив в седло, пришпорил жеребца.

То, что они с Глоей стали свидетелями похищения чаши из Храма Солнца (теперь он в этом не сомневался), не давало ему покоя. Он мечтал разыскать чашу и не мог позволить себе проигнорировать такой неожиданный шанс.

Он въехал во Флесил и почти миновал его вдоль Бархатной гряды, когда, наконец, увидел впереди цель своего преследования.

К сожалению, на этот раз ему суждено было пережить разочарование.

Процессия из пеших монахов, сопровождавших несколько повозок, передвигалась в сторону моста. Монахи могли следовать в монастырь, находившийся по ту сторону реки.

Имакс догнал последнюю из повозок – вне всякого сомнения, это ее колесо оставляло виляющий след. Кроме этого колеса, у нее не было ничего общего с той, которую он надеялся разыскать.

Монахи, увидев приближающегося всадника, отступили к обочине, уступая ему дорогу.

– Куда путь держите, братья? – спросил Имакс, желая их поприветствовать.

Ему никто не ответил. Он встретился взглядом с одним из монахов, но тот поспешно отвел глаза и прошел вперед.

Имакс остановился. Вся процессия неторопливо прошла мимо него в прежнем направлении. В этом молчаливом шествии не было ничего особенного, но Имакса удивила какая-то общая угрюмость и скованность.

Ему ничего не оставалось, как повернуть обратно.

Во Флесиле он выполнял свои дела, но встреченные монахи не шли у него из головы.

Весь день Имакс испытывал беспокойство и уже под вечер принял решение переговорить с Верховным Правителем.

Подойдя к Дворцу Единства, он, замедлив шаг, подумал, что у него нет даже повода просить встречи, всего лишь какие-то смутные подозрения. Потом решил, что не стоит добавлять сюда еще и собственную вялую нерешительность, и уверенной походкой вошел в Палату.

На удивление Имакса, в приемной почти не было людей, хотя обычно в это время, несмотря на конец дня, целая очередь ожидала аудиенции по разным вопросам.

Имакс почувствовал себя увереннее, решив, что небеса поддерживают его решимость поговорить с Верховным Правителем.

После доклада он вошел в кабинет, они обменялись приветствиями, Крафт пригласил его сесть и сделал выжидательную паузу.

Имакс, не отвлекаясь на предисловия, напрямую спросил:

– Известно ли, что за странный караван направился сегодня после полудня в сторону монастыря?

– Монахи Глариады просят убежища. Их приют слишком пострадал от нашествия Кабуфула. Я принял сегодня их представителя и позволил им остановиться в нашем монастыре. Настоятель не возражает. Позволь спросить, чем вызван твой интерес?

– Все выглядит очень странно... Я сам сегодня из Глариады, но не видел их по дороге ни впереди, ни позади себя. Догнав их, я понял, что между нами была совсем небольшая дистанция. С какой стороны тогда они попали во Флесил?

– С какой стороны – не знаю, да и какая разница? Не оставлять же их в саду, под деревьями, глариадцы всегда были добры к нам.

– А вдруг они не из Глариады? – не унимался Имакс. – Не понравились они мне чем-то. Лица какие-то...

– Ну, какие?

– У монахов взгляд совсем другой, открытый, лица приветливые, и заговаривать они всегда первыми любят. А эти меня увидели – потупились, глаза от земли не отрывают...

– Да какой взгляд, когда беда такая? Не то время сейчас, чтобы беседы разводить. Монахи – тоже люди. Взгляд, лица...

Имакс молчал.

Крафт призадумался. Он всегда доверял этому парню, его внимательности и интуиции. Но на этот раз его подозрения казались Крафту совершенно беспочвенными. А если – нет?

– Хорошо, Имакс. Благодарю тебя. Ты правильно сделал, что пришел. Учитывая обстоятельства нынешнего времени, я сейчас же прикажу проверить наших гостей прямо в монастыре. Надеюсь, это не оскорбит их, если мы извинимся. Ты прав, Имакс. Всегда лучше развеять подозрения, чем копить их.

Из Палаты Управления Имакс вышел с приятным чувством исполненного долга. У него восстановилось прекрасное настроение, и он на разный манер стал напевать про себя последнюю фразу Крафта: «Лучше развеять подозрения, чем копить их».

Но, как это часто бывает, события предпочли обернуться своим, непредвиденным, ходом.

Кабинет Верховного Правителя пустовал от посетителей лишь считанные минуты, после того как его покинул Имакс. Вслед за ним появился посыльный с письмом от Салидеи.

В нем она взволнованно сообщала, что их дочь не была на занятиях и не вернулась домой после них, и вообще никто из знакомых ее не видел в течение всего дня, после того как она еще утром побывала в продуктовой лавке.

Крафта очень взволновало это известие. Он поднял на ноги все Военное Управление, разослал гонцов туда, где, по его мнению, можно было что-то узнать об Игрите.

К величайшему сожалению, которое тогда ему еще только предстояло испытать, Крафт забыл о своем разговоре с Имаксом и о подозрительных монахах, расположившихся у самого города.

После того как весь Флесил только и говорил, что об исчезновении золотой чаши из Храма Солнца, Флайд, конечно, догадался, что за товар он взялся переправлять. Он по началу отчаянно сожалел, что позволил уговорить себя, и мечтал побыстрее избавиться от этого груза и самого Патиста, и с трудом делал вид, что ни о чем не догадывается, а Патист помалкивал, так как не горел желанием обсуждать это.

Но вскоре Флайд сообразил, что может использовать сложившуюся ситуацию с личной выгодой. И дело не в том, что он, без сомнения, получит свою долю от сделки, но самое главное – его осведомленность теперь может здорово помочь ему в том мероприятии, которое он затеял для сближения с Игритем.

Как удачно всё сложилось! У него теперь есть шанс не только многократно увеличить свой личный рейтинг в глазах его бескомпромиссной подруги, но и, кто знает, может, его ждет слава национального героя?

Иначе говоря, Флайд решил направить развитие дальнейших событий по собственному сценарию. А что? Цель его благородна – он желает вернуть похищенную чашу на законное место. Да, он будет неутомимым и бесстрашным, и главное – в результате это принесет всем только пользу.

Патист получит своё вознаграждение, он – своё, чаша вернется в Храм Солнца, и в итоге одураченным окажется только настоящий злоумышленник – так и поделом ему!

Флайд был вдохновлен своей находчивостью и немедленно приступил к делу.

Как только чаша была переправлена в Глариаду, он отправился на Родник, почти уверенный в маршруте похитителей, по крайней мере до этого места, и снял подходящий номер в гостинице.

За Игрит он выслал одну из своих повозок и был уверен, что она не устоит против его предложения. Так и вышло.

Теперь они вместе сидели у распахнутого окна за небольшим столиком, не сводя глаз с дороги, внимательно вглядываясь во все прибывающие со стороны Флавестины повозки.

– Флайд, если мы, допустим, обнаружим на одной из повозок чашу, что мы будем делать? Мы же не сможем ее просто так забрать?

– Там будет видно. Что-нибудь придумаем. По крайней мере, мы её обязательно проследим. Знать у кого чаша – это уже половина дела... Смотри-ка туда!..

По дороге медленно приближался фургон, мерно раскачиваясь на ухабах. Было видно, что он загружен. Флайд и Игрит насторожились.

Фургон свернул с дороги к роднику, и возница остановил лошадь у поилки. Напившись сам, он направился в закусочную.

Флайд взглянул на Игрит загоревшимися глазами:

– Так, мой выход! Ты все поняла?

– Да. Теперь я дежурю у того окна, – Игрит показала рукой на противоположную стену. – Как только увижу, что он вышел из закусочной, быстренько возвращаюсь к этому окну и делаю вот так...

С этими словами Игрит звучно захлопнула створки.

– Отлично, – одобрил Флайд, – я пошел...

– Флайд, – Игрит остановила его, – будь осторожен...

Он улыбнулся, хлопнул ее по плечу вытянутой рукой, как у них было принято в детстве, и вышел из номера.

У родника стояла еще одна повозка, у которой суетились два человека. Дождаясь пока они уйдут, Флайд напился из родника, прогулялся вдоль поилок, постоял, любуясь на небо, и еще раз напился.

Когда все удалились, настал подходящий момент.

Флайд взглянул на окно – оно было по-прежнему открыто.

Он подошел к фургону, осмотрелся по сторонам и заглянул внутрь. Беглым взглядом он увидел, что там лежало что-то объемное, накрытое сверху полотном.

Флайд еще раз оглянулся и ступил на приступки. Только он протянул руку, чтобы приподнять полотно, как до него донесся громкий хлопок закрывающегося окна.

Флайд слетел со ступеньки, на которой стоял, и едва не упал.

Взглянув на здание гостиницы, он увидел, что их окно по-прежнему открыто, а в глубине комнаты, глядя на него, стоит Игрит, пожимая плечами.

Он понял, что тревога ложная: это закрылось окно их соседей.

Флайд приготовился вновь повторить попытку.

Он опять взобрался на приступки, дотянулся рукой до полотна и осторожно приподнял его за уголок. В следующее мгновение он резко отпрянул и вновь свалился со ступенек – прямо на него заспанными глазами смотрело чье-то удивленное лицо...

...Еще несколько повозок было осмотрено, но безрезультатно. Чаши не было.

Патист, если его сделка состоялась, уже по всем расчетам должен был давно передать чашу.

Флайд начал подумывать о том, что его теория где-то дала трещину.

Ну, и что? Зато они вдвоем с Игрит... Он так скучал по ней... А теперь она рядом – как всегда уверенная, рассудительная и неунывающая – прежняя Игрит. К тому же, невероятно красивая...

– Знаешь, Игрит, а не заказать ли нам в номер ужин с фруктами? Что-то есть хочется...

– Заказать... Только после того как проверим вон ту повозку... – она кивнула в сторону дороги.

Флайд увидел в окно, как к роднику приближалась повозка с двумя ездоками. Она была без верха, и в ней лежал какой-то груз, сверху накрытый пологом.

Оба человека сошли, напились у источника, оставили лошадь с повозкой у поилки и направились в закусочную.

Один из них был в черном плаще, постарше и выглядел главным. Другой, одетый в холщовую тунику, похоже, прислуживал ему.

– Что ж, – сказал Флайд, поднимаясь, – после – так после... Ну, я пошел. Схема та же...

– Удачи!

Дело близилось к вечеру, и жизнь на дороге замирала. У родника стояла только одна повозка – та, что подъехала последней. Флайд был уверен, что проблем не будет. Сейчас он увидит очередную кучу хлама в ней и вернется в номер. Наконец-то они поужинают...

Не успел он приблизиться к повозке, как услышал, что окно над его головой с грохотом закрылось. Флайд поднял глаза: за окном стояла Игрит и отчаянно ему жестикулировала.

Он едва успел скрыться за углом, как с другой стороны здания появился один из прибывших и направился к своей повозке.

Флайд поднялся в номер.

– Наблюдаю за ними: вошли в закусочную, – сообщила взволнованно Игрит, – глазом моргнуть не успела, смотрю – один выходит, тот, что в черном плаще, и так быстро к роднику идет! Я скорей на ту сторону – тебя предупредить! ...Что-то не нравится мне эта пара...

– Пара как пара. Посмотрим, что дальше будет...

Они опять расположились у окна, откуда им было хорошо видно лошадь у водопоя.

Человек взобрался на повозку, удобно расположился в ней и даже прилег, укрывшись плащом.

– Похоже, этот не голодный..., – констатировал Флайд, вновь открывая окно.

Время текло медленно, но ждать пришлось недолго.

Вскоре они увидели, как из-за угла появился второй, возвращаясь к повозке. Они обменялись между собой несколькими фразами, но о чем говорили, не было слышно. Затем подошедший занял место в повозке, а человек в плаще встал и направился в закусочную.

Игрит и Флайд переглянулись. Им в голову одновременно ворвалась одна и та же мысль – дежурят!

– У них чаша! – воскликнул Флайд.

– А, может, они что-то другое стерегут? – усомнилась Игрит.

– Вот это и надо выяснить – что они там стерегут... Хорошо, если они на ночлег останутся, а если – нет? Сейчас этот, второй, поужинает – и они уедут! Как быть?

Они опять выглянули в окно. Человек в повозке безмятежно дремал, дожидаясь своего напарника.

– Игрит, сделаем так: я постараюсь его отвлечь, а тебе нужно во что бы то ни стало заглянуть под полог! Хорошо? Станешь за углом. Как только поймешь, что момент подходящий – действуй! Или лучше вот что: возьми мою лошадь в конюшне и приведи к водою, чтоб ближе быть... Поняла?

Флайд вывел лошадь с бричкой, на которой прибыла Игрит, и подошел к роднику. Затем набрал воды в бочонок, намереваясь погрузить его.

– Простите, – обратился он к человеку, отдыхавшему неподалеку в своей повозке, – вы не могли бы мне помочь?

Человек поднял голову и взглянул на него глазами, полными недоумения.

– Пожалуйста, помогите мне бочку погрузить на бричку, – попросил Флайд, указывая рукой в сторону родника.

Человек неуверенно огляделся, но с повозки сошел.

В это время Флайд увидел, как Игрит вышла из конюшни и подвела лошадь к поилкам, максимально приблизившись к таинственной повозке.

– Вот сюда...

Игрит подошла к повозке и незаметно взялась за полог.

В это время человек неожиданно обернулся – Игрит отпрянула.

Потом он стал так, чтобы видеть свою повозку, помогая Флайду погрузить бочонок. Игрит все время оставалась у него в поле зрения и ничего не могла сделать.

Когда бочонок был погружен, человек поспешно вернулся на своё место.

Флайд сделал вид, что уезжает, а Игрит отвела лошадь обратно в конюшню.

– Игрит, у тебя был такой шанс! – восклицал Флайд, вновь оказавшись с нею в номере. – А ты его упустила!

– Да не было у меня шанса! Он с меня глаз не сводил!

– Он полчаса нагнувшись стоял, а ты что делала в это время?

– Флайд, это ты должен был постараться поставить его спиной ко мне, а ты сам встал! Как я могла у него на глазах рыться в повозке?

– Вот именно, я ведь загоразживал тебя! Надо было просто быть проворнее, вот и всё! Теперь уже поздно...

Выглянув в окно, они оба увидели, что человек в плаще, покинув закусочную, присоединился к своему компаньону, и они, более не медля ни секунды, тронулись в путь.

– Ну, вот, – с досадой воскликнул Флайд, – мы их упустили! И всё из-за тебя! Теперь хоть гонись за ними следом!

– Ах, из-за меня!? – Игрит была возмущена таким обвинением. – Ну, конечно, ты-то ведь у нас такой ловкий, такой исключительный! Только ты один всё про чашу знаешь! И где, и когда её везти будут... Может, знаешь даже кто?! Вот и действуй! А с меня довольно!

Игрит резко развернулась и направилась к выходу.

– Игрит, ты куда?

– Я – домой. Меня родители ждут!

– Ты что? Уже поздно, завтра я отвезу тебя!

– Знаешь, Флайд, не надо меня возить, я уже не ребенок.

– Игрит, да что с тобой? Остайся до утра, сейчас не безопасно на дорогах... Да и лошади устали.

– Не нужны мне твои лошади, обойдусь как-нибудь...

– Ну, что ты, как маленькая!? Ну, хочешь сейчас – поедем сейчас, только вдвоем!

– Да не нуждаюсь я в твоих одолжениях! Я возвращаюсь – и точка! А ты гонись за своей чашей, раз такой умный! Всё! Пока!

Игрит вышла на улицу.

Из окна Флайд видел, как она расплатилась и конюх вывел ей старенькую лошадку. Подобрал платье, Игрит села верхом в седло и пришпорила лошадь.

– Ну и характер... – пробормотал Флайд, провожая ее взглядом.

Затем он поглядел на дорогу – повозки простыл и след.

Глава 8.

О том, как поступают с опасными свидетелями...

Перед тем как отправиться к Глое, Имакс решил прогуляться по набережной.

От Дворца Единства он спустился по широким ступеням, глядя на спокойную зеркальную поверхность воды.

Он очень любил это место: оно казалось ему сердцем Флавестины.

К тому же, отсюда, куда ни глянь, открывалась изумительная панорама: либо бескрайние водные просторы, либо засаженные зеленью улицы и скверы города, либо удивительной и непревзойденной архитектуры Дворец Единства.

Имакс с наслаждением вдыхал вечернюю морскую прохладу и думал о предстоящем свидании с Глоей, не предполагая, что события, которые уже начались, оставят от его прежней жизни только воспоминания...

Неторопливо прогулявшись по набережной до конца, он прошел далее до самого устья реки, где у причалов стояли великолепные суда Флавестины, грациозно возвышаясь над неподвижной поверхностью воды.

Имакс с удовольствием полюбовался величием этих плавучих гигантов и свернул к северной окраине города. На улицах в это время суток было не многолюдно, но зато отсюда открывался прекрасный вид на Бархатную Грядку, которая была покрыта однородной растительностью и действительно выглядела как бархат серебристо-зеленого цвета.

Любуясь прекрасными пейзажами, Имакс достиг поворота на улицу, ведущую к дому Глои.

Только он свернул в переулок, как прямо перед собой увидел стоящую у обочины повозку. Не стоило труда заметить, что это была именно та, которую он выследил сегодня утром, следуя за монахами. Он сразу узнал ее.

«Встретить дважды одну и ту же повозку в один день, да еще и столь подозрительную, – слишком много для обычной случайности», – подумал Имакс.

Он остановился. Неподалеку стояла вторая, также накрытая сверху, и, похоже, вокруг никого не было.

Что могут перевозить в таких повозках скромные монахи? Имакс почувствовал, что ни за что не уйдет отсюда, пока не получит ответ.

Он осторожно приблизился, стараясь действовать неторопливо, оглянулся по сторонам и украдкой приподнял полог накладки.

О-о!.. Возглас удивления, который был готов произвольно вырваться у Имакса, вдруг высушил на вдохе всю гортань, да так и застрял в ней где-то на середине. Имаксу пришлось проглотить сухой комок.

Оружие!.. Полная повозка! У беженцев – монахов?! Ну и дела...

Сейчас, подняв глаза, он увидел одного из них, который появился неизвестно откуда и направлялся прямо к нему с приятельской улыбкой на лице. Другого, позади себя, он не видел.

Имакс приготовился к обороне и сделал шаг назад. В следующий момент он уже лежал без сознания на дороге, получив увесистый удар сзади. Оба «монаха» склонились над ним. Один спросил вполголоса:

– Что делать с ним?

– Нельзя его бросать здесь. Придется забрать с собой. Сейчас наши подтянутся, разберут оружие, тогда свалим его в повозку. А сейчас завяжи руки покрепче, на всякий случай.

Игрит выехала на открытую местность.

Она размышляла о своей ссоре с Флайдом. Конечно, она излишне вспыхнула, но и он мог бы быть посдержанней. Обвинил ее во всем – а еще друг называется! Было бы по-мужски просто сказать – ну, не вышло, давай что-нибудь придумаем... Можно было, действительно, за ними поехать незаметно, раз уж вели они себя так подозрительно. Все равно бы они рано или поздно узнали, что в повозке...

Внезапно Игрит осенило. Ведь она могла бы попробовать воспользоваться своим даром! Почему она не сделала этого?! Если бы у нее получилось, они могли бы узнать, что там, под пологом, не выходя из здания!

Какая досада! Да, она просто забыла... Она не привыкла к своим новым способностям. А может, у нее и не получилось бы ничего, ведь она совсем не практиковалась раньше... Да и Флайд все равно не поверил бы ей... Не поверил бы – факт! А то и засмеял бы...

Быстро темнело, Игрит торопилась пересечь долину, а там, за горным хребтом, начинались земли Флавестины, где можно было чувствовать себя как дома.

Считалось, что граница проходит где-то по вершине протяженного горного хребта, который в одном месте по воле природы прерывался, образуя не очень широкий проход, куда и направлялась сейчас Игрит. Здесь была накатана дорога, ставшая одной из основных, ведущих к Флесилу и другим городам, по которой жители соседствующих государств свободно перемещались туда и обратно, осуществляя торговлю, а также совершая официальные и приятельские визиты.

Сейчас Военное Управление Флавестины сочло необходимым выставить в этом месте посты и контролировать приграничную территорию, так как условия времени требовали повышенной бдительности. Ведь часть западных земель Глариады теперь находились во власти Кабуфула, и военные действия на ее территории развивались быстро и непредсказуемо.

Сумерки сгущались: Игрит подгоняла лошадь. Она уже видела впереди посты Флавестины, расположенные у дороги. У наспех сооруженных домиков горели костры, и воины, тихо переговариваясь между собой, что-то готовили на огне. Их лошади, привязанные неподалеку, лениво пощипывали траву.

Природа как будто замерла, даже воздух почти не двигался, в тишине было слышно лишь стрекотанье ночных насекомых. Если бы не эти люди с оружием, можно было бы подумать, что на эти земли вернулись старые времена безмятежности и добрососедства.

Игрит достигла постов, когда уже совсем стемнело. Но здесь было светло от костров, и старший поста, приятный молодой парень с курчавыми темными волосами, узнал ее, так как они уже встречались днем, приветливо улыбнулся и не стал задерживать. Она помахала ему рукой и двинулась дальше.

По эту сторону хребта местность была такая же равнинная, кое-где покрытая зарослями кустарника, но теперь это уже была Флавестина.

Далее тропинка взбиралась на невысокий холм, и Игрит придержала лошадь. Ей почему-то захотелось оглянуться на того темноволосого парня, который проводил ее улыбкой, оставаясь с несколькими дюжинами воинов на посту в столь беспокойное время.

Игрит обернулась назад. С небольшой возвышенности хорошо был виден освещенный кострами лагерь. Сейчас там явно наблюдались признаки оживления.

Игрит поддалась любопытству.

Продолжая наблюдать с холма, она вскоре увидела, как из темноты появился человек, высокая фигура которого была скрыта за полами длинной накидки. Он двигался уверенно и неторопливо, и Игрит поняла, что оживление в лагере было связано с появлением этого человека. К нему подбежал тот самый темноволосый парень и, было похоже, рапортовал об обстановке.

Высокий незнакомец в накидке был хорошо освещен светом костра, но Игрит не удавалось увидеть его лицо, так как он все время стоял к ней спиной. Судя по поведению, это был кто-то важный, возможно, из Военного Управления с проверкой постов. Игрит подумала, что он мог бы помочь ей попасть во Флесил, если, конечно, им по пути.

Она решила подождать и спрыгнула с лошади.

Человек в накидке что-то сказал старшему постов, и тот громко дал команду построиться. Это заняло некоторое время, так как все воины были рассредоточены на большом пространстве, чтобы возможное приближение врага не осталось незамеченным и не оказалось внезапным.

Вскоре все собрались и выстроились в две шеренги вдоль дороги. Человек в накидке по-прежнему стоял спиной к Игрит. Он очень тихо заговорил перед строем. Игрит пыталась прислушаться к его голосу, но в этот момент ее внимание отвлекло нечто, заставившее ее настроиться.

Она увидела, как в темноте за спинами солдат задвигались какие-то зловещие тени.

Игрит хотела громко закричать об опасности, но успела сделать только глубокий и шумный вдох. Все произошло в несколько мгновений.

Из темноты внезапно выскочили вооруженные люди и набросились на совершенно неготовых к такому нападению воинов.

Нуронцы! Игрит застыла в ужасе, глядя на последовавшую сцену жестокого и почти беззвучного кровопролития.

Флавестинцы сопротивлялись отчаянно, но перевес сил был далеко не на их стороне. Внезапность нападения делала этот перевес еще более значительным.

Один за другим падали на землю воины, многие не успевали даже вскрикнуть. Темноволосый парень сопротивлялся дольше других, так как раньше увидел опасность, стоя лицом к строю. Но вот и он оказался сраженным и, медленно оседая, упал на землю возле костра.

Игрит в оцепенении наблюдала за происходящим.

Далее последовала еще более жуткая сцена. Нападавшие расправлялись с ранеными и собирали трофеи.

Панический страх охватил Игрит, который, прокатившись ледяной волной по спине, сковал, казалось, каждую клетку ее тела.

Бежать! Но ноги не слушались ее. Она почувствовала, как колени помимо ее воли медленно подогнулись, и села прямо на тропинку. Оказалось, она не способна даже пошевелиться.

Ощущая полное бессилие, Игрит с трудом собралась с мыслями.

Значит так: посты захвачены врасплох, они, конечно, не успели выслать гонца, и никто не узнает о случившемся. Нуронцы беспрепятственно проникнут в любое место Флавестины, и (о, ужас!) кто будет их следующими жертвами?

Так что же она тут сидит? Ее ведь никто не видел, значит, именно она может стать гонцом и предупредить об опасности. Значит, она должна! Во Флесил через перевал!

Оказалось, что от этой мысли, отчаянной и непреклонной, к ней вернулась утраченная от страха способность управлять своими членами.

Она резко поднялась и вновь взглянула на место кровавой расправы. Там догорали костры, суетились нуронцы и... человек в накидке!

Прикованная к зрелищу происходившей у нее на глазах битвы, она совсем упустила его из виду!

Вот он, цел и невредим, совершенно спокойно стоит в стороне и уверенно отдает указания нуронцам!

«Предательство! – вспышкой мелькнула в голове догадка и ноющей болью отозвалась в груди. – Предательство, гнусное и вероломное...»

Так вот оно что?! Игрит понимала, что у нее нет времени размышлять, необходимо как можно быстрее попасть в город.

Но что они делают? Нуронцы свернули с дороги. Похоже, они собираются двигаться совсем не к городу, но куда?

Игрит, забыв о лошади, наконец сообразила укрыться в придорожном кустарнике. Под ногой оглушительно хрустнула сухая ветка.

Игрит притаилась. Она видела, как из темноты все прибывали и прибывали нуронцы. Сколько же их?! От костров они зажигали факелы и освещали себе дорогу. У них были повозки, и на них они везли что-то громоздкое, укрытое сверху. На удивление Игрит, они свернули с дороги в сторону моря вдоль хребта.

Дело в том, что горный хребет, разделяющий земли равнины на Флавестину и Глариаду, простирался до самого морского побережья. И что означает этот маневр? Если двигаться вдоль хребта, то можно выйти только к морю. И больше никуда. Конечно, по побережью до Флесила рукой подать, но город отгорожен Бархатной Грядой, и ее в том месте не преодолеть. Во Флесил можно попасть только в обход Гряды по этой дороге или через перевал. Но развилка на перевал гораздо дальше того места, где стояла сейчас Игрит. Так почему же они свернули? И что у них в повозках?

Внезапный толчок и резкая боль в затылке прервали ее размышления. Игрит потеряла сознание.

Когда Имакс пришел в себя, он понял, что находится на дне повозки с завязанным ртом, а также руками и ногами. Сначала он подумал, что глаза завязаны тоже – настолько непроницаемая была тьма вокруг. Но потом обнаружил, что лежит под огромным пологом и кучей какого-то хлама.

Повозка медленно двигалась, и в полной тишине было слышно лишь мерное поскрипывание колес. Внезапно она остановилась.

Имакс услышал звук торопливых шагов нескольких человек, прошедших рядом, а затем откуда-то издалека донесся шум голосов и какой-то возни, после чего раздался отчетливый всплеск воды, и снова все стихло.

Повозка рывком тронулась, и вскоре по звуку колес Имакс определил, что они въехали на твердый настил.

Через полсотни метров они остановились, и кто-то резким движением сорвал полог.

Имакс вдохнул поток свежего воздуха и увидел темный силуэт на фоне звездного неба.

– Очухался... Бросьте пока в трюм, чтоб не нашумел.

Еще две фигуры в монашеских одеждах приблизились и, схватив Имакса с двух сторон, вытащили из повозки.

Он оказался перед одним из тех прекрасных кораблей, которыми только недавно любовался издалека, прогуливаясь мимо причалов.

Двое здоровяков затащили Имакса на корабль и подволокли к закрытому люку, находящемуся на середине палубы.

Один из них поднял крышку, под которой виднелись ступени трапа, уходящие в темноту, и тут же помог другому отправить туда Имакса, не заботясь о его приземлении.

Когда за ним закрылся люк, стало абсолютно темно.

Имакс вслепую подполз к стенке, чтобы было удобней сидеть, и задумался.

Прав он был, когда заподозрил этих «монахов». Что же он сделал не так, почему Крафт не поверил ему? А ведь ему показалось, что Верховный Правитель был готов прислушаться. Не показалось, а так и было. Так что же случилось после его ухода? Почему он передумал? А, может, просто не успел уже ничего предпринять?

Как ловко у них все получилось, ни шума, ни крика. Тут-то охраны было – два человека, наверное, дежурных. Интересно, что они дальше намерены делать с этим кораблем?

«И, что еще интересней, что они сделают со мной? – подумал Имакс. – Надо же было угодить! Глоя ждет, наверное...»

Имакс услышал, как с палубы донеслись звуки команд и топот шагов, и почувствовал, что корабль отчалил. Судно набирало ход.

В трюме пахло сыростью, к которой примешивался запах прелой травы.

Неожиданно Имакс отчетливо услышал недалеко от себя, здесь же в трюме, некие посторонние звуки.

В полной темноте ничего не было видно, но тишину опять нарушил легкий шорох.

Имакс понял, что он здесь не один. Его рот был по-прежнему завязан, и он оказался в состоянии лишь выразительно замычать.

– Не бойтесь, это я, – раздался шепот почти у самого его уха. – Меня зовут Ранним. Я видел, как вас бросили сюда...

Он принялся шарить у него на затылке, развязывая повязку. Судя по шепоту, это был молоденький паренек. Когда у Имакса освободился рот, он спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Я прячусь здесь... А что наверху происходит? Я слышал только шум какой-то и топот...

– Помоги-ка освободить руки... и ноги.

Когда ослабили веревки, Имакс, наконец, вытянул затекшие конечности.

Паренек взял Имакса за руку и позвал:

– Двигайтесь за мной, здесь в углу сено... Так что там случилось, на палубе?

Они удобно расположились на сене. Как раз над их головами прозвучали чьи-то шаги, и снова все стихло.

– Не знаю, парень. Ясно одно – корабль угнан. Так что веди себя тихо, понял?

– Угнан? Куда? И кем? – понизив голос, спросил паренек.

– Неизвестно. А ты от кого прячешься?

– Я ни от кого. Я решил защищать Глариаду. Тетка не пускала... Ну, узнал, что утром корабль уходит туда, куда мне надо. Пробрался еще с вечера, спрятался тут.

– Охрана большая была?

– Где, здесь? Одного только видел, но он меня не заметил. А вы сами не из охраны?

– Нет, я случайно попался...

Корабль набрал ход и плавно скользил по воде, слегка покачиваясь на волнах.

– Так. Похоже, туда, куда тебе надо, мы и плывем, – задумчиво прошептал Имакс.

Где-то среди ночи Имакс, думая о том, как глупо он попался, вдруг почувствовал, что корабль сбавил ход. В ночной тишине загрохотала якорная цепь, и якорь с шумом плюхнулся в воду.

«Интересно, не успели отплыть – уже остановка», – удивился Имакс.

Паренек проснулся и взволнованным шепотом спросил:

– Где это мы стоим?

– Насколько я знаю, здесь, кроме как в океане, стоять негде...

Они прислушались. На палубе началось оживление. Затопали шаги и послышались громкие голоса. Кто-то отдавал команды. Спустя некоторое время послышался размеренный плеск весел по воде с противоположного от них борта.

– Шлюпки...

И действительно, они услышали, как люди, много людей, погрузились на борт. Было слышно: они тащили с собой что-то тяжелое. А с берега все прибывали шлюпки.

Имаксу стало не по себе.

– Послушай, парень. То, что я здесь, они знают. Может, в суете забыли, но вспомнят. О том, что ты здесь, они не имеют понятия. Поэтому запомни хорошенько: что бы ни случилось, не подавай ни звука, понял? Я наброшу веревки, как было, а ты, только откроется люк, – стрелой в тот дальний угол. Искать они не будут. И сиди тихо. Когда-нибудь они бросят корабль. Но до тех пор не высывайся. Все понял?

– Угу. А как же вы?

– Я как я. Главное – помни, что я сказал.

На палубе стоял такой шум, что можно было говорить в полный голос, не опасаясь, что услышат. Люди громко разговаривали и шутили, но было в этом нечто зловещее.

Имакс нащупал в темноте медальон, который висел у него на шее и, плотно сжимая его в ладонях, вспомнил тот день, когда он был подарен ему Глоей.

...Они перешли по мосту через реку и прогуливались в благоухающих весенних садах монастыря. Из полевых цветов Глоя сплела себе венок и, надев его поверх золотых волос, стала похожа на прекрасную лесную фею.

В какой-то момент Имакс заметил: она что-то игриво прячет от него в руке. Он попытался поймать ее руку и раскрыть кулачок, но она ловко вырывалась и смеялась.

Потом, вдруг став серьезной, вытянула вперед руку и загадочно произнесла:

– Имакс, у меня есть кое-что для тебя... – и медленно разжала пальцы.

Он увидел у нее на ладони прекрасный золотой медальон на цепочке. Он был выполнен в виде маленького изящного сердечка с ажурным рисунком. Ряд крошечных алмазов обрамляли весь его контур, а по центру был расположен рубин, небольшого размера и продолговатой формы.

Имакс был глубоко тронут таким подарком. Только Глоя, с ее превосходным вкусом, могла выбрать такую по-настоящему красивую вещь, не говоря уж о ее символичности, что было для Имакса дороже всего.

Он нерешительно взял медальон в руки и, окончив его рассматривать, воскликнул:

– Какая изысканная вещь!

– Но ты его знаешь пока только наполовину, – понизив голос, интригуяще произнесла Глоя.

– Вот как? И что же я не знаю о нем?

Глоя взяла медальон. В результате какого-то неуловимого движения ее пальцев он вдруг открылся, обнаружив небольшую полость внутри. На открывшейся задней стенке Имакс увидел крошечный профиль Глои, искусно выполненный гравировкой. Он был искренне изумлен.

– Это автопортрет, – несколько смущенно призналась Глоя.

Она научила его находить скрытую защелку сердечка, которая срабатывала при нажатии на один из алмазов, еле заметно выступавший над остальными.

Достаточно попрактиковавшись, Имакс посмотрел на Глою, протянул руку и отщипнул один из цветочков с ее венка. Он вложил его в полость сердечка, захлопнул защелку и бережно повесил медальон на шею.

С тех пор он очень дорожил этим подарком, считал своим амулетом и никогда не расставался с ним.

– Послушай, парень, эта вещь... она очень дорога мне. Не хочу, чтобы она пропала... На окраине Флесиля, в районе причалов, живет девушка, Глоей зовут. Ее отец держит ювелирный магазин. Ну, там спросишь... Найди ее и верни ей это. Сможешь? А пока спрячь, – Имакс вложил медальон парню в руки.

– Не беспокойтесь, верну обязательно. Я во Флесиля каждый дом знаю...

Спустя некоторое время корабль снялся с якоря, Имаксу показалось, что они продолжили движение прежним курсом. Постепенно наверху все успокоилось, и стало тихо. Они проплыли еще несколько часов.

Имакс продолжал напряженно прислушиваться ко всем внешним звукам. И не напрасно. Он услышал, как подошли и остановились над самым люком два человека. Один из них спросил:

– Этот, из Флесиля, все еще здесь?

– Да. А что с ним делать?

– Скоро будем бросать якорь. За борт его.

Тогда второй кого-то громко позвал.

Имакс изо всей силы толкнул лежавшего рядом Ранима. Тот, согласно уговору, быстро метнулся в сторону.

Едва Имакс набросил веревки, открылся люк. Те же двое, что с вечера доставили его сюда, спустились в трюм один за другим, освещая себе ступеньки. Они подхватили Имакса и потащили его на палубу.

Ни слова не говоря, они подволокли его к борту и, раскачав, бросили в воду.

Глава 9. Отчаяние – не советчик

– Что?! – Верховный Правитель был вне себя. – Немедленно повторите, что вы сказали! Военный Советник, переступая с ноги на ногу, глядя куда-то в сторону, сбивчиво докладывал об обстоятельствах последних событий, связанных с исчезновением кораблей с причалов ночного Флесила. Уже было известно, что монастырь приютил не монахов, а кучку ловких и отчаянных врагов.

Крафт вышел из-за стола и говорил, чеканя слова и активно жестикулируя:

– Угнаны суда, вы понимаете? Из-под носа Военного Управления! Не какие-нибудь ржавые лодчонки, а самые крупные и быстроходные суда! Нам даже не на чем догнать их!

– Догнать бесполезно, Правитель, – пролепетал Дрейд, – слишком много времени...

Крафт перебил его:

– Это бесполезно обладать полномочиями и при этом никак не контролировать ситуацию, которая, как вам известно, с некоторого времени не является стабильной! Вот что бесполезно! Бесполезно содержать Военное Управление, которое демонстрирует свою беспомощность перед выходками хитрого и коварного противника! Это – бесполезно! Ясно?

– Но, Правитель...

Крафт сделал рукой резкий жест, красноречиво отменяющий всякие дискуссии, и сказал:

– Два часа вам, чтобы выяснить, кто воспользовался судами и где они сейчас. Ступайте.

Крафт взволнованно ходил по кабинету. Его гнев не был оправдан. Он понимал, что у него нет оснований никого обвинять, кроме самого себя. Все свалилось сразу – исчезновение Игрита, эти, неизвестно откуда взявшиеся, монахи. Как он мог забыть о них? Имакс предупредил его, заручился его поддержкой, и что теперь?

А ведь это было целиком в его силах – предотвратить эту наглую вылазку! Но он не сделал этого. К тому же, Крафт понимал, что это не конец истории. Зачем столь небольшому числу людей несколько громадных судов?

Он чувствовал, что произойдет еще что-то, и молился, чтоб не слишком ужасное.

Об Игрите по-прежнему не было никаких утешительных сведений, и Крафт послал за Имаксом с целью поручить ему розыск дочери в Глариаде, так как он больше всех подходил для этого задания.

К большому удивлению Верховного Правителя, Имакс не появился ни через час, ни через два, и лишь через три часа вернулся посыльный, который сообщил, что обошел весь город, но Имакса не нашел, и никто не знает, где он.

Ближе к вечеру в приемной послышались громкие взволнованные голоса, дверь с шумом открылась, ударившись о стену, и в кабинет Верховного Правителя буквально ворвался один из его курьеров.

– Если бы я знал, что предстоит такой день, я, пожалуй, приказал бы снять свою дверь с петель еще утром, – выходя из-за стола, произнес Крафт.

– Простите, Правитель, – посыльный почтительно опустил голову, – Глариада...

Крафт почувствовал, что предстоит сбыться его наихудшим опасениям.

– Продолжай.

– Глариада пала...

Посыльный поведал, что в результате детально спланированной операции многочисленный и вооруженный отряд Кабуфула, находившийся на территории частично захваченной им Глариады, подобралшись к границам Флавестины и сокрушив охрану ее постов, далее беспрепятственно по ее территории, вдоль хребта, с лодками на повозках, переправился к побережью

океана, где в бухте Золотой Пояс его ждали угнанные суда Флесила, погрузился на них под покровом ночи и высадился в тыл обороняющейся Глариады.

В результате чего оборона Глариады прорвана, Кабуфул празднует победу и бесчинствует на ее территории.

Верховный Правитель был в состоянии крайнего отчаяния. Застыв, он сидел за своим столом, обхватив голову руками.

Абсолютно авантюрный план Кабуфула сработал лишь благодаря его, Крафта, непрости- тельной оплошности. Глариада захвачена, Игрит исчезла, Крафт почувствовал, что теряет силы под тяжестью такого груза.

Он взял со стола портрет в резной деревянной рамке, с которого Игрит смотрела прямо на него, задорно улыбаясь. Подержав в руках, он бережно поставил его на прежнее место.

Предупредив управляющего делами, что уходит, он бросил кабинет и пошел прямо по коридору, в конце которого была неприметная дверь, ведущая в Храм Солнца.

Крафт надеялся найти Кашира.

В Храме было пустынно, и он сразу увидел белую фигуру Верховного Жреца, стоящего у алтаря. Под величественным куполом звучала чудесная музыка, заполняя все пространство Храма, освещенного косыми лучами заходящего солнца.

Несколько помедлив, Крафт спустился вниз, пересек зал и, не желая прерывать погру- женного в молитву Кашира, сам прошел в комнату для частных приемов. Через несколько минут к нему присоединился Кашир.

Они приветствовали друг друга как старые приятели, и Верховный Жрец жестом пред- ложил Крафту присесть напротив сияющих концентрических сфер. Сам сел рядом.

– Я вижу, ты чем-то озабочен, Крафт. От Игрит по-прежнему нет вестей?

– Игрит исчезла, Салидея не находит себе места, оборона Глариады сломлена, судьба Шегиза неизвестна, пропал Имакс, мой представитель в Глариаде, и что еще впереди – только Бог знает.

Верховный Правитель механически пригладил густые непослушные волосы и вытер испа- рину со лба.

Кашир посмотрел на Крафта так, как умел смотреть только он. Его взгляд был наполнен добротой и ободряющим сочувствием, ничего общего не имеющим с унылой обывательской жалостью.

– Промысел Божий не всегда известен даже Верховным Правителям, но от их решимости и преданности зависит развитие самой сложной и, как иногда кажется, безнадежной ситуации.

Крафт сдержанно вздохнул:

– Я несу тяжкое бремя, Кашир, которое многократно утяжеляет все эти напасти, – бремя своей вины.

– За что ты обвиняешь себя?

– Поверь, есть за что. Великий Бог в своем безмерном милосердии подарил мне шанс предвидеть опасность, когда еще не было поздно. Но я позволил себе пренебречь предостере- жением. И теперь поражение Глариады, погибшие и лишенные крова люди – моя вина.

– Тогда расскажи, что стряслось.

И Верховный Правитель поведал подробный рассказ о том, что произошло с того момента, когда накануне к нему пришел Имакс.

Все это время Верховный Жрец слушал Крафта с таким пониманием, как будто все уже знал и лишь хотел, чтобы эта история прозвучала вслух, и прозвучала для самого Крафта.

Когда рассказ был окончен, Кашир сказал:

– Мне нечем тебя утешить, друг мой. Так или иначе, ты оказался участником этой тра- гической истории. Ты совершил ошибку, и у каждой ошибки – своя цена. У этой, к несчастью, очень высокая. И, поверь мне, до тех пор, пока твои мысли только об этом – ничего не изме-

нится. Чувство вины, которое ты испытываешь сейчас, неизбежно. Но оно очень коварно, оно затягивает, как тряпина, если не противостоять ему. Помни об одном – пока ты беспомощно барахтаешься в болоте самоосуждения, ты бесполезен для Солнца и для людей.

– Но что, что я могу поделывать сейчас, когда все это уже случилось? – воскликнул с горечью Крафт.

– А что бы ты *хотел* поделывать?

Крафт задумался, сначала очень тихо, а затем все более уверенно произнес:

– Я хочу уберечь Флавестину, я хочу вернуть Глариаде свободу, я хочу найти Игрит.

Кашир улыбнулся своей неподражаемой улыбкой:

– Я так ждал, когда ты скажешь это. Значит, за дело. И помни: не позволяй себе смаковать ошибки, когда время – действовать.

– Больше всего я хотел бы действовать. Но с чего же начать?

– Просто думай об этом, и только об этом. Обратись к сердцу, обратись к разуму, ищи пути. Но все время думай только об этом. И ты найдешь то, что ищешь. Для самой безнадежной ситуации, в чем бы она ни состояла, Всемогущий всегда предусматривает достойный выход. И даже если это не случится сразу – ты найдешь его, если устремись к нему со всей мощью своего нескгибаемого духа, которым ты обладаешь, заряженного импульсом решительности. Твоя ошибка – уже далекое прошлое, не отвлекайся на нее. Тебе вскоре понадобятся все силы, без остатка.

Крафт посмотрел на Верховного Жреца.

Он почувствовал облегчение и прилив сил. От того человека, который двадцать минут назад вошел в эту комнату, не осталось и следа. К нему вернулись его прежняя уверенность и энергичность.

Теплым взглядом он передал Каширу глубокую благодарность своей укрепившейся души.

Кашир бережно принял ее, чуть заметно кивнув в ответ.

Вернувшись в рабочий кабинет, Верховный Правитель тут же вызвал Военного Советника.

– Что нам еще известно о ночных событиях, кроме того, что произошло во Флесиле? Завтра утром я должен владеть полной информацией о том, что случилось с нашими постами у хребта. Откуда было совершено нападение, какими силами, в котором часу. А так же полная картина боя в деталях, и особенно меня интересует ответ на вопрос, как произошло, что столь рассредоточенные по равнинной местности посты не выслали ни одного гонца и не подали даже сигнала тревоги. Немедленно организуйте группу, которая проведет расследование этих трагических событий в минимальные сроки.

Первое, что почувствовала Игрит придя в себя, – это запах прелой соломы. Острые сухие стебельки больно покалывали все тело, впиваясь в кожу через тонкую ткань платья. Она лежала на куче сухой травы в каком-то мрачном помещении.

Попытавшись пошевелиться, Игрит ощутила острую боль в затылке. Она села, потирая шею и осматриваясь по сторонам.

Помещение, где она оказалась, напоминало заброшенный сарай, довольно высокий, сбитый из досок, в щели между которыми проникал слабый свет. Еще вверху, под самой крышей, находилось крохотное полупрозрачное окошко.

В этом освещении Игрит осмотрела все помещение, обнаружив, что кроме кучи сухой травы, на которой она сидела, здесь больше ничего не было, а в стене, напротив нее, находилась невысокая дверь, сбитая из таких же рассохшихся досок.

Она подошла и подергав за ручку убедилась, что дверь заперта.

Игрит напряженно пыталась вспомнить, как она сюда попала, но это оказалось затруднительным. Тогда она начала восстанавливать в памяти события, которые были последними из тех, что удавалось вспомнить. Она тщательно выстроила их в цепочку друг за другом от того момента, как получила утром записку от Флайда, и далее до того, как они поссорились...

В это время она услышала шум голосов за дверью, затем щелчок задвижки, и в проеме открывшейся двери появился человек, держа в руках поднос с двумя наполненными тарелками. Он молча взглянул на нее, поставил поднос прямо на пол у двери и так же молча вышел. Когда он повернулся спиной, Игрит увидела у него за поясом рукоять кинжала.

И она всё вспомнила! Все, до самого последнего момента, когда от сильного удара потеряла сознание.

Она вспомнила посты Флавестины, приятного темноволосого парня и солдат, ставших жертвами отвратительного предательства; сцену молниеносной резни, незнакомца в накидке и нуронцев с факелами и повозками, направлявшихся к побережью.

Игрит снова почувствовала себя так же, как и ночью, на пустынной дороге, испытывая страх и отчаяние. Ах, если бы все это могло быть просто сном, жутким ночным кошмаром! Но она знала, что это было действительностью. Жестокой и мерзкой.

Игрит поехала. Она сделала усилие над собой, чтобы обуздать чувства и привести в порядок мысли.

Так у кого же она теперь в плену? И где? Сколько прошло времени с тех пор, как она потеряла сознание, и что за это время произошло? Эти вопросы роились у нее в голове, толкаясь и перебивая друг друга.

Ответ на первый вопрос ей казался самым ясным. Скорее всего, она у нуронцев.

Что же теперь делать? Может, сразу признаться, что она дочь Верховного Правителя, и они не посмеют ее тронуть? Кабуфул застрял в Глариаде, не начинать же ему войну еще и с Флавестинкой из-за нее, из-за Игрит? А вдруг война уже начата? Ее могут объявить заложницей и потребовать от отца в обмен на ее жизнь, ну, например, сдачу Флесида или что-нибудь еще...

Игрит охватил ужас от предполагаемой возможности такого варианта. Бедный отец, бедная мама, они ведь до сих пор не знают, что с ней и где она! А что ее еще ждет?

Нет, надо пока молчать. А еще лучше – притвориться глупышкой: все видела, но мало что поняла.

А если она все-таки у своих? А по голове получила в суматохе? Вероятность слишком мала, но тоже возможно.

Анализируя свое положение таким образом, Игрит приняла решение держать язык за зубами, выдавая себя за несмышленную девушку из глариадской провинции до того момента, когда обстоятельства прояснятся окончательно. А чтобы выглядеть естественно, Игрит решила не отказываться от предлагаемой пищи, которая по-прежнему стояла в тарелках у двери, тем более что кроме сильной боли в затылке, ее мучило нестерпимое чувство голода.

Военный Советник стоял у окна неказистого заброшенного домика, задумчиво теребя пальцами бахрому занавески. Отсюда ему хорошо был виден сарайчик, где содержалась девушка, которую захватили во время ночной операции. Интересно, как она оказалась в таком отдаленном и безлюдном месте в столь поздний час и что она видела из происходящего?

Эта девушка, конечно, либо флавестинка, либо из Глариады, и если она даже видела все события, то вряд ли что-то сумела понять, кроме того что стала свидетельницей схватки – обычного события для военного периода. Скорее всего, она оказалась на дороге случайно и сейчас перепугана и мечтает быстрее попасть домой.

Но все-таки с ней надо поговорить для собственного успокоения. Случайности сейчас ни к чему. А потом пусть идет на все четыре стороны.

Дрейд отошел от окна и вызвал своего помощника. Вошел человек с большим синеватым шрамом, пересекавшим щеку до самой верхней губы.

– Надо бы разобраться, что за птица попалась нам и что она делала ночью на безлюдной дороге.

– Привести сюда?

– Нет. Не нужно, чтоб она меня видела. Отведи ее под навес напротив. Постарайся сделать так, чтобы она не чувствовала себя арестованной. Извинись за грубое обращение, мол, темно было, кругом враги, – не разглядели... Узнай про нее все, что сможешь, кто такая, как оказалась ночью за городом и, главное, что видела. Скажи, что информация нужна в интересах Флавестины и что, если будет заператься, у нас есть право ее задержать, так как время военное и так далее... Ну, ступай.

Дрейд опять подошел к окну, откуда был виден и сарайчик, и столик под навесом, чтобы понаблюдать за беседой со стороны.

Если бы не эта девушка, можно было бы считать, что операция по переброске нуронских солдат к побережью прошла абсолютно гладко. И эта маленькая осечка, которой он старался не придавать значения, все-таки вызывала легкую досаду.

Сегодня утром, получив сведения от гонца, что переброска нуронцев по морю состоялась успешно, он почти успокоился.

Поэтому, думал он, даже если эта девушка способна принести в город сведения о ночной схватке и обозе, направлявшемся к берегу, это уже не может ни на что повлиять.

Конечно, в лишнем свидетеле нет ничего хорошего, особенно для него, Военного Советника, но сейчас многое будет зависеть от того...

В этот момент он увидел, как следом за своим сопровождающим из сарайчика вышла Игрит, щурясь от яркого дневного света.

Дрейд остолбенел. Холодная волна прокатилась по всему его телу, от макушки до пяток. Не может быть! Дочь Верховного Правителя!? Невероятно!..

Военный Советник по пояс высунулся в окно, рискуя быть увиденным.

Никакого сомнения, это она. Он хорошо знал подвижную темноволосую девушку, которую много раз видел в Палате Управления, когда она приходила к отцу. И, разумеется, она тоже знала его.

Дрейд отпрянул в глубину комнаты. Тяжелые гулкие удары застучали у него в висках, их раскатистые волны, отражаясь от затылка, застревали где-то в горле. На лбу выступила испарина.

«Но этого не может быть! Не может быть...» – повторял он про себя в полном смятении. Если только она видела его ночью – все пропало! Придется проститься не только с постом военного наместника в Глариаде, но и с собственной жизнью во Флавестине.

Просто невысказанно! Но ее-то как занесло сюда? И чего она болталась в этой глуши среди ночи? Какая-то дикая случайность?!

Военному Советнику едва удалось взять себя в руки к тому моменту, когда его ничего не подозревавший помощник вошел к нему с докладом о проведенном допросе.

Дрейд слушал, отвернувшись к окну, сознательно скрывая лицо, которое могло сейчас выдать его состояние.

– Девушка из Глариады. Говорит, во Флесиле у нее родственники, там спокойнее, к ним она и шла, мол, пожить, пережить смуту. Говорит, посты прошла, оглянулась – драка. Испугалась, спряталась в кустах, ну, и все. Ничего особенного.

– Как она вела себя?

– Да, обыкновенно – домой просится. Вроде, не врет, только...

– Что «только»? – насторожился Дрейд.

– Ну, как бы сказать? Такое впечатление, что она гораздо умнее, чем почему-то хочет казаться, – тут рассказчик решил, что настал момент вставить свое личное суждение и добавил: – И, если бы она не была из тех, кто в одиночку шастает по ночным дорогам, я бы сказал, что в ней самой есть что-то особенное...

«Ну, еще бы, не особенное!» – чуть не вырвалось у Дрейда.

По-прежнему не оборачиваясь, он сказал:

– Хорошо, пусть пока посидит под замком, я подумаю, что с ней делать. И еще, постарайся, чтобы в лагере ее никто не видел.

Глава 10.

О том, что жизнь стоит борьбы, даже если шансов не предвидится.

И о том, как страх превосходит благородство

Когда Имакс вынырнул на поверхность, с трудом освободившись от веревок, он несколько раз жадно вдохнул свежий ночной воздух, восполняя длительную задержку дыхания.

В следующую минуту он увидел недалеко от себя удаляющуюся корму судна, которое с боков было освещено фонарями. К своему удивлению, он заметил далеко впереди над водой еще несколько таких же огней, выстроенных в цепочку.

«Ага, так мы здесь плыли хотя и последние, но отнюдь не одни...» – мелькнуло в голове, но Имаксу было не до того, чтоб раздумывать об этом.

Он освободился от лишней одежды, которая, намокнув, лишь тянула его ко дну.

Тьма стояла непроглядная из-за полного отсутствия звезд, и определить, в какой стороне берег, не представлялось возможным.

Он решил плыть наугад в направлении, перпендикулярном к борту растворившегося в темноте корабля, оставив его справа от себя. Именно в этой стороне должен быть берег, если допустить, что корабли идут в Глариаду, иначе говоря, вдоль побережья. Другого Имакс предположить не мог.

Тот голос на палубе, приказавший Имакса бросить за борт, упомянул о том, что скоро предстоит бросить якорь. Не в открытом же море? Учитывая время в плавании, выходило, именно в Глариаде.

И он поплыл. В полную темноту, выбрав наугад направление. Он старался грести изо всех сил, вложив в них всю свою решительность и надежду на спасение.

Но преодолев приличное расстояние, несмотря на хорошую физическую подготовку, Имакс начал чувствовать растущую усталость во всем теле. Каждый взмах тяжелеющими руками давался все труднее и труднее.

Он плыл в беспросветной темноте, вода и небо слились в единое бескрайнее «ничто», вне времени и пространства. Тишина была такой же бескрайней, как и океан вокруг него, и лишь легкие всплески воды нарушали ее, и только подчеркивали гнетущее одиночество, заставлявшее цепенеть саму душу.

Время от времени он переставал грести и замирал в надежде уловить направление потоков ночного бриза, чтобы определить, с какой стороны земля, но переменный ветер препятствовал этому.

Та мысль, которую он старался удерживать как можно дальше от себя, запрещая ей вторгаться в сознание, тем не менее, по мере его усталости, приближалась к нему все ближе и ближе. А именно: если он ошибся и плывет в открытый океан, то все его старания напрасны, и сколько бы он ни плыл, он приближается лишь к своему неизбежному концу.

Он видел себя затерянным во мраке ночи, вдали от людей, вдали от жизни, вдали от Солнца, где нет силы, способной прийти ему на помощь, и чувство ужасающего одиночества и неотвратимой обреченности готово было поглотить все его существо.

Имакс отчаянно вглядывался в темноту, замирал над водой, напряженно вслушиваясь, пытаясь различить хоть что-нибудь, что могло послужить ориентиром в этой непроглядной гнетущей темноте.

Ничего. Лишь мрак и безмолвие.

Теперь ему стало казаться, что он не плавает, а лишь перемешивает воду на одном месте, никуда не двигаясь, и он будет так барахтаться до тех пор, пока бездушная бездна, забрав все силы, поглотит и его самого, насмехаясь над его жалкими попытками уцелеть. Он чувствовал, что с каждым мгновением теряет спасительную надежду.

Никогда в жизни ему не было так страшно, как теперь. Страх разрастался ледящей волной, стремясь сковать все его мышцы и каждую клеточку и парализовать саму его душу.

Но с одержимостью человека, которому уже нечего терять, он принял решение бороться до конца.

Собрав всю свою волю, Имакс продолжал отчаянно грести, не отдавая себе отчета, куда он плавает, сколько он уже проплыл и что у него впереди. Он решил: что бы ни готовила ему судьба, в какой бы точке океана он ни находился сейчас – он будет грести до последнего взмаха, до последнего вдоха...

И он продолжал плыть. Напряженно, отчаянно, преодолевая нечеловеческую усталость и стараясь ни о чем не думать. Ни о чем. Чтобы не позволить чувству страха и безнадежности лишиться себя мужества.

Ему казалось, что целая вечность прошла с тех пор, как он вступил в эту роковую схватку за жизнь. Но вокруг по-прежнему был бескрайний океан и мрак ночи.

Наконец он почувствовал, что безвозвратно теряет силы и глубина всё более властно притягивает его к себе.

Имакс сделал последнее напряженное усилие, скудный вдох над поверхностью и затем начал медленно уходить под воду.

Он успел подумать, как обидно умереть вот так, вдали от тех, кто любит тебя и кто так никогда и не узнает, что же на самом деле произошло и как он отчаянно боролся и проиграл... Все напрасно. Это конец...

Но, с другой стороны, теперь он освобожден от всех обязательств перед жизнью, потому что сделал все, что мог, что только было в его силах...

Имакс, погружаясь в глубину, выдохнул последние пузырьки воздуха... и почувствовал, что вместе с ними его покидает жизнь...

Внезапно он ощутил, что его ноги коснулись чего-то твердого.

«Берег!» – успела мелькнуть пронзительная мысль.

Имакс, поджав колени, оттолкнулся от попавшегося под ноги валуна.

В этот неистовый толчок он вложил всю несокрушимую волю к жизни, которой в последние свои мгновения все еще продолжал обладать...

– Поздравляю с успешной операцией, Дрейд! Ты хорошо проявил себя. Волевым и находчивым. Я не ошибся в тебе. Глариада получит достойного правителя в твоём лице. Я умею держать обещания. Только, друг мой, Глариада – это не единственное место на карте, которым я намерен завладеть.

Кабуфул прохаживался по своей новой резиденции в захваченной Глариаде. Это был один из апартаментов Дворца Правителя – великолепного архитектурного ансамбля, в котором ранее располагались и кабинеты Верховного Правителя, и помещения представительств других государств.

После вторжения Нуруна здесь размещался центр Военного Управления, откуда осуществлялось руководство военными действиями, вплоть до вчерашнего дня, когда в тыл отважно оборонявшейся Глариаде внезапно с моря был нанесен удар сокрушительной силы – и сопротивление этого небольшого мирного государства было окончательно сломлено.

Кабуфул упивался победой. Вслух он расхваливал Дрейда, но про себя восхищался самим собой. Это ведь была его, Кабуфула, идея – удар с моря. Дрейд лишь помог ее осуществить. Что ж, свою задачу он выполнил безупречно и, конечно, заслуживал похвалы.

– Тебя удивляют мои амбиции? – продолжал Кабуфул, перехватив вопросительный взгляд Дрейда. – Привыкай, друг мой. Глариада – слишком легкая добыча. Мы взяли ее почти голыми руками.

– Ну, не совсем...

– Ладно, ладно. Твоя заслуга бесспорна. Но, согласись, Флавестина – орешек куда потверже.

– Флавестина?

– Ты не ослышался, друг мой. Именно Флавестина с ее налаженной экономикой, бескрайними просторами, лазурным побережьем...

Дрейд забеспокоился:

– Но о Флавестине не было речи!

– Зачем забегать вперед? Я обещал тебе Глариаду – у тебя будет Глариада. А мне нужно кое-что посолидней. Не пугайся, я не собираюсь громить Флавестину. Нельзя позволять успеху ослеплять себя, друг мой. Надо быть реалистами. Флесил пока слишком силен для нас. И поэтому у меня другой план.

Все это время Кабуфул продолжал прохаживаться по паркету великолепного зала, украшенного золотой инкрустацией, прекрасно меблированного.

Дрейд стоял перед ним с самого начала беседы, так и не получив приглашения присесть, и только провожал Кабуфула глазами то в одну, то в другую сторону.

– Я еще обдумываю его, – продолжал Кабуфул, – но помощь твоя мне будет необходима. Поэтому потерпи пока с владычеством в Глариаде до того, как мы разберемся с Флесилом.

Кабуфул как раз поравнялся с Военным Советником, и Дрейд резко остановил его за плечо.

– Послушай, Кабуфул, насчет Флавестины мы не договаривались! Даже не надейся, я не стану предавать свою страну, ясно?

Кабуфул с усилием опустил вниз удерживавшую его руку Дрейда и приблизился к самому его лицу:

– А ты её уже предал. Или – нет? А как же перебитые посты? А захваченные корабли? Или все это из патриотических соображений? – Кабуфул отстранился и с усмешкой продолжил. – А, понимаю, ты, конечно, думал, что предал только Глариаду. Так запомни, друг мой, предатели не бывают наполовину или частично, предатель – он всегда целый, настоящий. Вот так. Что скривился? Слушать неприятно? А ты не заставляй меня говорить гадости. Идет?

Кабуфул широким жестом забросил руки за спину и продолжил движение мимо Дрейда в прежнем направлении:

– Итак, на чем я остановился? Ах, да. На великих планах будущего...

Дрейд не слушал его. Для себя он решил, что ни за что не станет участвовать в заговоре против Флавестины, каким бы он ни был.

Когда Игрит вновь проводили в сарайчик, она услышала, как за спиной со скрежетом щелкнула задвижка двери. Она снова почувствовала волнение, которое почти рассеялось во время разговора с этим человеком, учтиво пригласившим ее полчаса назад на беседу за раскладным столиком на улице.

Он задавал очень много вопросов, но при этом был необычайно вежлив и обходителен с ней. Игрит почти поверила, что она у своих, – и вот она опять под замком.

Девушка подошла к своей соломенной лежанке в глубине сарая и в задумчивости села на нее. Она пыталась проанализировать прошедшую беседу с этим, вполне доброжелательным человеком.

Он извинился за «грубое обращение», сказал, что нуронцам той ночью не удалось уйти далеко, они были настигнуты, обезоружены и все схвачены.

Но Игрит никак не удавалось заполнить одно «белое пятно» в этом разговоре. Если они захватили нуронцев, то почему он ничего не упомянул ни о предателе, ни о том, зачем они двигались к побережью, хотя бы вскользь?

Может, он хотел, чтобы Игрит первая сказала об этом? Ведь он очень интересовался, что она видела той ночью. А, возможно, считал неразумным проявлять излишнюю разговорчивость с первой встречной...

Следовало признать, что никакой ясности для Игрит прошедшая беседа так и не внесла.

Девушка посмотрела на запертую дверь. Ей казалось, что роль незадачливой горожанки, направлявшейся к родственникам во Флесил, ей удалась идеально, и была уверена, что ее отпустят после этой беседы.

Сарайчик находился, видимо, где-то на отшибе, и голоса людей и их смех доносились откуда-то издалека.

Вдруг она услышала громкий и протяжный рев зверя. Она хорошо знала, кому принадлежит этот рев, – такие могучие и раскатистые звуки издают только барсы.

Конечно, если это лагерь, то он охраняется.

Игрит вздохнула. Дома ее нет вторые сутки. Отец и мать, должно быть, сходят с ума из-за ее отсутствия.

Игрит поудобнее уселась на сене, выпрямила спину, закрыла глаза. Ей удалось успокоиться и расслабить все мышцы. Она попыталась полностью сконцентрироваться на отце. Игрит воспроизвела в сознании его четкий образ, затем поочередно обстановку в своем доме и в рабочем кабинете отца.

Но ей не удавалось уловить ни одной определенной картины, она ощущала лишь смятение и какую-то общую суету.

«Что-то не так. Что-то стряслось во Флесиле», – с тревогой подумала она.

Военный Советник неподвижно стоял у окна. Он чувствовал себя в цейтноте. Как могло такое случиться? Совершенно непостижимо, каким образом дочь Верховного Правителя могла так не вовремя оказаться в долине?! И именно она, а не кто-то другой!

Дрейд напряженно обдумывал произошедшее.

Последний тайный визит к Кабуфулу в Луристоль едва не стоил ему очень серьезных неприятностей, когда по дороге ему чудом удалось избежать стычки с нуронцами, возомнившими себя хозяевами на захваченной земле. Если он будет случайно разоблачен, не важно даже какой из сторон, ему не избежать объяснений и вполне предсказуемых последствий.

Навещать Кабуфула лично становилось очень опасно. Но осуществлять связь посредством курьера, который мог бы его выдать, было еще опасней.

И вот теперь эта девчонка!

Сейчас для него ответ на вопрос, узнала она его или нет, стоил гораздо больше всех богатств Глариады. Ведь если – нет, ее можно было бы просто отпустить, – шла бы себе восвояси. Они стояли в этом глухом месте полевым лагерем, и через день-два их здесь не будет. И ни она, ни сам Верховный Правитель никогда не узнают, у кого ей довелось побывать «в гостях». А сейчас, когда выяснилось, что план вторжения на земли Глариады с моря удался, ей может даже прийти в голову, что она была схвачена нуронцами, которые отпустили ее, поверив ее нехитрому рассказу о себе, чтобы не обременять себя в походе.

Дрейд сделал несколько кругов по комнате, погрузившись в раздумья.

По-человечески ему было жаль Игрит. Ему нравилась эта жизнерадостная, немного своевольная, но достаточно уверенная в себе девушка с прямыми открытыми манерами. Он не желал ей зла. К тому же, он был тронут той стойкостью, которую проявило это, на первый взгляд, избалованное дитя в таком переплете, куда ее угораздило попасть по воле судьбы.

Нет, он не хотел ей зла. Но, с другой стороны, обстоятельства сложились так, что на карту была поставлена его собственная жизнь.

Если она узнала его – ему конец. По закону Флавестины измена народу – одно из самых тяжелых преступлений.

Дрейд почувствовал тошнотворный холодок под солнечным сплетением.

Он опять прошелся по комнате.

Какая досадная случайность! Ведь он предвидел все, что только было возможно, для поведения ночной операции: продумал запасные ходы на случай, если что-то сорвется, если посты успеют оказать сопротивление или выслать гонцов, если сократится время на переброску нуронцев или их перехватят по дороге... и еще все, что угодно, только не это!

Военный Советник снова остановился у окна.

«К тому же она старательно выдает себя за другую. Но это, в общем-то, объяснимо. Игрит испугана, и обманывает она, скорее, из страха: ей хочется избежать дальнейших разборок и быстрее попасть домой. Но если она узнала меня, то вполне разумно ожидать, что и я узнаю ее, тогда зачем сочинять? Хотя, конечно, вполне резонно предположить, что Военный Советник вряд ли сам заинтересуется обычной пленницей.

Действительно, мне бы и в голову не пришло выяснять личность какой-то странствующей простофили... Как бы там ни было, теперь только беседа лицом к лицу способна пролить свет на все эти обстоятельства. Но встретиться с ней самому – значит признать свою причастность к ночным событиям. А это – неминуемое разоблачение!»

И еще Дрейд подумал, что когда Игрит поймет, что ее трюк с «простой девушкой» не удался, ей ничего не останется, как объявить себя той, кто она есть на самом деле – дочерью Верховного Правителя Флавестины. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы в лагере узнали об этом.

Такие мысли одолевали Дрейда, и он становился все беспокойнее.

Итак, узнала или не узнала?

Дрейд стоял перед жестоким выбором. На чашах весов две равноценные жизни. И одна из них отличалась от другой только тем, что была его собственной.

Военный Советник вытер влажный лоб. Чувство сострадания к ни в чем не повинной беззащитной девушке боролось со страхом потерять власть, почет и саму жизнь в расплату за предательство.

Борьба оказалась трудной и неравной, и вскоре ледяной холод, распространяясь из солнечного сплетения все выше и выше, достиг гортани, сковал спазмами горло и постепенно завладел всем его существом.

Несколько минут он находился в оцепенении, затем вызвал своего помощника.

– Не кормить хищников.

Помощник хорошо понял смысл этого приказа.

Дрейду показалось, что его губы в пересечении с косым шрамом щеки на мгновение сложились в утвердительную и жутковатую улыбку, когда тот выходил от него.

Глава 11.

О чем знают пленные. И что известно конюху...

Легкий шелест морского прибоя помог Имаксу вернуться к восприятию внешнего мира. Он лежал на груди на влажной, прохладной и колющейся прибрежной гальке. Периодически набегавшая волна нежно касалась его ступней и вновь отступала.

Имакс вспомнил, что ночью ему чудом удалось спастись, и, едва выйдя на берег, тут же, обессиленный, потерял сознание.

Солнце уже поднялось над поверхностью воды, побережье было залито ярким светом, пели птицы, и невозможно было поверить, что всего несколько часов назад здесь господствовали мрак и безмолвие.

Бездонная и неумолимая бездна океана теперь миролюбиво плескалась у его ног пенистой каймой прибоя. Как будто и не было того ночного кошмара, который Имаксу удалось пережить.

Имакс приподнялся и сел. Он ощущал слабость и дрожание во всем теле. Чуть ниже колена на правой ноге кровоточил глубокий порез, видимо, о камни. Имакс оторвал ровную полосу от края рубахи и перевязал ногу.

Голова нестерпимо болела. Удары тяжелого молота раздавались в затылочной части в ритме пульса и глухим болезненным эхом раскатывались по всей голове.

Он улавливал в воздухе какой-то специфический запах, но не знал его происхождения.

Надо было просушить мокрую одежду, но Имакс чувствовал, что у него нет на это времени.

У него не шли из головы захваченные во Флесиле суда – он должен был найти этим событиям объяснение. Те догадки, которые приходили к нему, были одна тревожнее другой.

Куда же идти? Скорее всего, это побережье Глариады, значит, надо двигаться вглубь берега. Где-то недалеко, наверняка, есть дорога, а дорога обязательно куда-нибудь выведет.

Имакс, качаясь и теряя равновесие, брел по большим, почти круглым камням, затем пробирался сквозь заросли кустов, обдираясь об колючки, пока, наконец, не вышел на открытую равнинную местность.

Запах, который он почувствовал на берегу, сейчас стал еще более едким, и он определил его как запах гари.

Далеко впереди Имакс увидел серую змейку дороги и, не позволяя себе отдохнуть, направился прямо к ней.

Неожиданно он услышал за спиной чей-то голос:

– А ну, стой! Ты кто такой? Ты откуда здесь взялся?

К нему приближался вооруженный человек, а за ним следом шли еще двое.

– Ты что, из отставших, что ли? – спросил другой, тыча обнаженным мечом ему прямо в грудь. – Все уже далеко впереди, а ты все тут чего-то топчешься. Прячешься, что ли? А, может, глариадец недобитый, а?

Имакс отрицательно мотал головой, пытаясь понять, кто перед ним и что происходит.

Помощь пришла неожиданно.

– Ладно, оставь его, – сказал третий, кладя руку на меч своего товарища и опуская его. – Он с корабля, гляди, мокрый весь, они все – мокрые. Да и быть-то здесь больше некому.

– Да, глариадец им здесь причалы не построили, ха-ха. Что отстал-то?

– Раненый он, не видишь? – вновь вступился третий.

Имакс только успевал кивать больной головой, по ходу соображая, что попался он неизвестно откуда взявшимся здесь нуронским солдатам.

– Раненый – не раненый, – не унимался второй, – пусть скажет, где его оружие, а?

Имакс пробормотал что-то невнятное о том, что, ударившись головой, потерял сознание и только сейчас пришел в себя, а вокруг – никого.

– Ладно, пусть идет с нами, – вмешался первый, который все это время молчал, – там у нас пленные – поможет конвоировать.

Имакс оценил ситуацию как наилучшую в его положении и решил принять правила игры. Раз его приняли за своего, то ему ничего не оставалось, как, демонстрируя готовность выполнять распоряжения, присоединиться к нуронцам. Имакс решил дождаться удобного случая, чтобы незаметно ускользнуть.

Пока они шли, Имакс старался почти не разговаривать, а на вопросы отвечал односложно, опасаясь сболтнуть что-нибудь лишнее. Он с трудом переставлял ноги и был занят размышлениями о том, что произошло в Глариаде.

Нуронцы хозяйничали здесь как у себя дома, значит, они выиграли решающий бой, как он понял из обрывков разговоров, с помощью переправленных на судах Флавестины боевых отрядов. Теперь это было очевидно.

У Имакса болезненно сжалось сердце.

Вся череда событий прошлого дня, участником которой он стал по воле судьбы, сформировалась в законченную картину с того момента, как он встретил подозрительных монахов во Флесиле и до прибытия захваченных судов вместе с ним самим в трюме одного из них к берегам Глариады. Включая ночную посадку на борт отрядов людей, доставленных шлюпками. Вне всякого сомнения, это были нуронские отряды.

Но откуда они взялись на побережье, чтобы сесть на суда? У Нурона нет выхода к морю! Это был тот вопрос, на который Имакс, как ни напрягал свою голову, продолжавшую невыносимо болеть, не находил ответа.

Он решил, что будет внимательно прислушиваться ко всему, что вокруг него будут говорить, и рано или поздно завеса над этой тайной приоткроется. Кроме того, Имакс подумал, что тот факт, что он сейчас у нуронцев за своего, может даже послужить на пользу Флавестине, если быть очень внимательным. Хотя каким образом, он пока сам представить не мог.

Так или иначе, Имакс решил, что торопиться с побегом пока не стоит.

Когда они вышли к дороге, картина, представшая их взору, повергла Имакса в еще большее уныние.

Теперь было ясно, откуда доносился едкий запах гари. Он увидел одно из поселений Глариады, которое совсем недавно было охвачено огнем, и теперь лишь редкие уцелевшие дома стояли с закопченными стенами среди полностью сгоревших и догорающих остальных строений.

Вокруг некоторых суетились жители, в основном – женщины, и, набирая воду из колодцев, своими силами старались заглушить огонь. Хотя спасать было уже нечего.

В дополнение к этому Имакс увидел у дороги одинокую фигурку худощавой старушки, которая сидела на земле, одетая в ветхие лохмотья, и о чем-то тихо причитала, покачиваясь из стороны в сторону.

Чувства Имакса переполнились жалостью и состраданием к этому вполне миролюбивому и доброжелательному народу. Его любимая, почти родная Глариада растоптана. Что происходит в столице и где сейчас Шегиз?

– Давай, не отставай, – подтолкнул Имакса один из нуронцев, и они пошли вдоль дороги.

«Как же так могло случиться, – одним и тем же вопросом мучил себя Имакс, – как могло случиться, что Крафт не проверил монастырь? Что могло помешать ему? Неужели он не при-

нял всерьез мое предостережение? Не может быть. Иначе он бы так и сказал. Но он собирался... Так что же стряслось?»

Бредя со своими спутниками, Имакс украдкой разглядывал их от нечего делать.

Двое были довольно молоды, примерно его возраста, но имели разный характер: один был очень подвижный и более разговорчивый, другой, тот, что окликнул его первый, выглядел более серьезным и больше молчал. Судя по всему, в этой троице он был главным.

Третий был постарше остальных, казался уравновешенным, рассудительным и спокойным. С того момента, как он заступился за Имакса, ему, похоже, негласно были выданы полномочия шефствовать над ним. Имакс не возражал, так как из всех троих этот был ему наиболее симпатичен.

Звали его Нил, был он среднего роста, волосы обильно окрашены сединой, походка и взгляд выражали некоторую медлительность и усталость, которые бывают присущи представителям старшего поколения.

Он объяснил Имаксу, что в нескольких километрах отсюда они присоединятся к отряду, который конвоирует пленных глариадцев, и с ними будут добираться до города. Там они сдадут пленных и будут расквартированы.

Вскоре они достигли полевого лагеря и Имакс увидел глариадских солдат, обезоруженных и голодных, которые, сбившись в кучку, сидели на солнцепеке, ожидая отправления.

В течение небольшого привала Нил предложил Имаксу пищу из своего котелка, от которой тот счел весьма неразумным отказываться, тем более что он точно не мог даже вспомнить, когда последний раз ел.

Они присели в редкой тени небольшого кустарника. Мимо них то и дело ходили нуронские воины, вдохновленные недавней и легкой победой, громко и вызывающе разговаривали и самодовольно насмехались над поверженной армией Шегиза.

Имакс старательно вслушивался во все достигавшие его ушей разговоры, стараясь получить ответы на те вопросы, которые оставались для него загадкой. Но все эти речи были весьма поверхностны и вращались вокруг обсуждения того, как это было здорово – нанести удар с моря, откуда его никто не ожидал. А также, какое победоносное шествие благодаря этому они устроили по землям Глариады.

«Ну, а до моря, до моря-то как же?» – чуть ли не вслух высказал Имакс, но вовремя спохватился.

Нил размеренно поглощал свою порцию еды, в то время как Имакс уже почти расправился со своей.

«Может, попытаться что-нибудь выудить у Нила, он наверняка многое знает. Но чем я объясню свой интерес, если я сам „с корабля“. Ладно, дело времени. Кто-то да проговорится. Только теперь вряд ли это чему-нибудь поможет...»

С болью в сердце Имакс вновь посмотрел на пленных.

Он обратил внимание, что между нуронскими воинами и теми пленными, которые сидели с краю отведенного им места, стихийно возникла и разгоралась словесная перепалка. Один из нуронцев бросил что-то оскорбительное по поводу поражения глариадской армии и презрительно рассмеялся.

Поднялся один из раненых пленных и, опираясь на вырезанный из ветки посох, с достоинством произнес:

– Сколько бы вы ни бахвалились, вам никогда бы не удалось победить нас в честном бою. Остальные пленные зашевелились и одобрительно загудели.

– Честный бой не исключает тактических приемов и смелых решений! – вызывающе выкрикнул распалившийся нуронец.

В этот момент Имакс услышал, как раненый пленный, чеканя каждое слово, отчетливо произнес:

– Честный бой исключает предательство. Флавестина предала нас...

«Что-о-о???» – Имакс выпустил из рук ложку и миску с остатками пищи – и они с металлическим звоном друг о друга упали на землю ему под ноги.

Дальше все заговорили одновременно, как по команде. Пленники поднялись на ноги и что-то громко выкрикивали, нуронские солдаты все разом бросились их умирять.

Больше Имакс ничего не слышал. Он в оцепенении сидел, смотрел перед собой и был не в состоянии даже проглотить пищу, которая в этот момент была у него во рту.

«Флавестина предала нас, Флавестина предала нас...» – назойливым эхом крутилась в голове последняя фраза раненого пленного.

Флавестина пропустила нуронцев к побережью. Теперь это очевидно. Но как это произошло? Как? Как Крафт мог такое допустить? Вдобавок ко всему, наверняка вся Глариада считает, что и суда предоставила Флавестина. Иначе каким образом все это можно объяснить? Ни во что другое никто не поверит!

Все станет на свои места только в том случае, если удастся пролить свет на все эти обстоятельства.

Как бы там ни было, и он сам, и Крафт – они теперь оба в долгу перед Глариадой.

Имакс утвердился в своем решении продолжать под видом «своего» следовать за нуронцами, а там, глядишь, и подвернется случай послужить Глариаде. Ведь он может невзначай выведать нечто важное, что нуронцы хранят в секрете. А сбежать он всегда успеет.

К Игрит пришло просветление. Чего она ждет? Как она могла дурачить себя столько времени? И как ей удавалось морочить собственную голову этими глупыми версиями – свои? чужие? Неужели она настолько испугалась, что позволила самой себе убаюкаться пустыми надеждами?

Она принялась торопливо прохаживаться в тесном пространстве сарая.

Какие «свои»? Откуда им было взяться среди ночи у самой границы, если посты даже не выслали за помощью: так молниеносно все произошло. Никаких «своих» не могло быть там. Она ведь все видела сама, все разворачивалось у нее на глазах!

Игрит ощутила горькую досаду. Неужели удар по голове лишил ее способности здравомыслия? Ведь картина-то совершенно очевидна: она у тех, кто был с человеком в накидке, она у тех, кто предал своих, и она как раз та, кто видел все это! Другие варианты не просто маловероятны, их вообще не существует! Как ей удалось так раздуть надежду, что она превратилась в невероятное заблуждение? Или она просто переумничала...

Игрит не находила себе места. Совершенно ясно: она у предателей. Не у нуронцев, а именно у предателей. Нуронцы шли с Глариады, она видела их, но в отличие от врага, которого всегда знаешь откуда ждать, предательство всегда наносит удар сзади.

Игрит потрогала ноющий затылок.

И захват обоза, в чем ее уверяли, – это ложь, конечно. Ее не выпустят – это ясно.

Пришло время самой позаботиться о своем освобождении. Приближалась ночь, и необходимо было немедленно что-то предпринимать.

Игрит принялась торопливо ощупывать нижние доски в стенах сарайчика.

Даже в этих обстоятельствах ей не удалось сдержать улыбку, вспоминая все тот же случай из своего детства, когда Флайд взобрался на крышу спасти ее из заточения почти из такой же хибары на заднем дворе их дома.

«Мой добрый Флайд, как бы я была счастлива, если бы ты сейчас свалился мне на голову, как тогда...»

Кое-где по углам был навален старый хлам, Игрит отбрасывала его в сторону, пытаясь найти доски в стене, которые могли подгнить от сырости или исплеть от времени.

Вскоре все было обследовано. Игрит уже порядком устала. Никаких результатов.

Она посмотрела наверх. Вот если бы добраться до окошка, но как?

В это время она вновь услышала протяжное раскатистое рычание барсов.

Игрит села прямо на пол, обхватив колени.

Даже если ей удастся каким-то чудесным образом покинуть этот сарайчик, ночью ей не пройти через территорию хищников.

Дрейд чувствовал себя отвратительно. Он сидел в придорожной закуской Глариады за тем же столиком, за которым не так давно Патист ожидал встречи с незнакомцем-покупателем до того момента, как увидел Игрит.

Военный Советник выполнял распоряжение Крафта и, демонстрируя служебное рвение, назначил из своего штата группу по расследованию обстоятельств ночного нападения на посты, вместе с которой и прибыл несколько часов назад в Глариаду для работы на месте.

По известным причинам, его самого это расследование несколько не интересовало, и он был уверен, что с исчезновением Игрит не будет существовать ничего, что могло бы пролить свет на эти события.

Тем не менее, он чувствовал себя крайне подавленно. Мысли, мрачные, как тучи, и вязкие, как патока, не давали ему покоя. Он обдумывал то, что произошло за эти несколько дней.

Вроде бы, он знал, на что шел, с самого начала – и все-таки ошибся.

Дрейд, ожидая заказ, задумчиво смотрел в окно на пустынную дорогу.

Глариада захвачена, кругом разруха и уныние... Разве об этом он мечтал? Он ведь всегда хотел быть героем, решительным и сильным. А кем он стал? Чем он может гордиться? А Игрит..? О ней он вообще старался не думать...

И чего он в результате добился? Он станет военачальником Глариады – и что из того? Что из того? Глариада была процветающим и благополучным государством. А теперь для нее все изменилось, ради того чтобы он, Дрейд, стал ее правителем, а точнее говоря, безропотной пешкой Кабуфула!

Цена, которую он заплатил за это, безмерно высока. Он точно знал ее и теперь хорошо понимал, что слишком переплатил. Слишком.

Когда перед ним появился обед, он начал механически поглощать его, не различая вкуса.

Дрейд чувствовал, что события только начинают разворачиваться. Он понимал, что попал под неограниченную власть Кабуфула. Конечно, он обязан был это предвидеть, но не ожидал, что этот зарвавшийся стратег позволит себе зайти так далеко. Подумать только – размечтался о Флавестине! Ну, нет, этот кусок вряд ли ему удастся проглотить...

Дрейд ощутил приступ бессильной злобы. Кабуфул наверняка попытается снова использовать его в своих грязных целях.

Военный Советник вздохнул. Он сам во всем виноват, и пути назад у него нет. Слишком поздно. Сейчас ничего изменить уже невозможно...

Неожиданно его слух уловил, как за соседним столиком два посетителя оживленно обсуждали последние новости, связанные с исчезновением дочери Верховного Правителя, о чем сегодня утром было официально объявлено.

– А я говорю, я сам видел!

– Так пойд и расскажи обо всем.

– Конечно, расскажу – это мой долг!

Диалог двух людей, видимо, знакомых между собой и случайно встретившихся в этом месте, живо заинтересовал Военного Советника.

Отбросив в сторону свои гнетущие мысли, он начал прислушиваться к их разговору.

– Отчаянная девчонка. И что ей надо было в такой глуши?

– А ты не ошибся? Мало ли красивых повозок...

– Да при чем тут повозка, я ее в лицо знаю! Это у меня сейчас дело остановилось, а раньше я, знаешь, сколько товара во Флесил перевозил! Сам Верховный Правитель мне заказы делал. Так-то.

В этот момент мимо их столика проходил управляющий и вмешался в разговор:

– Я могу подтвердить, Игрит была здесь два дня назад. Заказала коктейль и сразу поехала дальше, даже не отдохнула.

– Вот, а я что говорю! – ободрился один из собеседников.

Дрейд подозвал управляющего и представился как официальное лицо. Он сообщил, что уполномочен вести поиски пропавшей дочери Верховного Правителя и желает получить любые сведения, которые могут оказаться полезными.

– Итак, когда Игрит покинула закусочную, она поехала в сторону Флавестины?

– Как раз наоборот, – охотно отвечал управляющий, – я еще удивился: одна, в такое время... Зря она туда поехала.

– Как выглядела ее повозка?

– Очень богатая бричка, яркая такая с красными лентами. Красивая лошадь в упряжке.

– В какое время это было?

– Уже за полдень.

– Вы видели, как она возвращалась назад?

– Нет. Не видел. Видно, она уж и не вернулась оттуда, бедняжка...

Дрейд поблагодарил управляющего и отпустил его. Посидев за столиком еще немного, он сам пытался придумать хоть какую-то мало-мальски правдоподобную версию причины ее поездки в Глариаду.

Что ей было там делать? И что там произошло, что она возвращалась так поздно вечером? Военный Советник покинул зал закусочной и вышел во двор.

Пора было принять отчет у группы, работавшей на месте флавестинских постов у границы и возвращаться во Флесил.

Услужливый конюх вывел ему навстречу коня, и Военный Советник, принимая поводья, заметил, что конюх, не проявляя особой решительности, что-то хочет ему сказать.

Дрейд повернулся к нему.

– Э-э, простите, я хотел сказать... то есть управляющий сказал, что вы ищете дочь Верховного Правителя. Да, конечно, ее все ищут, бедное дитя... Такое беспокойное время... Послушайте, – он понизил голос, – если вы уделите мне минутку, я могу рассказать кое-что...

Конюх оглянулся по сторонам и, тронув Дрейда за локоть, направился под небольшой навес, расположенный здесь же во дворе.

Военный Советник последовал за ним.

– Так я о девушке с этой повозки... Вы знаете, ведь я тогда видел ее впервые. Это я только потом узнал, кто она такая. Так я запомнил ее хорошо: уж больно внешность у нее приметная. Она спрыгнула с брички, вся ладная такая, высокая, красивая...

– Вы что-то хотели рассказать? – напомнил Дрейд.

– Да, да, нельзя ведь оставаться в стороне, когда такое горе... Так вот, я тогда подумал: ничего удивительного, такой девушкой кто угодно может заинтересоваться, там, молодые люди, всё прочее... Ну, вы понимаете...

– Пожалуйста, выражайтесь яснее, – Военный Советник начинал терять терпение.

– Так я и говорю. Ничего странного, что этот молодой человек... Он сидел в закусочной, когда она вошла. А как она вышла – он сразу за ней.

– Кто – он? Кто – за ней?

– Я же говорю: молодой парень. Приятной внешности, только лицо в царапинах... Выбегает и спрашивает: «Куда она поехала?» – и следом за ней. Он даже за обед не расплатился. Мы уже думали, всё, с концами... А потом он вернулся.

– С ней?

– Да нет, вернулся один, взволнованный такой...

– И что потом?

– А-а, заплатил-таки, извинялся...

– Это все, что вы хотели рассказать? – Дрейд повернулся уходить.

– Да нет. Вы ведь все время перебиваете меня, – обидчиво произнес конюх.

– Простите. Продолжайте, пожалуйста, – Дрейд подумал, что ему предстоит набраться терпения.

– Так вот, вернулся он, значит. И тут я упустил его из виду: работы, знаете ли, хватает. И только, как уже стемнело, выходит он лошадь брать, да не один. Второго я не разглядел, помню только – плащ у него черный. Так они, вижу, съезжать собрались. Да кто ж, на ночь глядя-то, съезжает? На дорогах вон что творится. Думаю, что-то не ладное здесь... Вы не подумайте, что я чего плохого ради... только решил посмотреть... ну, просто, на дорогу вышел... Да только гляжу, они с дороги-то свернули... Тут я и думаю – неспроста это. Страшно самому, но пошел я следом за ними... – рассказчик сделал интригующую паузу.

Военный Советник терпеливо ждал.

– Там кусты, колючки. Я-то близко подходить боюсь, а издали вижу: повозка там спрятана и что-то большое на ней... Тот, второй, в нее лошадь впряг, еле выехал на дорогу. А этот парень на постоянный двор вернулся...

– И что было дальше?

– А, ничего, я лошадей накормил и пошел отдыхать. Думаю, не мое это дело, за людьми следить. Да только... – рассказчик переступил с ноги на ногу и понизил голос.

– Что – «только»?

– Да только утром наш портье по секрету рассказал, что случайно видел, как этот второй, когда они вдвоем еще в зале сидели, передал парню вот такой мешок денег, – конюх расположил руки так, как будто удерживал ими большой арбуз.

– Портье может это подтвердить?

– Наверняка может, в интересах девушки... Я-то теперь уверен, что тот парень её похитил и продал, – доверительно шепнул конюх на ухо Военному Советнику.

– Как он выглядел?

Глава 12.

Не смерть страшна, а ее методы. Зыбучие пески предательства

Игрит чувствовала тревогу. Казалось, все забыли о ней. Можно было подумать, что лагерь снялся с места, если бы не голоса людей, которые она слышала издалека.

Да еще эти животные. Последнее время они так дико рычали, что, не иначе, были голодны или чем-то очень взволнованны.

Игрит ощущала растущее беспокойство.

Несколько суток она взаперти, и неизвестно, что ей предстоит.

С наступлением ночи она каждый раз пыталась найти способ выбраться наружу. И сейчас она готовилась возобновить свои попытки, как вдруг услышала, что к дверям сарайчика кто-то приближается.

«Ага! Сейчас я потребую прямых объяснений, где я и что меня ждет. Они тоже пусть знают, кто на самом деле у них в плену! А там посмотрим... Эти игры уже слишком затянулись...»

Когда открылась дверь, вошел человек с факелом в руках, освещая помещение, а за ним – еще двое, крупного телосложения, с непроницаемым выражением лиц.

Эти двое молча подошли к Игрит и, едва она успела открыть рот, бесцеремонно схватили ее, завернув назад руки, тут же завязали рот грязной тряпкой с неприятным запахом.

В этот момент Игрит поняла, что вырваться бесполезно: её судьба решена...

Когда ее вывели из сарая, она успела заметить равнинную местность вокруг, а в небольшой низине – освещенный кострами лагерь. Ясно, что рот ей завязали, чтобы она не переполошила солдат.

Ее потащили куда-то в сторону от лагеря, она еле успевала переставлять ноги, спотыкаясь о кочки, но совершенно не рискуя упасть, так как два огромных стражника волокли ее под руки, как пушинку, совершенно не заботясь о том, достает ли она ногами до земли.

В звездном свете были видны лишь смутные очертания ландшафта. Игрит задавалась вопросом, куда же ее все-таки ведут.

Вдруг совсем близко она услышала грозное рычание зверей.

Игрит охватил ледяной ужас. Она все поняла. Она начала отчаянно вырваться всем телом и пыталась закричать через повязку. Это ни к чему не привело, и, выбившись из сил, она почувствовала себя обреченной.

Еще несколько шагов, и они оказались у железной решетки, закрывавшей большую яму в земле.

Один из стражников развязал ей рот, затем открыл решетку, а второй, толкнув её в спину, сказал:

– Можешь помолиться.

Не устояв на ногах, Игрит, обессиленная от борьбы и ужаса, упала на колени в пыль возле ямы.

Из уважения к последним мгновениям её жизни стражники чуть отошли и стали поодаль.

Внизу ничего не было видно, но Игрит знала, что там ее ждут хищные голодные звери и минуты ее сочтены.

– Отец Небесный, Всемогущий Боже, прими меня в свои объятия, ибо лишь Тебе принадлежит вся моя жизнь, от первого до последнего дня. Прошу Тебя, одари меня частицей твоего великого сострадания, не дай испытать мне все муки пожираемого зверем человека!

Лиши меня жизни раньше, чем я окажусь в пасти голодных зверей, ибо все в Твоей власти. И, коль настал мой последний миг, пусть все случится так, как должно быть по воле Твоей...

Приблизились стражники и, взяв ее обессиленное тело под обе руки, приподняли над землей и поднесли к яме. Одновременно убрав руки, стражники проводили взглядом исчезающую в черной дыре Игрит, не издавшую ни звука, хлопнули решеткой и, не дожидаясь конца кровавой сцены, тут же удалились.

– Я вызвал вас, друг мой, чтобы обсудить один из моих новых планов в свете последних, весьма и весьма интересных событий, – Кабуфул был, определенно, на подъеме.

Дрейд молчал, готовясь услышать очередную идею, рожденную разраставшимися амбициями Кабуфула. Вначале Военный Советник еще надеялся, что, заполучив Глариаду, Кабуфул на какое-то время успокоится. Но вскоре понял, что ошибся. Достаточно легкая победа лишь распалила аппетит Кабуфула, и Дрейд чувствовал, что вот-вот настанет время, когда этот ненасытный властолюбец затребует себе к столу Флавестину в пикантном соусе на десерт.

Сейчас, оценив его прекрасное настроение, Военный Советник внутренне напрягся, предположив, что этот момент настал и в голове Кабуфула, преисполненной шальными идеями, созрело нечто, особенно гнусное.

– Вас, конечно, интересует, что я имею в виду? – Кабуфул сделал многозначительную паузу.

Надо было отдать ему должное: он обладал исключительной проницательностью, и волнение Дрейда не осталось для него незамеченным.

– Не беспокойтесь, друг мой, я не собираюсь воевать с Флавестинной. Ладно, ладно, дышите ровнее, зачем так напрягаться? От вас ведь пока ничего не требуется. Просто хочу кое-что обсудить. Да, вы присаживайтесь.

Кабуфул был сама любезность. Он подвинул кресло Военному Советнику и сам сел почти напротив.

Дрейд продолжал молчать.

– Как я уже говорил вам, начинать открытые военные действия против Флесида – это просто глупо. У меня другой план. Мне было бы вполне достаточно для начала на месте Верховного Правителя Флавестины иметь своего человека. И только. При таком раскладе встает вопрос – как быть с Крафтом? На данный момент это наш самый главный и сильный противник. Его не подкупить, не запугать. Возможно лишь как-то очень ловко устранить. Но каким способом? И не просто устранить, а так, чтобы это открыло дорогу на его пост другому, подготовленному мною человеку? Вы хорошо знаете Крафта, его окружение, возможно, слабые места, – вот и подумайте над этим на досуге.

Говоря эти слова, Кабуфул не переставал наблюдать за Дрейдом. Он на самом деле хорошо понимал его состояние и пытался оценить, насколько Военный Советник все еще годится ему в союзники. Дрейд успешно выполнил возложенную на него миссию в конфликте с Глариадой и, будучи во власти Кабуфула, выполнит еще многое, если потребует. Но в данный момент Дрейд интересовал Кабуфула не как подвластный исполнитель, а как соратник, объединенный с ним общим интересом и готовый сотрудничать. Военный Советник был близок к Крафту, знал его сильные и слабые стороны, пристрастия и привязанности, обстановку в Палате Управления – то, чего сам Кабуфул знать не мог. Поэтому он всеми силами пытался преодолеть возникшую в последнее время между ним и Дрейдом натянутость отношений.

Наблюдая сейчас за Военным Советником, Кабуфул обдумывал, какие рычаги повернуть, чтобы добиться от Дрейда эффективного сотрудничества.

– Кстати, вас не интересует, какие события я определил как интересные в начале нашего разговора?

Дрейд вопросительно поднял глаза.

– Ну-у, военачальнику нельзя быть таким невнимательным, – с укоризной произнес Кабуфул.

И Дрейд понял, что все сказанное было всего лишь предисловие и самое главное ему еще предстоит услышать.

– Ходят слухи, что пропала Игрит, дочь Верховного Правителя. Вы что-нибудь слышали об этом?

Дрейд приложил усилие, чтобы взять себя в руки, и с равнодушным видом произнес:

– Слышал. Крафт ищет ее по всей Флавестине и даже в Глариаде. Насколько я знаю, пока никаких результатов.

– Говорят, ее похитили. Жаль, что не мы...

– То есть? – Дрейд почувствовал жар во всем теле.

Кабуфул широким размахом забросил ногу за ногу и расслабленно развалился в кресле.

– Подумайте сами, друг мой. Представьте, что у нас в руках оказывается такой весомый аргумент! Это как раз то, что могло бы помочь решить все проблемы, связанные с Крафтом.

– Лучше сразу представить себя правителем Флавестины. Зачем размениваться на этапы – одно не реальнее другого, – язвительно заметил Дрейд.

– А ведь это идея, – не слушая Дрейда, продолжал Кабуфул, – почему бы нам, пользуясь случаем, не объявить себя похитителями, раз до сих пор этого не сделал никто другой? А? Что вы на это скажете?

Дрейд в очередной раз был сражен наглостью Кабуфула.

– Ради Игрит Крафт пошел бы на многое. Но её у нас нет, а значит, ничего не выйдет, – произнес Дрейд с нажимом, надеясь убедить Кабуфула отказаться от этой идеи.

– Как вы узко мыслите, друг мой! Мы потребуем выкуп, всего-навсего, и привезет его сам Верховный Правитель. Прямо к нам. Как на руку все складывается! А? Остается лишь обдумать детали...

– При всей своей отцовской любви Крафт не позволит обвести себя вокруг пальца. Он потребует доказательств. У него нет ни одного повода поверить нам.

– Друг мой, взгляните на это под другим углом: у него нет ни одного повода нам не поверить! К тому же, – продолжал Кабуфул, ритмично покачивая ногой, – я неплохо разбираюсь в людях и могу сказать, что Крафт из тех, кто способен, уверяю вас, рискнуть многим, даже жизнью, за самый прозрачный шанс спасти близкого человека. Его надежда – наш лучший союзник и самый верный.

Даже Дрейд ужаснулся такому цинизму. Он предпринял еще одну попытку урезонить Кабуфула:

– Но Игрит может объявиться в любой момент! Что тогда?

– Что ж, тогда мне придется признать, что план сорвался. А если не объявится? Ведь до сих пор же не объявилась! Нельзя упускать такую исключительную возможность...

– И если Игрит действительно похищена с какой-то целью, мы будем очень глупо выглядеть, когда настоящие похитители дадут о себе знать! – не унимался Военный Советник.

– Выждем еще денек-другой для верности, – невозмутимо парировал Кабуфул. Затем в своей манере театрально растягивать слова продолжил: – Из страха выглядеть глупо, друг мой, многие величайшие умы человечества так и не сделали своих гениальных открытий... За них это сделали те, кто не испугался. Удача любит тех, кто рискует.

Похоже, Кабуфул все больше и больше входил во вкус новой идеи. Казалось, он забавлялся своей необузданностью.

Видя это, Дрейд решил предпринять последнюю попытку.

Он чувствовал свое бессилие. Он знал, что не объявится ни Игрит, ни ее «похитители» и что Крафт, скорее всего, пойдет на любой риск в надежде вернуть дочь, как и рассчитывает Кабуфул.

И сейчас он, Дрейд, скажет о том, что вызывало в нем самом горькое чувство отчаяния, но что было последним аргументом, способным, если восторжествует здравый смысл, остановить Кабуфула.

Военный Советник весь внутренне собрался, упершись руками в колени, подался вперед всем корпусом, максимально приблизившись к своему собеседнику, и, решительно глядя ему прямо в глаза, очень твердым и низким голосом произнес:

– Если Игрит обнаружат погибшей, на нас ляжет ответственность за ее смерть. Ты считаешь себя непревзойденным, Кабуфул, а скажи-ка, ты можешь предвидеть, как поведет себя Крафт, когда узнает, кто виновен в гибели его дочери?

Кабуфул отшатнулся. Он не ожидал такого напора от Дрейда, обычно выдержанного и смиренного перед ним. Он задумался.

Но не долго. Еще до разговора с Военным Советником он принял твердое решение, что обязательно использует исчезновение Игрит, о котором все вокруг взволнованно говорили, в своих целях, как бы ни обернулось это для него в дальнейшем.

– Послушайте, друг мой, – сказал он подчеркнуто ровным голосом, не предвещавшим ничего хорошего, – если вы откажетесь сотрудничать со мной, вам известно, что с вами будет завтра. Я советую вам оставить эту тактику препирательства. И держите себя в руках. Тем более, что я пока не сказал вам самого главного. Мой тайный советник хорошо потрудился. Ему подвернулась удача, редкая до нереальности... Такая даже единожды в жизни не выпадает, а тут такой момент... Нужно быть слабоумным, чтобы не воспользоваться ею... Ему повезло обнаружить в Глариаде девушку, как две капли воды похожую на Игрит. Так он утверждает. Я хочу, чтобы вы пошли с ним и убедились, что он не ошибся. Ступайте, Дрейд, и будьте благоразумны.

Военный Советник почувствовал, что очередной безумный план Кабуфула может сработать, и опять-таки прямо или косвенно благодаря ему, Дрейду, и какому-то злему року.

Рано утром в своем кабинете Верховный Правитель выслушивал отчет Военного Советника с места расследования трагических событий у постов Флавестины. Дрейд завершил аналитическую часть своей речи и, склонившись над лежащей перед ними на столе картой, перешел к заключению:

– Скорее всего, благодаря детально спланированной операции, организованным силам нуронцев по горным тропам и пресеченной местности удалось пересечь те земли Глариады, которые до той самой ночи она полностью удерживала.

Крафт внимательно разглядывал карту. Казалось невероятным, что достаточно многочисленные отряды нуронцев смогли беспрепятственно достичь столь глубокого тыла Глариады. Учитывая то, что перемещаться им приходилось по бездорожью, этот бросок занял у них несколько дней. Как им удалось не обнаружить себя за это время? Откуда они могли знать эту местность настолько хорошо, чтобы безошибочно ориентироваться в ней, а также избежать нежеланных встреч с местным населением?

Крафт не находил ответов.

Военный Советник между тем продолжал:

– Затем под покровом темноты они предприняли стремительную атаку отсюда, – Дрейд провел пальцем по карте вдоль дороги в проем хребта со стороны Глариады, – действуя внезапно и безжалостно...

– По эту сторону хребта, где располагались наши посты, открытая равнинная местность. Внезапно и безжалостно можно атаковать только один из постов, даже ночью. В крайнем случае – два. А остальные? Они что же, спали?!

Военный Советник почесал переносицу. Он ожидал этого вопроса.

– Возможно, они, увидев завязавшуюся схватку у придорожного поста, бросились на выручку. Они не могли предвидеть, с какими силами им предстоит столкнуться. Ведь эту часть своей территории Глариада тогда целиком контролировала, и здесь было относительно спокойно. Нуронцы могли применить хитрость и скрыть основной резерв своих сил до того момента, когда события сконцентрируются в одном месте, а именно у дороги. И уже тогда...

– Но посты обязаны были выслать гонца! Я допускаю, что он мог погибнуть, но он должен быть выслан! Обязан быть выслан, ибо такова инструкция! Какие есть сведения о гонце?!

Крафт кипятился. Ему казалось, что если он найдет ответ на этот вопрос и убедится, что хоть кто-то из участников тех злополучных событий поступил правильно, ему станет легче. Ну, не могли же все, включая его самого, допустить каждый свою непоправимую ошибку в один и тот же день!

Дрейд почувствовал, что любой мало-мальски вразумительный ответ на этот вопрос был бы очень кстати. Но он не мог его дать.

– К сожалению, никаких.

Крафт встал и подошел к окну. Помедлив несколько мгновений, он сказал:

– Ваше расследование не дало никаких результатов, Военный Советник.

Дрейд промолчал. Он желал как можно меньше обсуждать эту тему и был уверен, что забвение этих событий лишь дело времени.

Крафт отошел от окна.

– Что удалось узнать об Игрит?

Военный Советник оживился. Наконец ему было, что сказать.

– У меня есть сведения, что некто Патист замешан в похищении вашей дочери. Я прошу вас дать разрешение на его арест и готов предоставить доказательства его вины в кратчайшие сроки.

– Я рекомендую вам обратиться к Верховному Судье по поводу вашего обвинения и все доказательства предоставить ему. Меня интересует, где моя дочь в настоящий момент и как ее вернуть.

Верховный Правитель тяжело переживал исчезновение Игрит. Не было минуты, чтобы он не думал о ней. Любую версию, которая в результате размышлений на эту тему приходила ему в голову, он тут же, не теряя ни минуты, кидался проверять, но все было безрезультатно.

Когда Военный Советник упомянул имя Патиста, у Крафта в надежде встрепенулось сердце и он почувствовал, что готов ухватиться даже за соломинку. На самом деле его очень интересовало все, что было связано с исчезновением Игрит, и он бы вывернул наизнанку каждого, кто мог быть причастен к этим событиям.

Но именно поэтому он сразу взял себя в руки, сочтя необходимым отстраниться от личных расследований и обвинений, предоставив возможность Верховному Судье, которому он полностью доверял, заниматься этим вопросом.

Крафт вполне отдавал себе отчет в своей неспособности проявлять беспристрастие и объективность, что в данных условиях могло привести к непоправимой ошибке.

Это и было причиной той сдержанности, с которой он встретил сообщение Дрейда.

Военного Советника, который тщательно подготовился к этому разговору, такой поворот беседы несколько разочаровал. К тому же, как известно, ничего утешительного по поводу самой Игрит он сообщить не мог.

– Поисковые группы действуют по всей Флавестине, и даже в захваченной Глариаде есть те, кому поручен розыск Игрит и всего того, что способно указать на ее местонахождение. К сожалению, на сегодняшний день нет ничего обнадеживающего.

– Что известно о Шегизе? Есть ли надежда, что он жив?

– Почти никакой. Есть сведения, что во время нападения Кабуфула он вместе со своими войсками пытался удерживать один из самых важных рубежей – подступы к Луристолю. К сожалению, именно там Глариада понесла наиболее тяжелые потери...

Глава 13. Пленница-принцесса – таинственная незнакомка или...?

Это был нелегкий переход для Имакса. Его физические силы были полностью истощены. Вдобавок они то и дело натыкались на разоренные селения мирных жителей и места кровавых столкновений.

Больнее всего Имаксу было видеть скорбные лица овдовевших женщин с детьми и оставшихся без крова людей, которые собравшись кучками, помогали друг другу пережить это нелегкое время.

Только через два дня, делая краткие привалы в пути, нуронцы доставили пленных в одно небольшое местечко под названием Дальняя Ферма, где-то на середине пути от побережья до Луристоля, и передали их под охрану.

Всех, кто следовал в конвое, и Имакса в том числе, перевели на другой объект, там их покормили и расселили в каком-то длинном одноэтажном строении.

Когда Имаксу показали его комнату, в которой из мебели находилась лишь аккуратно заправленная кровать, он с радостью подумал, что его единственной мечте за последнее время, похоже, суждено сбыться. Он почувствовал, что сил ему хватает только на то, чтобы сделать эти последние несколько шагов до кровати.

Имаксу показалось, что он уснул еще до того, как преодолел их.

Когда на утро следующего дня он с трудом проснулся, оттого что Нил изо всех сил тряс его за плечо, то решил, что спал всего одно мгновение.

Между тем Нил настойчиво призывал сменить его на вахте, где он, якобы, отдежурил целые сутки за себя и за Имакса.

Имакс сел на кровати и, отгоняя остатки сна, пытался вникнуть, о чем этот назойливый служака толкует ему битые полчаса.

– На вид она такая, обыкновенная. Хотя красивая, конечно. Но судя по тому, какие ей выделили покои – отнюдь не нашего круга. И пищу, и фрукты, и нарядов целый сундук притащили. Видно, важная птица...

– Кто? – зевая, переспросил Имакс.

– Да проснись ты! – не выдержал Нил. – Я тебе десятый раз говорю! Да, видать, ты сильно головой ударился... Значит так. Назначили нас с тобой на объекте дежурить. Круглые сутки. Понял?

Имакс кивнул.

– Я полсутки за себя простоял и за тебя столько же: добудиться не мог. Понял?

Имакс опять кивнул.

– Ну, раз понял, давай, иди – твоя очередь. Там всё под замком, окна высоко. Главное, чтобы посторонние не проникли. В общем, пост несложный, повезло. Пойдем, отведу.

Вначале они прошли метров двести по двору, затем достигли трехэтажного здания, довольно красивой архитектуры. Второй и третий этажи были окружены просторными балконами с мраморными перилами.

Они поднялись к парадному входу, затем по лестнице на второй этаж, прошли по коридору и остановились у запертой двери.

– Здесь, – сказал Нил, указывая на двери.

Имакс кивнул.

– Послушай, Нил, что ты там про птицу говорил? – спросил Имакс, вспомнив обрывки разговора.

– Какую птицу? А... девушку здесь держат. Вчера привезли. Кормят хорошо, ни в чем не отказывают, только стеречь пуще глаза велено и в разговоры не вступать. Она ничего, смиренная. Я ей – обеды, завтраки, она – ни слова... Кстати, нам с тобой запрещено даже своим рассказывать, кто тут у нас. Ясно?.. Вот здесь располагайся, – Нил указал на стоящий под стенкой небольшой диванчик, – только не спи: проверяющий ходит то и дело. Ночью хищников выпустят, но спать все равно нельзя. Ну, я пошел, держи ключи.

Имакс подошел к окну и увидел с высоты второго этажа всю панораму двора.

Похоже, что все эти многочисленные близлежащие постройки предназначались для обслуживания этого великолепного дома и тех, кому он когда-то принадлежал. Теперь кто-то успешно поработал над тем, чтобы оборудовать этот двор для содержания разного рода пленников.

Там, невдалеке, – здание, где находятся комнаты его и Нила. А рядом – караульное помещение. Когда-то эти комнаты занимала, возможно, прислуга. Еще дальше – столовая. А вот это, с краю двора, длинное строение с покатой крышей, скорее всего, предназначалось ранее для содержания домашних животных.

Теперь помещения этих хозяйственных строений исполняли роль тюремных камер, почти у каждой двери стоял дежурный часовой.

В той части двора, которая прилегала к противоположной стене дома, находился прекрасный фруктовый сад. Имакс видел его, когда они шли сюда с Нилом.

В этот сад выходили окна пленницы.

По периметру всего огромного двора был сооружен замкнутый коридор, огражденный высокой решеткой, в него на ночь выпускали хищников. Внутри оказывались и пленники, и охрана.

Имакс отошел от окна. Гнетущая атмосфера этой импровизированной тюрьмы действовала на него удручающе.

Интересно, что за таинственную «птицу» он стережет? Имакс подошел к двери и прислушался. Никаких звуков.

Имакс почувствовал сострадание к арестованной девушке.

Что могла натворить эта бедняжка? Возможно, она жертва каких-нибудь интриг или личных счетов...

А может, ей не так уж и плохо здесь... Нил сказал, ей ни в чем не отказывают.

Время тянулось медленно.

Вдруг на лестнице Имакс услышал шаги. Поднималась девочка, которая служила на кухне, с накрытым белоснежной салфеткой подносом.

Она улыбнулась Имаксу:

– Это сюда, – кивнула она на дверь и поставила поднос на широкий подоконник, – потом я заберу.

Девочка ушла. Имакс заглянул под салфетку.

Горячее блюдо под металлической крышечкой, свежие овощи, графин с соком, ваза с фруктами... Неплохо.

Он взял поднос, отомкнул ключом замок и постучал.

– Входите.

Имакс шагнул в комнату.

Его взору открылись прекрасные апартаменты. Стены просторной светлой комнаты расписаны ярким малиновым узором. Широкие диваны и кресла с розовой перламутровой обивкой, маленький столик на резных ножках, великолепная розовая портьера из тончайшего шелка, скрывающая выход на балкон.

Справа – проем, ведущий в соседнюю комнату.

Имакс прошел и поставил поднос на стол. Краем глаза он увидел сидящую на диване в пол-оборота к нему девушку и на обратном пути рискнул бегло ее рассмотреть.

Она была одета в тонкие одежды бело-розовых тонов, красивые темные волосы волнами спадали на плечи, взгляд карих глаз был устремлен куда-то в сторону и казался слегка отрешенным.

Имакса она не удостоила ни малейшим вниманием, и он поспешил выйти из комнаты, заперев за собой двери, стараясь не слишком шелкать замком.

Когда Имакс оказался в коридоре, странное чувство завладело им. Образ девушки показался ему знакомым. Но все его старания вспомнить, где он мог ее видеть, не привели ни к какому результату.

Зато теперь у него была тема к размышлению, и ему не так скучно стало коротать время. Имакс обладал хорошей памятью, и сейчас он ее всю «прочесал» со времен своего самого нежного возраста на предмет обнаружения в ее особо удаленных уголках кого-нибудь, кто хотя бы отдаленно мог напоминать эту загадочную пленницу.

«Нет, среди моих знакомых ее никогда не было. Возможно, какая-то мимолетная встреча...»

По роду службы Имаксу часто приходилось перемещаться по Глариаде, останавливаясь на постоянных дворах, посещать общественные места.

«Так-то так, только не похоже, чтобы эта девушка была из «общественных мест», – размышлял между тем Имакс, мучительно напрягая память. Но по-прежнему безрезультатно.

Когда Имакс вновь вошел, чтобы забрать посуду, комната была пуста, и он заметил высокий стройный силуэт девушки на балконе. Она любовалась раскинувшимся внизу садом.

Имакс составил посуду на поднос и бесшумно вышел.

Спустя несколько минут опять появилась девочка из кухни. На этот раз она принесла кое-что для Имакса.

– Это вам, – сообщила она и расставила несколько тарелок на подоконнике, – еда, конечно, попроще, но зато объемом побольше...

Имакс обрадовался. Он давно уже проголодался и, без промедления изучив содержимое тарелок, принялся последовательно и энергично поглощать предложенные блюда, удобно облокотившись на подоконник.

Девочка решила дождаться окончания трапезы и забрать всю посуду за один раз. Она была похожа на местную, и Имакс спросил, желая поддержать разговор:

– Ты глариадка?

– Да, мы с тетушкой в числе тех, кто обслуживает столовую. Мы и раньше здесь работали, только... – девочка запнулась – тогда другие времена были...

Имакс вспомнил, что для этой девчушки он солдат враждебного лагеря, и поспешил сменить тему:

– Как вы после работы покидаете двор? Здесь же на ночь выпускают зверей...

– Нас предупреждают заранее. Мы все успеваем уйти. Хотя...

– Что?

– Я здесь каждый куст знаю, смогла бы выбраться и ночью, да только к чему мне это?

– И то правда. А что, есть способ обмануть зверей?

– А зачем их обманывать? Просто в саду есть одно дерево, старое... прямо у решетки растет, ветки – во! – она развела руки в стороны, – по ним на соседскую крышу попасть можно. А звери что? Они внизу гуляют, а ветка как мост через их вольер. Главное – не струсить...

– Ты-то, видно, не из робких, хотя и девчонка, – предположил Имакс, приступая к последнему блюду.

– Да я-то – нет, только тетушка за меня уж слишком беспокоится. Просто от себя не отпускает – досадно, – с детской простотой, поморщилась девочка, – особенно после того случая, о котором вся Глариада только и говорит.

– Это о чем? – поинтересовался Имакс.

– А вы что, не знаете?

Имакс неопределенно пожал плечами.

– Да, знаете. Об этом все знают. Дочь Верховного Правителя Флавестины украли. Ваш... Кабуфул украл, а Флавестина теперь на вашей стороне, только чтоб вернуть ее... так говорят.

Имакс едва устоял на ногах. Он поперхнулся и громко с надрывом закашлялся. Лицо его покраснело, а на шее устрасюще вздулись вены.

Девочка, испуганно глядя на Имакса, протянула ему стакан с водой.

Имакс отрицательно мотал головой, с трудом справляясь с приступом удушья.

Наконец к нему вернулась способность вдыхать воздух, и он начал приходить в себя. Он отпустил девчушку и остался наедине со своими мыслями.

Когда Нурун атаковал Глариаду со стороны моря, армия Глариады и все мирное население переживали состояние глубокого шока. Это вторжение напоминало гром среди ясного неба.

Отчаянно борющаяся с противником Глариада прочно удерживала свои позиции на западе и юго-западе, и, хотя Кабуфулу удалось значительно углубиться на ее земли, он наткнулся на довольно упорное и устойчивое сопротивление. Здесь вспыхивали ожесточенные сражения, глариадцы то отступали, то вновь отбивали утраченные рубежи. При этом ее восточные территории, прилегавшие к побережью, считались надежным и неприступным тылом.

Тем роковым утром события разворачивались настолько стремительно, что никто толком не успел ничего понять.

Высадившиеся на берегу Глариады отряды противника неудержимо продвигались вглубь её земель, сметая все на своем пути, так как тылы почти не оказывали сопротивления. По мере продвижения, к ним присоединялась остальная нурунская армия, ворвавшаяся в образовавшийся коридор, и вскоре полчища ее солдат хлынули в ослабленные внешней обороной тылы Глариады.

В течение нескольких часов Глариада потерпела полное поражение.

Никто не нашел другого объяснения всему случившемуся, кроме предположения, что Флавестина – добрая и надежная союзница, вдруг по неизвестным причинам выступила на стороне алчного и кровожадного Кабуфула, предоставив свой флот в его распоряжение.

Так как Глариада была небольшим государством, возникший в этот же день слух о таинственном исчезновении дочери Верховного Правителя Флавестины очень быстро распространился по всей ее территории.

Неизвестно, кому первому пришло в голову увязать эти два почти одновременных события, только на следующий день вся Глариада говорила о том, что Имакс несколько позже услышал из уст девочки с кухни, приносившей еду.

А именно, что союзничество с Нуруном – это та цена, которую Верховный Правитель Флавестины якобы заплатил за жизнь своей дочери.

«В эту нелепость может поверить хоть вся Глариада, хоть Флавестина – только не я, – размышлял Имакс, – нет ничего более абсурдного, чем предположить, что Крафт может быть способен на такое низкое предательство. Тем более, уж каким способом нурунцы заполучили корабли Флесила, никому не известно лучше, чем мне!

Есть, наверняка, другое объяснение и тому, каким образом их отряды попали на побережье, чтобы переправиться в Глариаду, вопреки всем этим лживым слухам... Но чтобы Крафт вступил в сговор с Кабуфулом, – в это я не поверю никогда. Даже если тот шантажировал его

жизнью его единственной дочери. Крафт – Верховный Правитель, и как бы он ни любил свою дочь, на нем ответственность, многократно превышающая любые личные привязанности. Нет, он не мог.

К тому же, как Кабуфул мог выкрасть Игрита из Флесиля? Что-то не вяжется. В тот вечер, когда суда были угнаны и началась вся эта история, я ведь был на приеме у Крафта... Ни о чем таком не было речи, он был в обычном настроении. Если бы он был расстроен исчезновением дочери, я бы заметил: такое не скроешь.

Нет, все это бред... Даже по времени не стыкуется. Если слухи верны и девушку действительно выкрали, то это должно было бы случиться гораздо позже».

Имакс прогуливался по коридору, временами останавливаясь у запертой двери и прислушиваясь. Все было тихо. Им с Нилом действительно достался легкий объект.

Имакс убедился, что ему ничто не мешает продолжить свои рассуждения.

«На все необходимо время. Сначала ее надо было выследить, потом найти способ похитить, потом вывезти тайком из Флавестины, потом посадить под надежную охрану, потом... потом...»

Имакс вдруг окаменел под воздействием внезапно пришедшей к нему догадки. У него возникло чувство, что его окатили из ведра ледяной водой.

Под охрану!? Девушка за этой дверью! «Важная птица... Вчера привезли... Ни в чем не отказывают...» – догадки одна за другой бросились наперегонки в его голову, толкая и тесня друг друга.

Эта пленница, о которой никому нельзя рассказывать и с которой так же нельзя разговаривать! Кто же она? И откуда ему знакомо ее лицо? Где он видел его?

Озарение пришло, как вспышка молнии. Наконец он отчетливо вспомнил! Конечно же! Он видел его на портрете в резной рамке! В кабинете Верховного Правителя на столе!

Имакс почувствовал необходимость обрести опору, сделал несколько шагов и сел на диванчик.

Значит, так. Игрита за этой дверью. А Крафт на крючке у Кабуфула... И вполне возможно, что именно в этот момент Кабуфул, используя полученную им таким образом власть, пытается влиять на Верховного Правителя в своих грязных целях. Иначе, зачем ему похищать Игрита?

Теперь Имакс знал, что он не напрасно тащился сюда от самого побережья в обществе этих высокомерных нуронцев да ещё и «служит» во вражеском лагере...

Глава 14.

На пороге возмездия – кража или похищение? К побегу всё готово...

События, связанные с поражением Глариады, застали Флайда на Роднике.

Несколько дней он не имел никакой возможности вернуться во Флавестину в виду того, что все дороги кишели нуронцами, появившимися в несметном количестве неизвестно откуда, рождая своим присутствием и бесчинствами самые ошеломляющие слухи.

Он покинул Родник, где оставаться было опасно, и нашел приют в домике одной бездетной пожилой пары, которая оказала ему гостеприимство по своей доброте и помогла пережить момент, пока стихла волна первого и самого разрушительного нашествия нуронцев.

Все это время Флайд был как на иголках. Более всего его беспокоила судьба Игрит, покинувшей его накануне этих драматических событий, и он горел нетерпением вернуться во Флесил, как только предоставится возможность, в надежде найти ее там живой и невредимой.

Он не мог простить себе, что отпустил ее одну. Но с ней разве сладишь! Она умела быть настырной и отчаянной. И все-таки он должен был ее удержать! Ему нельзя было надеяться, что она остынет и вернется. Уж кто-кто, а он-то знал ее необузданный характер! Он ни за что не должен был позволять ей уйти! Надвигалась ночь, и что могло случиться с ней по дороге – кто знает?

Когда Флайду в конце концов удалось, игнорируя опасность, вернуться во Флесил, его ожидали там самые тревожные новости.

Он узнал о жестокой схватке на пограничных постах Флавестины и об исчезновении Игрит.

Он вспомнил когда они расстались и принялся лихорадочно анализировать, где теоретически могла находиться Игрит во время этих событий.

«В том же месте! В том же месте!» – с ужасом думал он. Лучшим подтверждением этой догадке было то, что она не вернулась.

Флайд решил, что если Игрит еще жива, то он найдет ее во что бы то ни стало, даже если ему придется прочесать всю Глариаду, рисковать и даже погибнуть, ибо считал, что только по его, Флайда, вине с ней определенно случилось несчастье.

Разрешение Верховного Судьи было получено, и Патист был взят под стражу. У него был обнаружен тот самый «мешок денег», и это обстоятельство само по себе подтверждало его причастность к исчезновению Игрит, а если – нет, то он наверняка смог бы объяснить источник его происхождения.

Но Патист молчал. Как он докажет, что продал чашу, а не Игрит? Ведь он даже не знает, кто был его покупателем! К тому же, договаривался с ним один человек, который сам нашел его, но через кого и как – неизвестно. А чашу увез совсем другой, тот, которого он видел единственный раз в закуской постоялого двора.

Да ему бы и в голову не пришло интересоваться личностью покупателя, тем более что это было просто неразумно.

Сейчас даже если он признается во всем, кто ему поверит?

Обдумав свое положение, Патист попросил, чтобы ему пригласили Флайда для встречи.

Когда Флайд узнал, что Патист арестован и обвиняется в причастности к похищению Игрит, он забеспокоился. Ему вдруг пришло в голову, что такое, хотя и с крошечной вероятностью, но все же можно было допустить, учитывая далеко не безупречную репутацию Патиста. Но когда почти весь город начал говорить о «мешке денег», якобы обнаруженном у него,

мысли Флайда потекли в другом русле. Он хорошо знал настоящую версию происхождения этого «мешка».

«Только этого не хватало! Не хватало Патисту засыпаться со своим грузом!» – думал в смятении Флайд.

И поэтому, когда его официально уведомили, что находящийся под стражей Патист просит с ним встречи, он, испытывая сильное беспокойство и отложив все дела, тут же навещил его.

Здание, где содержался Патист, находилось недалеко от Площади Рассвета и принадлежало судебным властям Флесила.

Флавестинцы, которые были осуждены Верховным Судьей за различного рода противоправные действия (как правило, это были нарушения законов собственности в том или ином виде с целью присвоения себе незаслуженных благ), привлекались на те участки работ, где могли восполнить для общества или для конкретного лица причиненные убытки, иначе говоря, произвести справедливую компенсацию пострадавшему.

Процедура учета предъявленных виновному объемов компенсации, необходимых для восполнения в каждом конкретном случае, и определение сроков работ, требующихся для этой цели, а также характера самой работы, проводилась штатом сотрудников, располагавшимся в нескольких помещениях этого здания.

Кроме того, здесь была специальная комната, где находились под стражей те, кто ожидал решения по своему делу.

Сейчас эту комнату занимал Патист. Из мебели здесь была кровать, скамейка вдоль стены и небольшой столик.

Когда вошел Флайд, Патист сидел за столом, подперев голову руками.

Флайд встал напротив.

– Проходи, Флайд, разговор есть...

Флайд сел рядом на скамейку. Патист некоторое время молчал, видимо, размышляя, с чего начать, затем сказал:

– Тебе уже известно, в чем меня обвиняют?

– Известно.

– Ты веришь в это?

– Нет.

– Послушай, Флайд. Мне известно, что Игрит ездила в Глариаду к тебе, я видел вас.

– И что дальше? – Флайд забарабанил пальцем по доскам стола.

– Я не знаю, какие вас связывают отношения, но, если ты признаешься в этом, у них не будет повода думать, что я выманил Игрит из Флесила, чтобы там, в Глариаде, похитить во всеобщей неразберихе.

Флайд протяжно со свистом выдохнул.

– Какой у них главный аргумент против тебя?

– Однажды я неосторожно попался на глаза смотрителю питомников, когда следил за Игрит... А главное – показания конюха и портье постоялого двора в Глариаде. Один видел, как я передавал спрятанный товар на повозке, и считает, что это и была Игрит. Другой видел, как я получил деньги за него.

– Ладно, какой там «товар»? – Флайд махнул рукой. – Это ведь была чаша?

Патист кивнул.

– «Переправить вещицу», «известный торговец», «пара пустяков»? Ты втянул меня в это! И обманом получил мою помощь, – Флайд чувствовал растущее негодование и по поводу того, что Патист так ловко использовал его самого и его связи, и по поводу того, что сам так легкомысленно позволил ему это. – Теперь ты влип, парень. Вот что: я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я имею к этому отношение. Ясно? Выпутывайся, как хочешь: ты сам виноват во всем!

Флайд встал.

– Не хочешь быть втянутым, говоришь? – Патист тоже вышел из-за стола. – А ведь ты видел Игрит последним. Нет никого, кто видел бы ее после... И еще. Скажи-ка, Флайд, зачем ты следил за ней? А? Это может быть о-очень интересно!

Флайд, направившись было к выходу, остановился.

– Ты сильно преувеличиваешь, Патист. Игрит дорога мне, никому не придет в голову подозревать меня. Моя вина лишь в том, что я отпустил ее тогда... одну... Ладно, не думай только, что ты напугал меня. Что-нибудь постараюсь придумать, – уже на пороге добавил Флайд и вышел.

Флайд уступил. Он решил сознаться, что в тот день позвал Игрит в Глариаду и она приехала к нему. Но для этого признания у него были личные мотивы. А именно: он понимал, что бричка, которую он тогда послал за Игрит, очень приметная, одна из лучших повозок на весь Флесил, и если девушка в ближайшее время не найдется, то рано или поздно кто-нибудь обязательно узнает эту бричку и ему все равно придется объяснять, как Игрит в ней оказалась. А также и то, почему он скрывал это.

Тяжелее всего ему было выслушивать горькие упреки Верховного Правителя. Крафт старался говорить спокойно, и от этого слова звучали еще более увесисто и обличительно:

– Как ты мог, Флайд, как ты мог?..

Благодаря признанию Флайда дело Патиста приобрело несколько иной оборот. Пренная версия по его обвинению значительно пошатнулась, но, тем не менее, устояла. Пусть Игрит оказалась в Глариаде не по его вине, но что могло помешать Патисту использовать такой подходящий случай в своих преступных целях?

Похищение во Флавестине относилось к разряду самых тяжелых преступлений.

По решению суда высшей мерой наказания была высылка на острова. Это была крайняя мера, и использовалась она довольно редко, поскольку не так много было преступников, заслуживавших ее.

Заклучалась она в том, что приговоренного помещали на корабль, который отправлялся в открытое море специальным курсом. В нескольких днях путешествия отсюда находилась гряда живописных островов, которые населял очень богатый растительный мир. Животные и птицы там также водились в изобилии, но главной особенностью островов было то, что они были совершенно не обитаемы людьми.

Считалось, что если ты действуешь против общества, в котором живешь, в лице любого из его членов, то самым справедливым наказанием, безусловно, может быть не что иное, как освобождение тебя от этого общества совсем.

Приговоренного оставляли там одного, как есть, с пустыми руками, и, даже если ему удавалось первое время находить себе пропитание, он был совершенно беззащитен перед стихией и хищниками. Несчастный постепенно дичал, а то и повреждался рассудком, и рано или поздно приходил к своему неминуемому и бесславному концу.

Срок пребывания на острове назначался Судьей, и был, как правило, не меньше десяти лет. И хотя корабль в назначенный срок неизменно высылался к островам, чтобы забрать изгнанника, никто не помнит случая, чтобы кто-нибудь возвращался.

Поразмыслив над своим незавидным положением, Патист понял, что сможет освободиться от обвинения в похищении только в случае, если найдется сама Игрит, или в случае, если Флайд согласится помочь ему.

Поскольку время шло, а Игрит не находилась, Патист вновь попросил пригласить к нему Флайда.

– Ну, что на этот раз? – спросил тот, едва появившись на пороге.

– Я рассказал им сегодня про чашу. Сказал, что сам вывез ее из города... – тихо произнес Патист.

Флайд вздохнул с облегчением.

– И что?

– Они не верят мне... Считают, что для чаши цена слишком высока... И еще считают, что ее нельзя было вывезти незаметно...

– И что ты собираешься делать теперь?

– Послушай, Флайд, у меня только один выход. Если ты подтвердишь, что мы украли чашу...

От этих слов Флайда буквально накрыла волна негодования:

– Мы украли, ты сказал?! Мы украли?! – он с трудом переводил дух. – Послушай, Патист, я не вор! Ты использовал меня вслепую, я даже не знал, с чем связался! Теперь ты хочешь, чтобы вся Флавестина узнала, что «мы украли»?!

Патист продолжал так же тихо, как начал разговор:

– Я сам не знал, с чем связался, поначалу. Просто хотел заработать... Потом узнал, правда, но меня это не остановило. Потому что я – вор, – Патист обошел вокруг стола и остановился напротив Флайда. – Но я не похититель и не убийца. А за вора я готов ответить. Если ты согласишься подтвердить, что мы... ну, про чашу, они поверят...

– Я рад, что ты готов! – Флайд продолжал негодовать. – Только вот я не готов! Я не готов, понимаешь?! Не готов пустить в тартарары доброе имя своего отца, не говоря уже о своем собственном! Ты можешь представить: крупнейший землевладелец Флавестины замешан в похищении золотой чаши из Храма Солнца! Благодаря тому что его сын имел неосторожность связаться с... с... – он запнулся.

– Но ведь я тоже оказывал тебе услугу...

– Послушай, Патист, я ведь рассказал, что Игрит приезжала в Глариаду ко мне, ясно? Ты думаешь, это было легко? Крафт безутешен в своем горе, и теперь он считает, что в том есть моя вина. Но я рассказал все – и это не помогло в твоем деле! И что, ты хочешь, чтобы я еще сказал, что поручал тебе следить за ней? И что это даст? Это не объяснит, за что ты получил кучу денег в тот день!

– Вот именно. Только твои показания по чаше могут дать ответ на этот вопрос.

– Но это цена чести всей моей семьи и меня самого! Ты это понимаешь?

Патист низко опустил голову и совсем тихо сказал:

– Это цена моей жизни, Флайд...

Когда Имакс принялся разрабатывать план побега с Игрит, он испытывал некое смутное беспокойство. Не то чтобы он сомневался в успехе этой нелегкой операции, скорее что-то его настораживало в поведении самой девушки. Он ожидал, что, как только она узнает о его готовности ей помочь, ему придется сдерживать ее излишнюю поспешность, чтобы не навредить делу, а вместо этого наткнулся лишь на робкое и неуверенное согласие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.